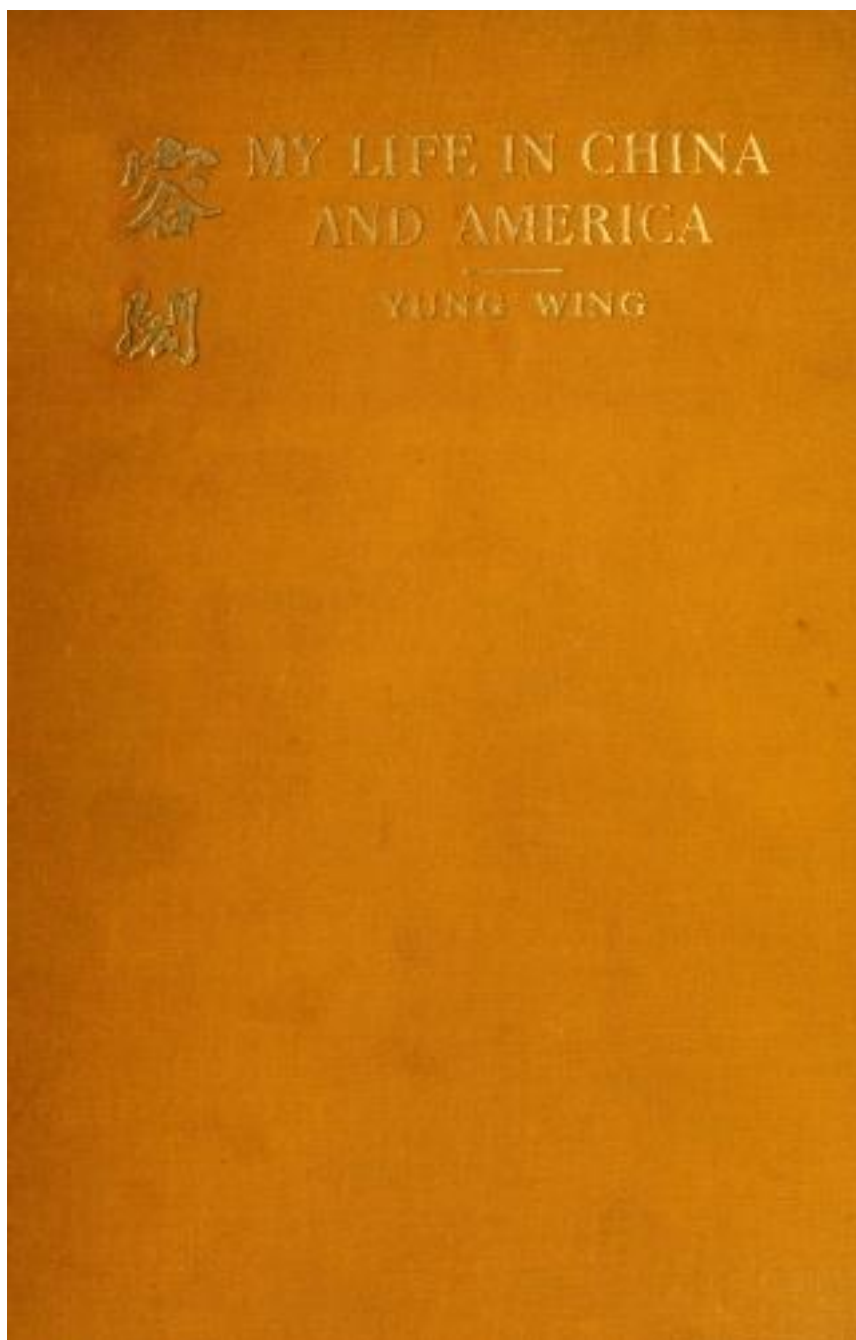

Моя жизнь в Китае и Америке

Винг Юнг

The Project Gutenberg eBook of My Life in China and America.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке США и большинстве других стран мира без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Моя жизнь в Китае и Америке

Автор: Винг Юнг

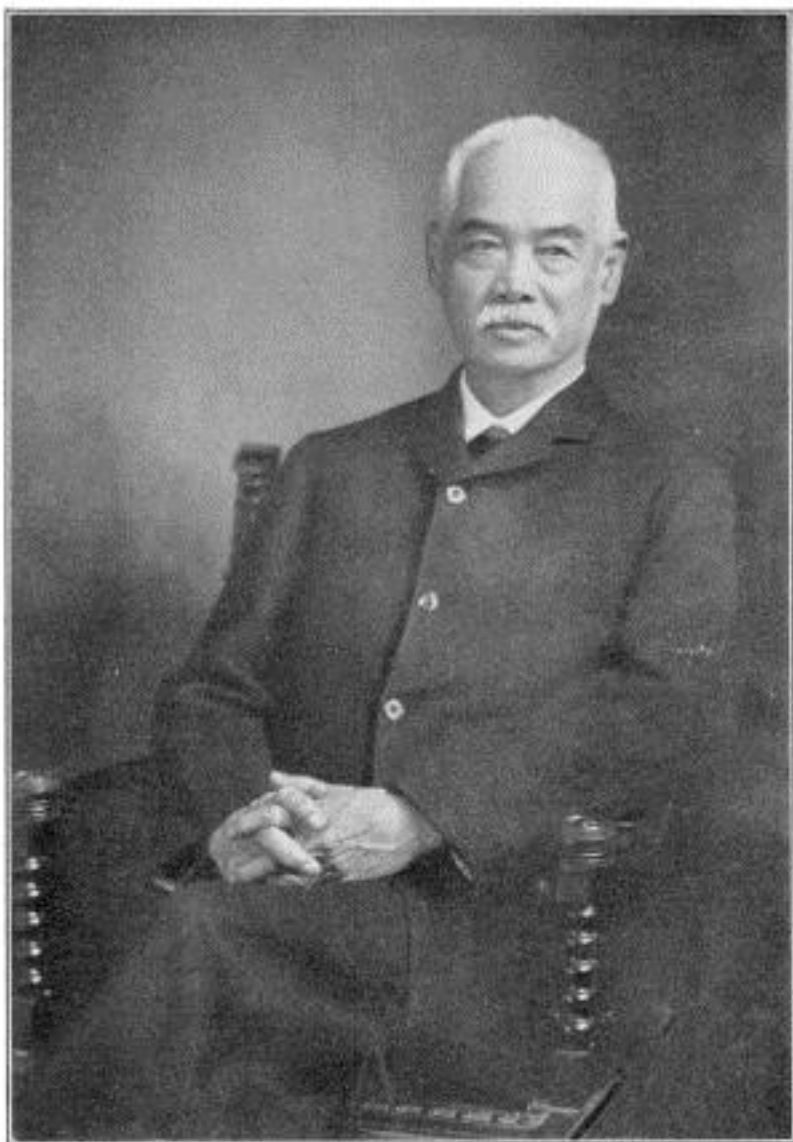
Дата выхода: 30 апреля 2017 [eBook #54635]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Мэри Гленн Краузе, Чаком Грейфом, МФР, Университет Торонто - библиотека Робартса и онлайн-группа распределенной корректуры по адресу: .
Группа корректуры на сайте <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА МОЯ ЖИЗНЬ В КИТАЕ И АМЕРИКЕ ***

Very truly yours
Yung Wing

МОЯ ЖИЗНЬ В КИТАЕ И АМЕРИКЕ

ЮНГ ВИН, А.В., LL.D. (Йель)

КОМИССАР КИТАЙСКОЙ КОМИССИИ ПО ОБРАЗОВАНИЮ,
ПОМОЩНИК КИТАЙСКОГО МИНИСТРА В ВАШИНГТОНЕ,
ОЖИДАЮЩИЙ ТАО-ТАЙ КИАНГ СУ

НЬЮ-ЙОРК
ГЕНРИ ХОЛТ И КОМПАНИЯ
1909

Авторское право, 1909 год
ГЕНРИ ХОЛТ И КОМПАНИЯ
Опубликовано в ноябре 1909 года.

МОИМ ПРЕДАННЫМ СЫНОВЬЯМ МОРРИСОНУ БРАУНУ И БАРТЛЕТТУ ГОЛДЕНУ ЮНГУ

ЭТИ ВОСПОМИНАНИЯ С ЛЮБОВЬЮ ПОСВЯЩАЮТСЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первых пяти главах этой книги рассказывается о моем раннем образовании, предшествовавшем отъезду в Америку, где оно было продолжено сначала в Монсонской академии в Монсоне, штат Массачусетс, а затем в Йельском колледже.

Шестая глава начинается с моего возвращения в китайский мир после восьмилетнего отсутствия. Было бы странно, если бы окцидентальное образование, постоянно демонстрируемое окцидентальной цивилизацией, не произвело с восточным человеком такой метаморфозы в его внутренней природе, которая заставила бы его чувствовать и действовать так, как будто он является существом, пришедшим из другого мира, когда он сталкивается с таким диаметрально иным? Именно таким был мой случай, и тем не менее ни мой патриотизм, ни любовь к соотечественникам не ослабли. Напротив, они окрепли от сочувствия. Поэтому последующие главы моей книги будут посвящены разработке моей образовательной схемы, как выражению моей неизменной любви к Китаю и как наиболее осуществимому, на мой взгляд, методу его реформирования и возрождения.

С внезапным прекращением деятельности Комиссии по образованию и отзывом ста двадцати студентов, которые составляли авангард пионеров современного образования в Китае, моя образовательная работа была завершена.

Из тех, кто остался в живых после 1872 года, несколько человек благодаря упорной и настойчивой работе, наконец, встали в первые ряды ведущих государственных деятелей Китая, и именно благодаря им была возрождена, хотя и в измененной форме,

первоначальная Китайская образовательная комиссия, так что теперь китайские студенты стекаются в Америку и Европу даже с далеких берегов Синима, чтобы получить научное образование.

Ноябрь, 1909,
16 Atwood St., Хартфорд, Коннектикут.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I. ОТРОЧЕСТВО	1
II. ШКОЛЬНЫЕ ДНИ	13
III. ПУТЕШЕСТВИЕ В АМЕРИКУ И ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ О НЕЙ	21
IV. В АКАДЕМИИ МОНСОНА	27
V. МОИ СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ	34
VI. ВОЗВРАЩЕНИЕ В КИТАЙ	42
VII. ПОПЫТКА НАЙТИ РАБОТУ	58
VIII. ОПЫТ В БИЗНЕСЕ	67
IX. МОЯ ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В ЧАЙНЫЕ РАЙОНЫ	79
X. МОЙ ВИЗИТ К ТАЙПИНАМ	96
XI. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВОССТАНИИ ТАЙПИНОВ	113
XII. ЭКСПЕДИЦИЯ В ЧАЙНЫЙ РАЙОН ТАЙПИН	123
XIII. МОИ ИНТЕРВЬЮ С ФАНАТОМ ЦАНГ КВОХОМ	137
XIV. МОЯ МИССИЯ В АМЕРИКУ ДЛЯ ПОКУПКИ ТЕХНИКИ	154
XV. МОЕ ВТОРОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ В КИТАЙ	160
XVI. ПРЕДЛОЖЕНИЕ МОЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СХЕМЫ	170
XVII. КИТАЙСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИССИЯ	180
XVIII. ИССЛЕДОВАНИЕ ДВИЖЕНИЯ КУЛИ В ПЕРУ	191
XIX. ЗАВЕРШЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИССИИ	197
XX. ПУТЕШЕСТВИЕ В ПЕКИН И СМЕРТЬ МОЕЙ ЖЕНЫ	216
XXI. МОЙ ОТЗЫВ О КИТАЕ	224
XXII. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 1898 ГОДА	239
Приложение	247
Индекс: A, B, C, D, E, F, G, H, I, J, K, L, M, N, O, P, R, S, T, U, V, W, Y	275

МОЯ ЖИЗНЬ В КИТАЕ И АМЕРИКЕ

ГЛАВА I

ОТРОЧЕСТВО

Я родился 17 ноября 1828 года в деревне Нам Пинг (Южный Экран), которая находится примерно в четырех милях к юго-западу от португальской колонии Макао и расположена на острове Педро, лежащем к западу от Макао, от которого ее отделяет канал шириной в полмили.

Я был одним из семьи с четырьмя детьми. Брат был старшим, сестра - следующей, я - третьей, а еще один брат - четвертым и самым младшим в группе. Я - единственный выживший из них.

Еще в 1834 году одна англичанка, миссис Гутцлафф, жена преподобного Чарльза Гутцлаффа, миссионера в Китае, приехала в Макао и под эгидой лондонской Дамской ассоциации по развитию женского образования в Индии и на Востоке, сразу же взялась за работу своей миссии, открыв школу для китайских девочек, за которой вскоре последовало открытие школы и для мальчиков.

Компрадор или фактотум миссис Гутцлафф был родом из той же деревни, что и я, и, по сути, являлся другом и соседом моего отца. Именно через него мои родители узнали о школе миссис Гутцлафф, и, несомненно, благодаря его влиянию и средствам отец добился, чтобы меня приняли в школу. Для меня всегда было загадкой, почему мои родители решили отдать меня в иностранную школу, а не в обычную ортодоксальную конфуцианскую, в которой учился мой брат, намного старше меня. Несомненно, такой шаг больше соответствовал бы настроениям китайской общественности, вкусам и потребностям страны в целом, чем разрешение посещать английскую школу; кроме того, китайский культ - единственный путь в Китае, ведущий к политическим преференциям, влиянию, власти и богатству. Я могу объяснить этот отъезд только тем, что, поскольку иностранные контакты с Китаем только начинали развиваться, мои родители, предвидя, что вскоре они могут принять размеры приливной волны, решили, что стоит потянуть время и отдать одного из своих сыновей на изучение английского языка, чтобы он стал одним из передовых переводчиков и занял более выгодное положение, с которого сможет пробиться в деловой и дипломатический мир. Я считаю это главной целью, которая побудила моих родителей отдать меня в миссионерскую школу миссис Гутцлафф. Что же касается других результатов или последовательностей, которые она принесла в мою последующую жизнь, то они были полностью предоставлены Тому, Кто контролирует все наши замыслы и планы, поскольку они управляются полной системой божественных законов предшествующих и последующих событий, или причин и следствий.

В 1835 году, когда мне едва исполнилось семь лет, отец взял меня с собой в Макао. Приехав в школу, я предстал перед миссис Гутцлафф. Она была первой английской леди, которую я когда-либо видел. На мой необразованный и неискушенный ум она произвела глубокое впечатление. Если мне не изменяет память, она была довольно высокой и хорошо сложенной. Черты лица у нее были выразительные и напористые, глаза - ясного голубого цвета, несколько глубоко посаженные. Тонкие губы, поджатые к квадратному подбородку, - все это свидетельствовало о твердости и властности. У нее были льняные волосы и

несколько тяжелые брови. Все ее черты в совокупности говорили о большой решимости и силе воли.

Когда она вышла поприветствовать меня в своем длинном и струящемся белом платье (интервью проходило летом), дополненном двумя большими рукавами-шароварами, которые были модны в то время и придавали ей преувеличенный вид, я помню, что был не столько озадачен, сколько ошеломлен. Я весь дрожал от страха перед ее внушительными пропорциями, никогда в жизни не видя столь необычной и странной моды. В страхе я прижался к отцу. Ее доброе выражение лица и сочувственные улыбки поначалу не находили отклика, так как я стоял в полуоцепенении от ее личности и своего нового окружения. Для меня действительно открылся новый мир. Через некоторое время, когда тоска по дому прошла и новизна окружения начала постепенно улетучиваться, она полностью покорила меня своей добротой и сочувствием. Я стала воспринимать ее как мать. Она проявляла ко мне особый интерес; полагаю, потому, что я была молода, беспомощна и находилась вдали от родителей, к тому же была самой младшей ученицей в школе. Она держала меня среди своих девочек-учениц и не позволяла мне смешиваться с теми немногими мальчиками, которые были в то время.

Одну выходку я не могу забыть никогда! Он произошел в первый год работы школы и был попыткой моего побега. Меня заперли на третьем этаже дома с широкой открытой террасой наверху - единственное место, где мы с девочками играли и отдыхали. Нам не разрешалось выходить за дверь и играть на улице. Мальчики-ученики занимали свои комнаты на первом этаже и имели полную свободу выходить на улицу для занятий. Я завидовал их свободе и тайком спускался по лестнице, чтобы вместе с ними заниматься спортом после уроков. Мне было не по себе, когда я оставалась с девочками в одиночестве на третьем этаже. Мне хотелось увидеть что-нибудь из внешнего мира. Время от времени я спускалась по лестнице и отправлялась на пристань, вокруг которой скопилось множество маленьких паромных лодок, которые так привлекали мое юное воображение. Чтобы обрести свободу, я планировала сбежать. Все девочки были намного старше меня, и некоторые из них сочувствовали мне в моем диком замысле; несомненно, от того же беспокойства, вызванного слишком тесным заточением. Я рассказала им о своем плане. Шестеро из старших поддержали меня в этой затее. Я должен был выскользнуть из дома один, спуститься на пристань и нанять крытую лодку, чтобы она забрала нас всех.

На следующее утро после утренней трапезы, пока миссис Гутцлафф завтракала, мы, ни о чем не подозревая, выскользнули из дома, погрузились в лодку и в спешке отправились на противоположный берег острова Педро. Я должен был отвезти всю компанию к себе домой, а оттуда девушки должны были разойтись по своим деревням. Мы уже переплыли половину канала, когда, к своему ужасу, я увидел, что за нами гонится лодка, которая быстро шла вперед и все время нагоняла нас. Никакие обещания дополнительного вознаграждения не помогли, потому что наши два весла против их четырех не позволяли нам одержать победу; поэтому наши лодочники отказались от гонки под взмахи платков в другой лодке, и вся партия была захвачена. Затем последовало наказание. Нас провели через всю школу и поставили в ряд, стоя на длинном узком школьном столе, поставленном в одном конце школьной комнаты, лицом ко всем ученикам перед нами. Меня поставили в центр ряда, на голову мне надели высокую дудочку, справа от меня стояли три девочки, слева - три. На груди у меня была приколотая большая квадратная плакетка с надписью "Глава беглецов"; так мы простояли целый час, пока не закончилась школа. Никогда в жизни я не чувствовал себя таким униженным, как во время этого испытания. Я чувствовал себя совершенно подавленным. Некоторые озорники извлекали из этого зрелища немного удовольствия,

бросая на нас коварные взгляды и корча рожи. Миссис Гутцлафф, чтобы усугубить наше наказание, распорядилась раздать имбирные чипсы и апельсины другим ученикам прямо перед нами.

Школа миссис Гутцлафф, открытая в сентябре 1835 года, первоначально была предназначена только для девочек. До организации и открытия так называемой "Школы Моррисонского образовательного общества" в период между 1835 и 1839 годами в ее школе было временно организовано отделение для мальчиков, и часть подписного фонда, принадлежавшего школе М. Е. С., была направлена на содержание этого отделения.

Это объясняет мое поступление в школу миссис Гутцлафф как одного из двух мальчиков, принятых первыми. Когда школа была расширена и временно изменена, две племянницы миссис Гутцлафф - мисс Паркес, сестры мистера Гарри Паркеса, который впоследствии был посвящен в рыцари за ту выдающуюся роль, которую он сыграл во второй Опиумной войне в 1864 году, зачинщиком которой он, собственно, и был, - приехали в Китай в качестве помощников в школе. Мне посчастливилось на короткое время оказаться под их руководством.

После этого школа для мальчиков под руководством миссис Гутцлафф и двух ее племянниц, мисс Паркес, была расформирована; это событие развело наши жизненные пути в разные стороны. Миссис Гутцлафф уехала в Соединенные Штаты с тремя слепыми девочками - Лорой, Люси и Джесси. Мисс Паркес вышла замуж за миссионеров: одна - за доктора Уильяма Локхарта, медицинского миссионера, другая - за преподобного мистера МакКлэтчи, тоже миссионера. Они долгое время трудились в Китае под эгидой Лондонского миссионерского общества. Трех слепых девочек, которых миссис Гутцлафф взяла с собой, я учил читать по рельефным буквам, пока они не смогли читать из Библии и "Прогресса Пилигрима".

По возвращении в родную деревню я возобновил изучение китайского языка.

Осенью 1840 года, когда еще продолжалась Опиумная война, мой отец умер, оставив на руках матери четверых детей без средств к существованию.

К счастью, трое из нас были достаточно взрослыми, чтобы протянуть руку помощи. Брат занимался рыбной ловлей, сестра помогала по дому, а я занялся торговлей конфетами в своей и соседней деревне. Я взялся за дело всерьез, вставая в три часа каждое утро, и возвращался домой только в шесть часов вечера. Мой дневной заработок составлял двадцать пять центов, которые я отдавал матери, и с помощью моего брата, который был главным в семье, нам удавалось держать волка подальше от нашей двери. Я занимался торговлей конфетами около пяти месяцев, а когда наступила зима и конфеты перестали делать, я сменил род деятельности и отправился на рисовые поля убирать рис после жнецов. Сестра обычно сопровождала меня в таких поездках. Но в отличие от древней Руфи, у меня не было Боаза, который мог бы помочь мне, когда я не успевала собрать урожай. Но на помощь мне пришло знание английского языка. Моя сестра сказала главному жнецу, что я умею говорить, читать и писать по-английски. Это пробудило любопытство жнеца. Он подозвал меня к себе и спросил, не хочу ли я поговорить с ним о "красноволосых людях". Он ответил, что никогда в жизни не слышал о таких разговорах. Сначала я чувствовал себя неловко и неуверенно, но сестра подбодрила меня и сказала: "Жнец может дать тебе большую связку рисовых снопов, чтобы ты забрал их домой". Это было сказано в качестве своеобразного стимула. Жнец оказался достаточно проницательным и сказал мне, что если я буду говорить, то он даст мне связку тяжелее, чем я смогу унести. Тогда я начал и повторил за ним алфавит. Все жнецы и уборщики стояли в полном молчании, широко раскрыв рты и

ухмыляясь от явного восторга. Через несколько минут после того, как я произнес свою девичью речь на рисовом поле с водой и грязью глубиной почти по колено, я был вознагражден несколькими снопами, и мне пришлось поспешить прочь, чтобы позвать двух других мальчиков, чтобы они понесли то, что мы с сестрой не могли унести. Так я вернулся домой, нагруженный радостью и снопами золотистого риса, к своей матери, не подозревая, что мои скудные познания в английском языке так пригодятся мне в самом начале моей карьеры. Мне тогда было около двенадцати лет. Даже Рут с ее шестью мерами кукурузы справлялась не лучше меня.

Вскоре после того, как дни уборки, которых было слишком мало, закончились, мой сосед, работавший печатником в типографии одного католического священника, приехал из Макао в отпуск. Он рассказал моей матери о том, что священник хочет нанять в свою контору мальчика, который знал бы английский язык настолько, чтобы правильно читать цифры, и мог складывать и подготавливать бумаги для папок. Мать сказала, что я могу справиться с этой работой. Меня представили священнику, и мы заключили сделку. Я вернулся домой, чтобы сообщить о себе, и через несколько дней был в Макао и поступил на службу в качестве папки, получая жалованье 4,50 доллара в месяц. Мой пансион и жилье составляли 1,50 доллара, а остаток в 3,00 доллара каждый месяц исправно высылался моей матери. Я не быстро разбогател на этой работе: я проработал там всего четыре месяца, когда из квартала, которого я меньше всего ожидал, пришел призыв оставить работу. В нем было больше отзвука небес. Он исходил от доктора Бенджамина Хобсона, медицинского миссионера в Макао, чья больница находилась не более чем в миле от типографии. Он сообщил, что хочет меня видеть и что уже несколько месяцев разыскивает меня на сайте. Я хорошо знал доктора Хобсона, так как несколько раз видел его у миссис Гутцлафф. Поэтому я позвонил ему. Сначала я думал, что он примет меня, чтобы сделать из меня врача, но нет, он сказал, что должен выполнить обещание. Последнее послание миссис Гутцлафф перед отъездом в Америку с тремя слепыми девочками было о том, чтобы он обязательно узнал, где я нахожусь, и определил меня в школу Общества образования Моррисона, как только она будет открыта для учеников.

"Вот для чего я хотел вас видеть", - сказал доктор Хобсон. "Прежде чем ты уйдешь с работы и получишь согласие своей матери отдать тебя в школу Моррисона, я хотел бы, чтобы ты пришла в больницу и пожила у меня некоторое время, чтобы я мог лучше познакомиться с тобой, а затем я отведу тебя в школу Моррисона, которая уже открыта для учеников, и познакомлю тебя с учителем".

По окончании беседы я отправился домой к матери, которая после некоторой неохоты дала свое согласие. Я вернулся в Макао, попрощался со священником, который, хотя и был немногословен и сдержан, не сказав мне ни слова за все четыре месяца, что я у него работал, все же не нашел недостатков в моей работе. Я отправился в больницу. Доктор Хобсон сразу же поручил мне работу со ступкой и пестиком, готовя материалы для мазей и пилуль. Я носил поднос и сопровождал его во время обхода пациентов, чтобы облегчить их боли и страдания. Я проработал с ним в больнице около нескольких месяцев, и по окончании этого срока он однажды взял меня и представил преподобному Сэмюэлю Робинсу Брауну, учителю школы Общества образования Моррисона.

ГЛАВА II

ШКОЛЬНЫЕ ДНИ

Школа Моррисона была открыта 1 ноября 1839 года под руководством преподобного С. Р. Брауна, который вместе с женой, миссис Браун, прибыл в Макао 19 февраля 1839 года. Браун, получивший впоследствии звание доктора философии, был выпускником Йельского университета 1832 года. Судя по его происхождению, он прекрасно подходил для того, чтобы стать первопроходцем первой английской школы в Китае. Я поступил в школу в 1841 году. Я обнаружил, что пять других мальчиков поступили раньше меня на один год. Все они изучали начальную арифметику, географию и чтение. Я опередил их только в чтении и хорошем произношении по-английски. В первой половине дня мы изучали английский, а во второй - китайский. Пятерых мальчиков звали так: 1. Вонг Шинг; 2. Ли Кан; 3. Чоу Ван; 4. Тонг Чик; 5. Вонг Фун. Я был шестым и самым младшим из всех. Мы составили первый класс школы и стали самыми старыми учениками Брауна, от первого до последнего, пока он не покинул Китай в декабре 1846 года по причине слабого здоровья. Половина из нашего первоначального числа сопровождала его в эту страну по возвращении.

Школа Общества образования Моррисона возникла таким образом: Вскоре после смерти доктора Роберта Моррисона, которая произошла 1 августа 1834 года, 26 января 1835 года среди иностранных жителей был выпущен циркуляр, призывающий к созданию ассоциации под названием "Образовательное общество Моррисона". Его целью было "улучшение и продвижение английского образования в Китае с помощью школ и других средств". Общество было названо "Моррисон" в память о трудах и работах этого выдающегося человека, который был послан Лондонским миссионерским обществом в качестве первого миссионера в Китай в 1807 году. Он пересек Атлантику из Лондона в Нью-Йорк, где 31 января 1807 года отправился в Китай на парусном судне "Трайдент". Он попытался высадиться в Макао, но ревность иезуитов помешала ему. Он был вынужден подняться в Кантон. В конце концов, из-за неурегулированных отношений между китайским правительством и иностранными купцами он отправился в Малакку и сделал это место основой своих трудов. Он был автором первого англо-китайского словаря, состоящего из трех томов формата кварто. Он перевел Библию на китайский язык; Леанг Афах был его первым обращенным китайцем, которого он обучил проповеди. Впоследствии Леанг стал влиятельным проповедником. Важность и влияние его словаря и перевода Библии на китайский язык на последующую миссионерскую работу в Китае были основополагающими и первостепенными. Проповеди его новообращенного ученика, Леанга Афаха, также в немалой степени способствовали открытию новой эры в религиозной жизни Китая. Поэтому его память достойна того, чтобы сохранить ее путем создания школы, названной в его честь. Действительно, для этой цели следовало бы основать университет, а не школу, существование которой зависело бы исключительно от ненадежных и эфемерных подписок временных иностранных купцов в Китае.

После окончания Опиумной войны в 1840 году и уступки острова Гонконг британскому правительству школа Моррисона была перевезена в Гонконг в 1842 году. Место для нее было выбрано на вершине холма, расположенного на высоте около шестисот футов над уровнем моря. Холм находится в восточной части колонии Виктория и был назван "Холм Моррисона" по имени школы. С него открывается прекрасный вид на гавань, простирающуюся с востока на запад. Только благодаря гавани Гонконг стал самой желанной концессией в Южном Китае. Она достаточно просторна и глубока, чтобы вместить военно-морской флот

Великобритании, и именно эта отличительная особенность и стратегическое расположение сделали его тем, чем он является.

12 марта 1845 года мистер Вм. Аллен Мейси прибыл в Гонконг в качестве помощника учителя в школе. Его прибытие было своевременным, поскольку с момента переезда из Макао в Гонконг школа значительно расширилась. Было сформировано еще три класса новых учеников, и общее число учащихся превысило сорок человек. Это было больше, чем мог осилить один человек. Помощник учителя был очень нужен. Браун продолжал работать в школе до осени 1846 года. У Мейси был целый год, чтобы вникнуть в работу.

Между Брауном и Мейси была заметная разница в темпераменте и характере. Браун, с одной стороны, демонстрировал признаки человека, создавшего себя сам. Он отличался спокойным нравом, разносторонне подходил к выбору средств для достижения целей, был джентльменом, приятным и в некоторой степени оптимистичным. Ему было нетрудно привязаться к своим ученикам, потому что он сочувствовал им в их попытках овладеть учебой и входил душой и сердцем в свою работу. Он обладал врожденной способностью прояснять ситуацию и доносить до учеников свое понимание предмета без иносказаний, с большой прямоотой и точностью. В значительной степени это объяснялось его опытом работы в качестве педагога до отъезда в Китай и даже до поступления в колледж. Он умел управлять мальчиками, потому что хорошо знал их природу, будь то китайцы, японцы или американцы. Он производил впечатление на своих учеников как прекрасный учитель и человек, обладающий врожденным тактом и темпераментом, чтобы стать успешным школьным учителем, что он и доказал в своей последующей карьере в Оберне, штат Нью-Йорк, и в Японии.

Мейси, помощник учителя, тоже был выходцем из Йеля. Он никогда в жизни не преподавал в школе и не имел случая сделать это. У него не было никакого опыта, которым он мог бы руководствоваться в своей новой педагогической работе в Китае. Он, очевидно, получил хорошее воспитание и был человеком чувствительной натуры и тонких нравственных чувств, с душой, полной искренности и высоких идеалов.

После того как школа Моррисона распалась в 1850 году, он вернулся в эту страну вместе с матерью и занялся теологией в Йельской богословской семинарии. В 1854 году он снова отправился в Китай в качестве миссионера Американского совета. Я тогда окончил Йельский колледж и возвращался в Китай вместе с ним. Мы были единственными пассажирами в том долгом, утомительном и самом трудном путешествии из Сэнди-Хука в Гонконг, длившемся 154 дня.

Браун покинул Китай зимой 1846 года. За четыре месяца до отъезда он однажды преподнес сюрприз всей школе. Он рассказал о том, что собирается вернуться в Америку по состоянию своего здоровья и здоровья своей семьи. Прежде чем закончить свое выступление, рассказав о своем глубоком интересе к школе, он сказал, что хотел бы взять с собой домой нескольких своих старых учеников, чтобы они завершили свое образование в Соединенных Штатах, и что те, кто желает сопровождать его, должны обозначить это поднятием. Это заявление, а также его решение вернуться в Америку навевали глубокое уныние на всю школу. На всех нас наступила мертвая тишина. И потом в течение нескольких дней все наши разговоры сводились к тому, что Браун навсегда покидает школу. Единственными весельчаками среди нас были те, кто решил проводить его домой. Это были Вонг Шинг, Вонг Фун и я. Когда он попросил тех, кто желает сопровождать его в Штаты, подняться, я первым встал на ноги. Вонг Фун был вторым, за ним последовал Вонг Шинг. Но прежде чем считать наши дела окончательно решенными, нам велели вернуться домой и спросить согласия

родителей. Моя мать дала свое согласие с большой неохотой, но после моих убедительных уговоров она уступила, хотя и не без слез и печали. Я утешал ее тем, что у нее есть еще два сына, кроме меня, и дочь, которая будет заботиться о ее комфорте. Кроме того, у нее будет невестка, которая будет заботиться о ней, так как мой старший брат был помолвлен и собирался жениться.

Не лишним будет сказать, что если бы все зависело от наших собственных ресурсов, мы никогда не смогли бы приехать в Америку, чтобы завершить свое образование, поскольку все мы были бедны. Несомненно, Браун успел обсудить этот проект с попечителями школы за несколько месяцев до того, как обратился к ученикам с этой темой.

Именно благодаря его влиянию были приняты меры по содержанию наших родителей в течение как минимум двух лет, пока мы отсутствовали в Америке. Наши покровители, взявшие на себя все наши расходы, не собирались, чтобы мы оставались в этой стране дольше двух лет. Они обращались с нами благородно. Они сделали для нас большую работу. Среди тех, кто принял заметное участие в покрытии наших расходов во время пребывания в Америке, а также в обеспечении наших престарелых родителей, я могу вспомнить имена Эндрю Шортреда, владельца и редактора "Гонконг Чайна Мейл" (он был шотландцем, старым холостяком, благородным и красивым образцом человечности), А. А. Ричи, американского торговца, и А. А. Кэмпбелла, еще одного шотландца. Были и другие, неизвестные мне люди. Сыновья Олифанта, Дэвид, Талбот и Роберт, три брата, ведущие нью-йоркские купцы, предоставили нам бесплатный проезд из Гонконга в Нью-Йорк на своем паруснике "Охотница", который в то же время привез груз чая. Хотя мне уже поздно называть имена этих благодетелей, которые из чистых побуждений христианской филантропии помогали мне в моем образовании, тем не менее их потомкам, если таковые живут в разных частях света, будет приятно узнать, что их сыновья приняли видное участие в образовании трех китайских юношей - Вонг Шинга, Вонг Фуна и меня.

ГЛАВА III

ПУТЕШЕСТВИЕ В АМЕРИКУ И ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ПРЕБЫВАНИЯ ТАМ

Будучи таким образом щедро обеспеченными, мы отправились в Уомпоа 4 января 1847 года на хорошем судне "Охотница" под командованием капитана Гиллеспы. Как уже говорилось выше, судно принадлежало братьям Олифант и было загружено полным грузом чая. Нам благоприятствовал северо-восточный пассат, который дул сильно и устойчиво на всем пути от Уомпоа до Святой Елены. Не было никаких происшествий, за исключением шторма, когда мы вдвое обогнули мыс Доброй Надежды. Верхушки мачт и концы верфей были утыканы шарами электричества. Сильный ветер завывал и свистел позади нас, словно сонм невидимых фурий. Ночь была абсолютно темной, и электрические шары, танцующие на концах верфей и верхушках мачт, туда-сюда и из стороны в сторону, как множество адских фонарей в черной ночи, представляли собой зрелище, которое я никогда не забуду. Я не осознавал никакой опасности, хотя корабль накренился и застонал, но получал огромное удовольствие от этой дикой и странной сцены. После того как мыс был удвоен, наше судно бороздило сравнительно гладкие воды Атлантики, пока мы не достигли острова Святой Елены, где были вынуждены остановиться для получения пресной воды и провизии. Большинство парусных судов, направлявшихся с востока в Атлантический океан, привыкли делать остановку на острове Святой Елены. Остров Святой Елены, если смотреть с борта корабля, внешне представлял собой бесплодную вулканическую скалу, словно только что

вышедшую из крещения огнем и серой. На ее выжженной и обугленной поверхности не было видно ни травинки. Мы высадились в Джеймстауне - небольшой деревушке в долине острова. В этой долине была богатая и красивая растительность. Среди немногочисленных жителей мы обнаружили несколько китайцев, которых привезли сюда корабли Ост-Индской компании. Это были люди среднего возраста, и у них там были свои семьи. Во время поездки мы зашли в Лонгвуд, где находилась пустая гробница Наполеона. Над ней свисала и раскачивалась большая плакучая ива. Мы срезали несколько веток и сохранили их живыми, пока не добрались до этой страны, и они были привезены в Оберн, штат Нью-Йорк, мистером Брауном, который посадил их возле своего дома, когда он преподавал в Академии Оберна в течение нескольких лет до своего отъезда в Японию. Эти ивы оказались прекрасными, красивыми деревьями, когда я посетил Оберн в 1854 году.

От острова Святой Елены мы взяли северо-западный курс и попали в Гольфстрим, который при благоприятном ветре за короткое время привел нас в Нью-Йорк. Мы высадились в Нью-Йорке 12 апреля 1847 года, после девяти с половиной дней беспрецедентно хорошей погоды. Нью-Йорк 1847 года был совсем не похож на Нью-Йорк 1909 года. Это был город с населением всего 250 000 или 300 000 человек; теперь это мегаполис, соперничающий с Лондоном по численности населения, богатству и торговле. Весь остров Манхэттен превратился в город небоскребов, церквей и роскошных резиденций.

Когда в 1845 году, учась в школе Моррисона, я написал сочинение на тему "Воображаемое путешествие в Нью-Йорк и вверх по Гудзону", я и не подозревал, что мне предстоит увидеть Нью-Йорк наяву. Этот случай наводит меня на размышления о том, что иногда наше воображение предвещает то, что лежит на самом вершине нашего сознания, и переносит возможности в сферу реальности. Китайская программа образования - еще один пример реальности, которая появилась из моих дневных мечтаний за год до окончания университета. Как и женитьба на американке. Есть и другие дневные мечты, которые еще предстоит воплотить в жизнь; сбудутся они или нет, определит будущее.

Наше пребывание в Нью-Йорке было недолгим. Первыми друзьями, которых нам посчастливилось завести в новом мире, стали профессор Дэвид Э. Бартлетт и его жена. Он был профессором в нью-йоркском приюте для глухонемых, а затем был связан с подобным учреждением в Хартфорде. Профессор умер в 1879 году. Его жена, миссис Фанни П. Бартлетт, пережила его почти на тридцать лет и скончалась весной 1907 года. Она была женщиной, которую очень уважали и любили за ее высокий христианский характер и неустанную деятельность на благо общества, в котором она жила. Ее влияние распространялось даже на Китай благодаря нескольким студентам, которым довелось наслаждаться ее заботой и обучением. Я считаю ее одним из своих самых дорогих друзей в Америке.

Из Нью-Йорка мы отправились на корабле в Нью-Хейвен, где у нас была возможность увидеть Йельский колледж и быть представленными президенту Дью. Тогда у меня и в мыслях не было стать выпускником одного из лучших колледжей страны, как это случилось несколько лет спустя. Мы отправились по железной дороге из Нью-Хейвена в Уэрхаус Пойнт, а оттуда - в Ист-Виндзор, дом миссис Элизабет Браун, жены доктора Брауна. В то время жили ее родители. Ее отец, преподобный Шубаэль Бартлетт, был пастором конгрегационной церкви в Ист-Виндзоре. Я хорошо помню первую субботу, когда мы посетили его церковь. Мы, трое китайских мальчиков, сидели на скамье пастора, которая находилась слева от кафедры, с боковым видом на священника, но на виду у всей общины. Мы были центром внимания всей церкви. Сомневаюсь, что в тот день на проповедь обращали много внимания.

Преподобный Шубазль Бартлетт был подлинным образцом старого пуританина из Новой Англии. Он был точен и аккуратен во всех своих манерах и поступках. Он говорил обдуманно и торжественным тоном, но полным искренности и серьезности. Он вел себя так, словно ступал по тонкому льду, осторожно и осмотрительно. По его внешнему виду можно было предположить, что он строг и требователен, но он был мягким и заботливым. Каждое утро во время утренней молитвы он клал семейную Библию и сборник гимнов на одно и то же место на столе, квадратом и в прямых линиях. Он всегда сидел на одном и том же месте во время утренней молитвы. Другими словами, вы всегда знали, где его найти. Его привычки и повседневная жизнь были регулярны, как часы. Я никогда не слышал, чтобы он пошутил или разразился открытым смехом.

Миссис Бартлетт, мать миссис Браун, была совсем другого склада. Она всегда была жизнерадостной. Улыбка озаряла ее черты лица почти всегда, и для каждого у нее находилось доброе и веселое слово, а приятный тон ее голоса всегда нес в себе жизнерадостность и доброжелательность. Благодаря ее доброму нраву и гостеприимству пасторат стал излюбленным местом отдыха для всех друзей и родственников семьи, которых было немало. Для меня всегда было загадкой, как старушке удавалось сводить концы с концами, когда зарплата ее мужа не превышала 400 долларов в год. Конечно, ферма ежегодно что-то приносила, но Дэниелу, младшему сыну, который был прислугой у пожилой пары, приходилось много работать, чтобы поддерживать престиж пасторали. Именно в этом пасторате я нашел временное пристанище, пока учился в школе в Монсоне, а также в Йеле.

ГЛАВА IV

В АКАДЕМИИ МОНСОНА

Мы пробыли в Ист-Виндзоре около недели, а затем отправились в Монсон, штат Массачусетс, чтобы поступить в тамошнюю академию. Академия Монсона в свое время была довольно известной подготовительной школой в Новой Англии, еще до того, как появились средние школы. Сюда съезжались юноши со всех уголков страны, чтобы пройти подготовку к поступлению в колледжи. В разные периоды истории школы ее директорами становились люди с богатым характером и опытом. Одним из них был преподобный Чарльз Хэммонд. Он был во всех смыслах самостоятельным человеком. Он окончил Йельский университет, с энтузиазмом относился к классике и был большим поклонником английской литературы. Он был человеком либеральных взглядов и широких симпатий. Он был хорошо известен в Новой Англии как педагог и поборник умеренности и новоанглийских добродетелей. Его высокий характер обеспечил Академии широкую известность, и школа никогда не была в более процветающем состоянии, чем когда он был директором. Он проявлял особый интерес к нам, трем китайским студентам - Вонг Шингу, Вонг Фуну и мне - не столько из-за новизны присутствия китайцев в школе, сколько из-за своего интереса к Китаю и возможной пользы от нашего образования.

В первый год обучения в Академии нас определили на английский факультет. Мы изучали арифметику Гринлифа, грамматику английского языка, физиологию и философию разума Апхэма. На последних двух занятиях мы декламировали перед новой прецепторшей, мисс Ребеккой Браун, выпускницей Маунт-Холиока, валидикторианкой своего класса. Впоследствии она стала женой доктора А. С. МакКлина из Спрингфилда, штат Массачусетс. Она была прекрасным учителем и женщиной исключительных христианских добродетелей. У нее был ровный и добрый нрав, и она была полна доброй воли и добрых дел. Она и ее муж, добрый доктор, проявляли ко мне неподдельный интерес; они предоставили мне дом на

время моих каникул в колледже и всячески помогали мне в моей борьбе в Йеле. Я продолжал переписываться с ними после возвращения в Китай, а по возвращении в эту страну меня всегда радушно приглашали в их дом в Спрингфилде. Именно благодаря такой искренней дружбе я сделал Спрингфилд своей штаб-квартирой в 1872 году, когда привез в эту страну первую партию студентов из правительства.

Браун отдал нас на попечение своей матери, миссис Фиби Х. Браун. Мы жили у нее, но нам была выделена отдельная комната в доме через дорогу, напротив ее коттеджа. Ее овдовевшая дочь с тремя мальчиками заняла все свободные комнаты в коттедже, поэтому нам не хватило места.

В те первобытные времена питание и проживание в деревне были весьма умеренными. Бедные студенты имели все шансы заработать на образование. Помню, мы платили за питание и проживание, включая топливо, свет и стирку, всего по 1,25 доллара в неделю на каждого, но нам приходилось самим заботиться о своих комнатах, а зимой пилить и колоть дрова, что было для нас капитальным занятием.

Наше жилье находилось примерно в полумиле от академии. Нам приходилось трижды в день ходить пешком в школу и обратно, в разгар зимы, когда снег лежал на глубине трех футов; это давало нам много физических упражнений, возбуждало аппетит и поддерживало нас в прекрасной форме.

Я вспоминаю о своем знакомстве с миссис Фиби Х. Браун со смешанным чувством уважения и восхищения. Она, безусловно, была выдающейся жительницей Новой Англии - женщиной с непревзойденной силой морального и религиозного характера. Те, кто имел редкую привилегию прочитать ее захватывающую биографию, уверен, поддержат меня в этом утверждении. Она прошла через горнило беспрецедентных жизненных невзгод и испытаний и вышла из него одной из тех редких светил, которые украшают небо Новой Англии. Она является автором известного гимна "Я люблю на время отвлечься от всех тягостных забот" и т. д., который дышит спокойным духом довольства и покорности, где бы он ни исполнялся.

Преподобный Чарльз Хэммонд, директор академии на момент нашего вступления в нее, был выпускником Йельского университета, как я уже говорил, и человеком с тонким культурным вкусом. Он был восторженным поклонником Шекспира, который был его любимым поэтом; среди ораторов он был равнодушен к Дэниелу Вебстеру. Он обладал способностью внушать своим ученикам любовь к прекрасному, как в древней, так и в современной литературе. На наших ежедневных лекциях он уделял больше внимания красоте предложения и его построению, чем грамматическим правилам, настроениям и временам. Он был прекрасным писателем. Его обращения и проповеди были острыми и полными жизни. Как и доктор Арнольд из Регби, он стремился воспитать в своих учениках характер, а не превратить их в ходячие энциклопедии или умных попугаев. Именно благодаря ему я познакомился с Аддисоном, Голдсмитом, Диккенсом, сэром Вальтером Скоттом, "Эдинбургскими обзорами", Макколеем и Шекспиром, которые составили основную часть моего чтения во время пребывания в Монсоне.

В течение первого года обучения в Академии Монсона у меня не было и мысли о том, чтобы пройти курс обучения в колледже. Было понятно, что в конце 1849 года я вернусь в Китай, и ассигнования на сайте были сделаны в соответствии с этим планом. Осенью 1848 года, после того как Вонг Шинг - старший из нас троих - вернулся в Китай по причине слабого здоровья, мы с Вонг Фуном, оставленные продолжать обучение еще на год, часто встречались, чтобы обсудить планы на будущее до конца положенного срока. В конце концов мы оба решили остаться в этой стране, чтобы продолжить обучение, но возник

вопрос: кто будет поддерживать нас финансово после 1849 года? Это был гордиев узел. Мы решили проконсультироваться по этому вопросу с мистером Хаммондом и мистером Брауном. Они оба решили направить этот вопрос на нашим покровителям в Гонконге. Пришел ответ, что если мы хотим продолжить обучение после 1849 года, то они готовы продолжить поддержку в виде профессионального курса, если мы готовы поехать в Шотландию и пройти обучение в Эдинбургском университете. Это было щедрое и благородное предложение.

Вонг Фун, со своей стороны, после долгих размышлений решил принять предложение и уехать в Шотландию в конце 1849 года, в то время как я, со своей стороны, предпочел остаться в этой стране и продолжить обучение в Йеле. Решение Вонг Фуна избавило его от всех финансовых забот, в то время как проблема, как мне оплачивать счета за обучение после 1849 года, все еще оставалась нерешенной. Но я не позволил недоумениям будущего нарушить мое душевное спокойствие. Я бросил все свои тревоги на ветер, доверившись мудрому Провидению, которое позаботится о моем будущем, как оно позаботилось о моем прошлом.

Мы с Вонг Фуном, сделав решительный шаг, бросили изучение английского языка в конце 1849 года, а осенью того же года приступили к прохождению классического курса. Летом 1850 года мы окончили академию. Вонг Фун, по предварительной договоренности, отправился в Шотландию и поступил в Эдинбургский университет. Я остался в этой стране и поступил в Йельский университет. Прошло почти десять лет с тех пор, как мы впервые встретились в школе Моррисона в Макао в 1840 году и стали не только товарищами по школе, но и по классу. Теперь эта связь была разорвана.

Вонг проучился в университете семь лет. Завершив профессиональное обучение на врача, он вернулся в Китай в 1857 году. Он был прекрасным ученым. Он окончил университет третьим в своем медицинском классе. Он также отличился в своей профессии. Его способности и мастерство обеспечили ему завидную репутацию одного из самых искусных хирургов к востоку от мыса Доброй Надежды в то время. У него была прекрасная практика в Кантоне, где иностранные жители предпочитали его европейским врачам. Он был очень успешен и сколотил немалое состояние до своей смерти, которая произошла в 1879 году. И местные, и иностранные жители ощутили его потерю. Его очень уважали и почитали китайцы и иностранцы за его христианский характер и чистоту жизни.

ГЛАВА V

МОИ СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

До поступления в Йель я не решил проблему, как мне пройти курс обучения в колледже без финансовой поддержки определенного и гарантированного характера. Легко говорить о том, что образование можно получить, работая, и в этом есть своя романтика, которая захватывает воображение, но совсем другое дело - столкнуться с этим в деловой и практической плоскости. Так оказалось и со мной, когда я приступил к делу. У меня не было никого, кроме Брауна, который уже так много сделал для меня, доставив в эту страну, и Хэммонда, который готовил меня к поступлению в колледж. К ним я обратился за советом и консультацией. Мне посоветовали воспользоваться условным фондом, предназначенным для неимущих студентов. Он находился в руках попечителей академии и так хорошо охранялся, что его нельзя было присвоить без подписания получателем письменного обязательства, что он будет учиться на священника и впоследствии станет миссионером. В

таком случае я решил, что мне совершенно бесполезно обращаться в фонд. Однако был назначен день, когда я встретился с попечителями в пасторате, чтобы обсудить этот вопрос. Они сказали, что будут очень рады, если я воспользуюсь фондом, при условии, что я готов подписать обязательство, что после окончания университета вернусь в Китай в качестве миссионера. Я дал попечителям понять, что никогда не дам такого обещания по следующим причинам: Во-первых, это помешало бы мне и ограничило бы мою полезность. Я хотел иметь максимальную свободу действий, чтобы использовать любую возможность для совершения величайшего добра в Китае. В случае необходимости я мог бы быть вынужден создать новые условия, если бы обнаружил, что старые не соответствуют любому моему плану по содействию ее наивысшему благосостоянию.

Во-вторых, призвание миссионера - не единственная сфера жизни, в которой можно сделать больше всего добра в Китае или где-либо еще. В такой огромной империи едва ли можно ограничить стремление человека творить добро, если он обладает духом Христа; с другой стороны, если у него нет такого духа, то никакие обещания в мире не смогут растопить его скованную льдом душу.

В-третьих, обязательство такого характера не позволит мне воспользоваться любым обстоятельством или событием, которое может возникнуть в жизни такой нации, как Китай, чтобы оказать ей большую услугу.

"По этим причинам, - сказал я, - я должен отказаться дать залог и в то же время отказаться принять ваше любезное предложение помочь мне. Я очень благодарен вам, господа, за ваши добрые пожелания".

И Браун, и Хаммонд впоследствии согласились с тем, что я придерживаюсь правильной точки зрения, и поддерживали меня в моей позиции. Конечно, я был беден, но я не позволил бы своей бедности взять верх и заставить меня обменять мои внутренние убеждения о долге на временный кусок похлебки.

Летом 1850 года Браун, который, по-видимому, совершал визит на Юг к своей сестре, зашел к некоторым членам "Дамской ассоциации" в Саванне, штат Гавайи, которым он упомянул о моем деле. Он вернулся домой как раз вовремя, как только я прошел собеседование с попечительским советом академии. Я рассказал ему о результатах, и, как уже говорилось выше, он одобрил мою позицию и рассказал, что он сделал. Он сказал, что члены ассоциации согласились помочь мне в учебе. Убедившись в этом, я набрался смелости и отправился в Нью-Хейвен, чтобы сдать экзамен для поступления. Как меня приняли, я не знаю, ведь у меня было всего пятнадцать месяцев латыни, двенадцать месяцев греческого и десять месяцев математики. Моя подготовка была прервана из-за того, что академию разбили из-за строящейся рядом железной дороги Палмер и Нью-Лондон. По сравнению с подготовкой к колледжу девяти десятых моих товарищей по классу, я сильно отставал. Тем не менее, я сдал экзамен без проблем. Но я был убежден, что недостаточно подготовлен, о чем красноречиво свидетельствовали мои выступления в классе. Между борьбой за то, чтобы свести концы с концами в финансовом плане, и тем, чтобы не отстать от класса в учебе, мне было очень тяжело. Весь первый курс я до двенадцати часов ночи трудился над учебой. Я почти не занимался спортом, мое здоровье и силы стали подводить, и я был вынужден попросить недельный отпуск. Я поехал в Ист-Виндзор, чтобы отдохнуть, и вернулся обновленным.

На втором курсе, из-за моего полного отвращения к математике, особенно к дифференциальному и интегральному исчислению, которое я ненавидел и ненавижу, и которое не принесло мне практически никакой пользы в плане умственной дисциплины, я так

часто проваливался и проваливался, что я действительно думал, что меня выкинут из класса или отчислят из колледжа. Но по каким-то необъяснимым причинам мне удалось избежать подобной катастрофы, и я проскочил второй год обучения в колледже с таким низким баллом, что боялся спросить об этом своего репетитора, которым оказался репетитор Блоджет, занимавшийся со мной греческим языком. Единственной искупительной чертой, которая спасла меня как студента класса 1854 года, было то счастливое обстоятельство, что я дважды успешно участвовал в соревнованиях по английскому языку в своем отделении. Я получил первый приз во втором семестре и первый приз в третьем семестре года. Эти призы принесли мне немало радости как в колледже, так и во внешнем мире, но я вовсе не радовался им из-за своей низкой стипендии, которую остро ощущал на протяжении всего обучения в колледже.

Перед окончанием второго года обучения мне удалось взять на себя руководство клубом, состоящим из второкурсников и младших школьников. Всего в нем было двадцать членов. Я занимался маркетингом и прислуживал за столом. Таким образом, я зарабатывал на пансион в течение всей второй половины обучения в колледже. Что касается денег, то я получала денежные переводы от "Дамской ассоциации" в Саванне, а также пожертвования от братьев Олифант из Нью-Йорка. Помимо этих источников, мне платили за то, что я был помощником библиотекаря "Братьев в единстве" - одного из двух дебатных обществ колледжа, имевших библиотеку, членом которой я являлся.

В выпускном классе меня снова избрали библиотекарем того же общества, и я получил 30 долларов. Этих сумм было достаточно, чтобы покрыть все мои денежные счета, поскольку мои желания должны были быть тонко обрезаны, чтобы соответствовать ткани. Если большинство сельских пасторов того времени могли обходиться зарплатой в 200 или 300 долларов в год (дополняемой, конечно, ежегодной партией пожертвований, которая иногда уносила больше, чем жертвовала), имея, как правило, большую семью, о которой нужно было заботиться, то я, конечно, должен был быть в состоянии закончить колледж с подарками почти на такую же сумму, дополненную пожертвованиями рубашек и чулок от дам, которые проявляли интерес к моему образованию.

Выпуск 1854 года, к которому я имел честь и удачу принадлежать, насчитывал девяносто восемь человек. Будучи первым китайцем, который когда-либо проходил обучение в первоклассном американском колледже, я, естественно, привлек к себе большое внимание; а поскольку в течение двух лет я был библиотекарем одного из дебатных обществ колледжа (другим было общество "Линония"), меня знали члены трех классов выше и члены трех классов ниже меня. Этот факт способствовал моему знакомству с миром колледжа в целом, а моя национальность, конечно, добавляла пикантности моей популярности.

Будучи студентом, я уже приобрел в стенах Йельского университета фактическую репутацию. Но она была эфемерной и вскоре перестала существовать после окончания университета.

На протяжении всего обучения в колледже, особенно в последний год, плачевное состояние Китая постоянно стояло у меня перед глазами и тяготило мое настроение. В своем унынии я часто жалел, что не получил образования, так как образование безошибочно расширило мой умственный и нравственный кругозор, открыло мне обязанности, которых никогда не увидит закрытый глаз невежества, и страдания и несправедливости человечества, к которым никогда не сможет быть чувствительна некультурная и черствая натура. Чем больше человек знает, тем больше он страдает и, следовательно, менее счастлив; чем меньше он знает, тем меньше он страдает, и, следовательно, более счастлив. Но это низкий взгляд на жизнь, трусливое чувство, недостойное существа, носящего отпечаток божественности. Я начал

получать образование. Упорным трудом и самоотречением я наконец добился желанного приза, и хотя оно, возможно, не было таким полным и симметричным, как хотелось бы, все же я достиг общепринятого стандарта и представления о либеральном образовании. Поэтому я мог назвать себя образованным человеком, и, как таковой, я должен был задаться вопросом: "Что я буду делать со своим образованием?" Еще до окончания последнего года обучения в колледже я уже набросал план действий. Я твердо решил, что подрастающее поколение Китая должно пользоваться теми же образовательными преимуществами, что и я; что благодаря западному образованию Китай может возродиться, стать просвещенным и могущественным. Достижение этой цели стало путеводной звездой моих амбиций. На достижение этой цели я направил все свои умственные ресурсы и энергию. Сквозь толстые и тонкие слои, через все перипетии жизни с 1854 по 1872 год я трудился и ждал ее осуществления.

ГЛАВА VI

ВОЗВРАЩЕНИЕ В КИТАЙ

Когда я приступил к делу своей жизни, которое для меня было так полно смысла и серьезности, первым эпизодом стало путешествие в старую страну, которую я не видел почти десять лет, но которая никогда не ускользала от моего взгляда и сердечной тоски по ее благополучию. Мне очень хотелось остаться здесь еще на несколько лет, чтобы заняться наукой. Я начал заниматься геодезией в Шеффилдской научной школе как раз в то время, когда эта кафедра начала свое существование под руководством профессора Нортон. Если бы у меня были средства для получения практической профессии, это могло бы помочь сократить и облегчить путь к намеченной цели; но так как я был беден, а мои друзья считали, что более длительное пребывание в этой стране может задержать меня здесь навсегда, а Китай потеряет меня совсем, то по этой и другим причинам я был вынужден вернуться. Научный курс, соответственно, был оставлен. Больше всего в моем возвращении в Китай были заинтересованы Пелатия Перит из компании "Гудхью и Ко", занимающейся торговлей в Китае, и братья Олифант, которые за восемь лет до этого проявили такой живой интерес, помогая мне приехать на их корабле "Охотница". У этих джентльменов не было других мотивов желать моего возвращения в Китай, кроме надежды увидеть меня полезным в деле христианизации китайцев, что соответствовало их известным широким и доброжелательным характерам.

13 ноября 1854 года преподобный Уильям Аллен Мейси, который в 1845 году отправился в Гонконг, чтобы занять место преподобного доктора Брауна в качестве учителя в школе Общества образования Моррисона, вернулся в Китай в качестве миссионера Американского совета, и мы стали попутчиками на борту парусного клипера "Эврика" под командованием капитана Уиппла из компании "Чембер, Хайсер и Ко" из Нью-Йорка.

Зима - худшее время года для восточного путешествия на парусном судне через мыс Доброй Надежды. В это время преобладают северо-восточные пассаты, и на всем пути обязательно будут встречные ветры. Судно "Эврика", на котором мы с Мейси были единственными пассажирами, шло этим путем в Гонконг. Мы поднялись на его борт, когда он шел по Ист-Ривер. День был мрачный и пронизывающе холодный. Ни один носовой платок не развеивался в воздухе, приветствуя нас; ни один звук с берега не подбадривал нас, когда взвешивали якорь и когда буксир отбуксировал нас до Сэнди-Хук. Там мы были предоставлены самим себе. Паруса не были развернуты до конца, но были спущены для галсов, так как ветер был почти попутный и довольно сильный. Мы обнаружили, что на

"Эврике" нет груза и даже какого-либо балласта, поэтому она вела себя как моряк, который только что перекусил перед выходом в море. Ее швыряло вверх-вниз и крутило вправо-влево, как будто она немного перебрала, чтобы удержать равновесие. Именно таким образом она проделала путь от Сэнди-Хука до Гонконга - расстояние почти в 13 000 морских миль, на что у нее ушло 154 дня. Это было самое неинтересное и утомительное плавание, которое я когда-либо совершал в своей жизни. Шкипер был филладельфийцем. У него была досадная привычка сильно заикаться, что раздражало его вспыльчивый от природы характер. На него, конечно, было смешно смотреть. Особенно по утрам можно было видеть, как он расхаживает по квартердеку, изучая небо. Это, по мнению зрителей, было необходимо шкиперу, чтобы привести себя в порядок перед пантомимическими выступлениями в борьбе с встречным ветром. Вдруг он остановился, уставился на ту часть неба, откуда дул злобный встречный ветер. С лицом, раздувшимся и покрасневшим от сильного волнения, с глазами, почти вылезшими из глазниц, пылающими от неконтролируемой ярости, с поднятыми вверх руками, он хватался за волосы, словно вырывая их с корнем, скрежетал зубами и одновременно вскакивал, ударяя по палубе, и клял Всевышнего за то, что тот посылает ему встречные ветры. Воздух на мгновение раскалывался от его отвратительных восклицаний и богохульных клятв, которые изрекались с трудом, заикаясь и запинаясь, что превращало его в самый жалкий объект для созерцания. В начале путешествия было мучительно видеть, как он доводит себя до такой степени извращения и пароксизма ярости, что кажется скорее безумцем, чем здравомыслящим человеком, но поскольку эти проявления происходили ежедневно на протяжении большей части плавания, мы стали считать его уже не заслуживающим сочувствия и жалости, а скорее презрения. После того как страсть утихла и он переходил в более спокойное и нормальное состояние, он опускался тростниковое кресло, где часами сидел в полном одиночестве. Чтобы отвлечься, он потирал ладони и тихонько рассказывал сам себе, время от времени на его лице появлялась улыбка, что делало его похожим на невинного идиота. Не прошло и половины плавания, как шкипер выставил себя на посмешище своим глупым и безумным поведением относительно ветра, став посмешищем для всей команды, которая, разумеется, не смела проявлять никаких внешних признаков неповиновения. Управление судном полностью находилось в руках первого помощника, который был буквально морским тираном. Экипаж состоял из шведов и норвежцев. Если бы она состояла из американцев, бесчеловечное обращение офицеров могло бы довести их до отчаяния, ведь люди были перегружены работой днем и ночью, непрерывно совершая галсы. Единственное время, когда им удавалось отдохнуть, - это когда корабль оказывался в тропиках, где по несколько дней подряд не было ни малейшего дуновения ветра. Ссылаясь на мой дневник, который я вел во время того памятного плавания, скажу, что нам потребовалось почти две недели, чтобы одолеть Макассарский пролив. Это событие стало серьезным испытанием для нашего терпения. После того как мы прошли пролив, шкипер сделал замечание в присутствии преподобного Мейси, что причина его невезения в том, что у него на борту был Иона. Мой друг Мейси воспринял это замечание добродушно и многозначительно улыбнулся мне. Мы как раз обсуждали возможность пройти через Макассарский пролив, и я заметил достаточно громким тоном, чтобы его услышал старый шкипер, что если бы я управлял судном, то смог бы пройти его менее чем за десять дней. Это было сделано в качестве прямого замечания по поводу плохого мореходства старика (ведь он действительно был никудышным моряком), а также в качестве ответной реплики на его слова, сказанные несколькими минутами ранее, о том, что на борту судна находится Иона.

В разгар зимы путь на Восток следовало бы совершить вокруг мыса Горн, а не мыса Доброй Надежды, и тогда мы, без сомнения, имели бы сильный попутный ветер на всем пути от Нью-Йорка до Гонконга, что не только сократило бы плавание, но и избавило бы капитана от

множества ругательств и неисчислимого износа его нервной системы. Но, будучи только пассажиром, я не имел ни малейшего представления о финансовых мотивах, стоявших за решением отправить судно совершенно пустым и без балласта, прямо в зубы северо-восточного муссона. Я был бы рад, если бы обогнул мыс Горн, поскольку это добавило бы новый маршрут к моему кругосветному путешествию, а также подарило бы мне новые происшествия.

Когда мы приближались к Гонконгу, на борт поднялся китайский пилот. Капитан хотел, чтобы я спросил его, нет ли поблизости опасных скал и отмелей. Я не мог вспомнить свой китайский, чтобы перевести ему; сам пилот понимал по-английски, и он был первым китайским учителем, который дал мне на китайском языке термины, обозначающие опасные скалы и отмели. Так что шкипер, Мейси и еще несколько человек, которые присутствовали в то время, посмеялись надо мной, который, будучи китайцем, все же не мог говорить на этом языке.

Приземлившись, я первым делом отправился в редакцию "Чайна мейл", чтобы засвидетельствовать свое почтение Эндрю Шортреду, владельцу и редактору этой газеты, а также другу, который поддерживал меня в течение года, пока я учился в Монсонской академии. Повидавшись с ним и приняв его гостеприимство в виде приглашения поселиться в его доме, я не теряя времени поспешил в Макао, чтобы повидать свою престарелую и любимую мать, которая, как я знал, жаждала увидеть своего давно отсутствующего мальчика. Наша встреча была назначена на день раньше. Я был одет в платье гражданина и не мог с удобством сменить его на китайский костюм. К тому же я позволил себе отрастить пару усов, что, по китайскому обычаю, не подобало неженатому молодому человеку. Мы встретились со слезами радости, признательности и благодарности. Наши сердца были слишком полны, чтобы говорить. Мы поддались своим эмоциям. Как только мы пришли в себя, она начала гладить меня по всему телу, выражая свою материнскую привязанность, которая хранилась в терпеливом ожидании по меньшей мере десять лет. Когда мы сели рядом, я вкратце рассказал ей о своей жизни в Америке, поскольку знал, что она будет очень заинтересована в этом рассказе. Я рассказал ей, что только что закончил долгое и утомительное пятимесячное плавание, но не встретил никакой опасности; что за восемь лет пребывания в Соединенных Штатах добрые люди везде относились ко мне очень доброжелательно; что у меня было хорошее здоровье и я никогда серьезно не болел и что главной моей целью в течение этих восьми лет было учиться и готовиться к работе в Китае. Я объяснил ей, что перед поступлением в колледж мне пришлось пройти подготовительную школу; что колледж, в который я поступил, был Йельским - одним из ведущих колледжей Соединенных Штатов, и что курс длился четыре года, что объясняло мое долгое пребывание здесь и задерживало мое возвращение в Китай. Я рассказал ей, что по окончании четырехлетнего курса я получил степень бакалавра, аналогичную китайскому титулу Сиу Цай, который переводится как "Изящный талант"; что он был начертан на пергаменте из овечьей кожи и что окончить Йельский колледж считается большой честью даже для коренного американца, а уж для китайца тем более. Она спросила меня, сколько денег это дает. Я ответил, что сразу денег это не дает, но позволяет человеку быстрее и легче зарабатывать деньги, чем тому, кто не получил образования; что это дает человеку большее влияние и власть среди людей, и если он будет опираться на свое образование в колледже, то с большей вероятностью станет лидером людей, особенно если у него сложившийся характер. Я сказал ей, что мое образование в колледже стоит для меня больше, чем деньги, и что я уверен, что заработаю много денег.

"Знание, - сказал я, - это сила, а сила больше, чем богатство. Я - первый китаец, окончивший Йельский колледж, и если это так, то вы имеете честь быть первой и единственной матерью из бесчисленных миллионов матерей в Китае в настоящее время, которая может претендовать на честь иметь сына, который является первым китайцем, окончившим первоклассный американский колледж. Такая честь - большая редкость". Я также заверил ее, что пока я жив, обо всех ее удобствах и желаниях будут тщательно и заботливо заботиться, и что ничто не будет упущено, чтобы сделать ее довольной и счастливой. Эта беседа, похоже, принесла ей большое удовлетворение. Она казалась очень счастливой. По окончании беседы она посмотрела на меня с многозначительной улыбкой и сказала: "Я вижу, вы уже отрастили усы. Ты знаешь, что у тебя есть брат, который намного старше тебя; у него еще не выросли усы. Ты должен снять свои". Я быстро повиновался ее приказу, и когда я вошел в комнату с чистым лицом, она улыбнулась с чувством глубокого удовлетворения, очевидно, подумав, что при всем моем иностранном образовании я не утратил своего раннего навыка быть послушным матери. И если бы она только могла читать мое сердце, то поняла бы, что каждая его жилка пульсирует от самой нежной любви к ней. В оставшиеся годы ее жизни я имел редкую привилегию часто видеться с ней и оказывать ей все утешения, которые были в моих силах. Она скончалась в 1858 году, в возрасте шестидесяти четырех лет, через двадцать четыре года после смерти моего отца. Во время ее смерти я находился в Шанхае. Я вернулся в родную деревню, чтобы присутствовать на ее похоронах.

Летом 1855 года я поселился в Кантоне вместе с преподобным мистером Вруманом, миссионером Американского совета. Его штаб-квартира находилась в Хам Ха Лан, поблизости от правительственной казенной площадки, которая расположена на юго-западной окраине города, недалеко от берега Жемчужной реки. Там я начал изучать китайский язык и заново осваивать кантонский диалект, который забыл за время пребывания в Соединенных Штатах. Менее чем за полгода язык вернулся ко мне с готовностью, хотя я все еще немного ржал над ним. Я также медленно восстанавливал письменность, которой не владел до отъезда из Китая в 1846 году. Я изучал его всего четыре года, что считалось коротким сроком для овладения письменным языком. Между письменным и разговорным китайским языком существует большая разница, чем между письменным и разговорным английским. Китайский письменный язык отличается скованностью и обилием условных форм. Он понятен на всей территории империи, но в разных провинциях и населенных пунктах произносится по-разному. Разговорный язык распадается на бесконечное множество диалектов, а в некоторых провинциях, таких как Фукиен, Аньхой и Кiangсу, жители в вопросах диалектов - как иностранцы друг с другом. Таковы особенности идеографического и разговорного языков Китая.

За шесть месяцев моего пребывания в Кантоне, пока я пытался восстановить письменный и разговорный языки, провинция Кванг Тунг была несколько дезорганизована. Жители Кантона пытались поднять провинциальный мятеж или восстание, совершенно отличное от восстания тайпинов, которое с заметным успехом проходило во внутренних районах Китая. Чтобы подавить и пресечь его в зародыше, вице-король Йе Минг Хсин прибег к радикальным мерам: летом 1855 года он обезглавил семьдесят пять тысяч человек, большинство из которых, как мне сказали, были невиновны. Моя резиденция находилась в полумиле от места казни, как уже говорилось выше, и однажды из любопытства я решился прогуляться до этого места. Но, ох, какое это было зрелище! Земля была полностью залита человеческой кровью. По обеим сторонам дороги виднелись безголовые человеческие туловища, сваленные в кучу в ожидании, когда их увезут для погребения. Но на сайте не было предусмотрено ничего, чтобы облегчить их вывоз.

Казнь была проведена с большим размахом, чем предполагалось, и не было предусмотрено место, достаточно большое, чтобы похоронить все тела. Так они и остались лежать под палящим солнцем. Температура с утра до вечера в середине лета постоянно держалась на отметке 90° по Фаренгейту, а иногда и выше. Атмосфера в радиусе двух тысяч ярдов от места казни была сильно насыщена ядовитыми и ядовитыми испарениями, которые исходили от земли, уже перенасыщенной кровью, и от куч трупов, оставленных по меньшей мере на два дня и имевших признаки быстрого разложения. Меня удивляло, что из такого заразного места не вырвалась вирулентная эпидемия, чтобы уничтожить компактное население Кантона. По счастливому стечению обстоятельств, в конце концов был найден глубокий и обширный овраг, расположенный на дальних окраинах западной части города, который сразу же превратили в усыпальницу, куда и сбросили эту огромную человеческую гекатомбу. Говорят, что для того, чтобы прикрыть эти трупы, не нужно было набрасывать на них землю; эту работу выполняли бесчисленные стаи червей красноватого оттенка и совершенно отвратительного вида.

Мне рассказали, что за июнь, июль и август 1855 года было обезглавлено семьдесят пять тысяч человек; более половины из этого числа были объявлены невиновными в обвинении в мятеже, но это обвинение было выдвинуто как предлог для того, чтобы потребовать с них деньги. Эта массовая резня, не имеющая аналогов в анналах современной цивилизации, затмевающая по своей жестокости и кровожадности Калигулу и Нерона или даже Французскую революцию, была совершена Йе Минг Хсином, который был назначен вице-королем Кванг Тунга и Квангси в 1854 году.

Йе Минг Хсин был уроженцем Хань-Яна. Хань-Ян является частью порта Ханькау и был уничтожен вместе с ним, когда им завладели повстанцы-тайпины. Говорят, что у Е Минг Хсина были огромные владения в Хань-Яне, которые были полностью уничтожены пожаром. Это обстоятельство озлобило его на тайпинских повстанцев, а поскольку тайпинские вожди были родом из Квангтунга и Квангси, он, естественно, перенес свою ненависть на жителей этих двух провинций. Именно в высоком положении вице-короля он нашел возможность обрушить свою личную и частную месть на народ Кантона. Этим объясняется его беспорядочная расправа над ними, а также тот факт, что он не соизволил дать им даже видимость суда, а торопил их от жизни к смерти, как стада скота на бойне.

Но это человекоподобное чудовище и не мечтало о том, что день его расплаты быстро приближается. Через несколько лет после этого ужасающего жертвоприношения человеческой жизни, в 1855 году, у него начались неприятности с британским правительством. Он был схвачен британскими войсками и сослан в какой-то безвестный и отдаленный уголок Индии, где вел бесславную жизнь, ненавидимый всей китайской нацией и презираемый всем миром.

Вернувшись в штаб после посещения места казни, я почувствовал слабость в сердце и подавленность духа. У меня не было аппетита к еде, а когда наступила ночь, я слишком нервничал, чтобы спать. Сцена, на которую я смотрел в течение дня, взбудоражила меня. Я подумал, что у повстанцев-тайпинов было достаточно оснований для того, чтобы оправдать свою попытку свергнуть маньчжурский режим. Мои симпатии были полностью обращены в их пользу, и я всерьез задумался о том, чтобы присоединиться к тайпинским повстанцам, но, поразмыслив более спокойно, я вернулся к первоначальному плану: сделать все возможное, чтобы как можно быстрее овладеть китайским языком, и следовать логическому ходу вещей, чтобы достичь цели, которая была у меня на сердце.

ГЛАВА VII

ПОПЫТКА НАЙТИ РАБОТУ

Наконец-то овладев разговорным языком настолько, чтобы говорить на нем достаточно свободно, я сразу же принялся за работу, чтобы найти должность, на которой я мог бы не только содержать себя и мать, но и разработать план для реализации своих идей реформ в Китае.

Доктор Питер Паркер, который в течение многих лет был медицинским миссионером при Американском совете в Кантоне, в то время был назначен комиссаром Соединенных Штатов в качестве временной меры, чтобы занять место аккредитованного полномочного министра - дипломатическое назначение, которое еще не появилось, поскольку вопрос о министре иностранных дел, проживающем в Пекине, все еще находился на стадии переговоров и не был полностью урегулирован в качестве постоянного дипломатического соглашения между правительством Пекина и договорными державами. Доктор Паркер получил назначение комиссара благодаря своему долгому проживанию в Китае и умению говорить на китайском языке, но не благодаря какой-либо специальной подготовке в качестве дипломата или юридическим знаниям. Личным секретарем доктора Паркера я стал благодаря мистеру М. Н. Хичкоку, американскому коммерсанту из фирмы Messrs. King & Co. и общему другу доктора Паркера и меня. Я знал доктора Паркера еще по школе миссис Гутцлафф, и он, несомненно, знал, что я недавно окончил Йель, который был его альма-матер. Его штаб-квартира находилась в Кантоне, а лето он проводил в Макао. Я проработал у него всего три месяца. Моя зарплата составляла 15 долларов в месяц (не настолько большая, чтобы избаловать меня, во всяком случае). У него было очень мало работы для меня, но я думал, что, будучи связанным с ним, я смогу вступить в контакт с китайскими чиновниками. Однако это оказалось далеко не так. Видя, что я не могу ни чему-то научиться у него, ни расширить свои знакомства с китайскими чиновниками, я отказался от должности его секретаря и отправился в Гонконг, чтобы попытаться изучать право. Благодаря моему старому другу Эндрю Шортреду, который оказал мне щедрое гостеприимство в своем доме, мне удалось получить должность переводчика в Верховном суде Гонконга. Эта должность платила мне 75 долларов в месяц. Имея такую возможность, я почувствовал стимул продолжать свои усилия по изучению права. Соответственно, мне посоветовали поступить на работу к адвокату или юрисконсульту. В английской судебной практике, похоже, есть два разных класса юристов - адвокаты, или солиситоры, и барристеры. Первый готовит в письменном виде все доказательства, факты и улики по делу, передает их барристеру или адвокату, который аргументирует дело в суде в соответствии с законом.

Я поступил в ученики к адвокату, которого мне порекомендовал мой старый покровитель и друг Шортрейд. Я не знал, что, отправляясь в Британскую колонию в Гонконге, чтобы стать адвокатом, я наступаю на пятки британскому юридическому братству, и что, устроившись к адвокату, а не к новому генеральному прокурору колонии, который, без моего ведома, сам захотел меня взять, я совершил еще одну ошибку, из-за которой мне в конце концов пришлось покинуть Гонконг.

Во-первых, все адвокаты объединились против меня, потому что, как они открыто заявили во всех местных газетах, кроме "Чайна мейл", если бы мне разрешили заниматься своей профессией, они могли бы собрать вещи и вернуться в Англию, потому что, поскольку я полностью владел как английским, так и китайским языками, я в конечном итоге

монополизировал бы весь китайский юридический бизнес. Поэтому мне было слишком жарко продолжать учебу.

Далее, я не знал, что генеральный прокурор хотел, чтобы я учился у него, поскольку он сделал все возможное в качестве генерального прокурора колонии, чтобы использовать свое влияние, чтобы открыть мне путь к профессии адвоката, разработав специальный колониальный указ о допуске китайцев к практике в колонии Гонконг, как только я смогу сдать экзамены. Этот ордонанс был отправлен в британское правительство для одобрения парламентом, прежде чем он стал действительным и колониальным законом. Он был одобрен и, таким образом, стал колониальным ордонансом.

Тем временем Анстей, генеральный прокурор, узнал, что я уже поступил в ученики к адвокату Парсону. С этого момента мне не было покоя. Я находился между двух огней: батареи, управляемые адвокатами, обрушились на меня с удвоенной энергией, а новая батарея, управляемая генеральным прокурором, открыла свой огонь. Он нашел недостатки в моем переводе, чего раньше никогда не делал. Мистер Парсон видел, как обстоят дела. Сам он тоже находился под жарким огнем с обеих сторон. Поэтому, чтобы спастись, он прямо и откровенно сказал мне, что должен отказаться от меня и сделать договор об ученичестве между нами недействительным. Мне же, в свою очередь, пришлось отказаться от должности переводчика в Верховном суде. Сам же Парсон, вскоре после того как я отказался от ученичества и должности переводчика, по вполне понятным для себя причинам бросил свое дело в Гонконге и вернулся в Англию. Таким образом, мастер и ученик покинули свои посты почти одновременно.

Ретроспективный взгляд на мой короткий опыт работы в Гонконге убедил меня в том, что в конечном итоге было лучше, если бы мне не удалось стать адвокатом в Гонконге, поскольку театр действий там был бы слишком ограниченным и узким. Я не смог бы соприкоснуться с ведущими умами Китая, если бы был привязан к этой скалистой и бесплодной колонии. Несомненно, я мог бы сколотить состояние, если бы преуспел в профессии юриста, но обстоятельства вынудили меня покинуть колонию, и я направился на север, в Шанхай. В августе 1856 года я покинул Гонконг на чайном клипере "Флоренция" под командованием капитана Дюмареска из Бостона. Он был совсем другим человеком, чем капитан "Эврики", на которой я отправился в 1855 году. Он был добр, умен и джентльмен. Когда он узнал, кто я такой, то предложил мне бесплатный проезд из Гонконга в Шанхай. Фактически он был единственным владельцем судна, которое было названо в честь его дочери Флоренс. Путешествие было недолгим - всего семь дней, но за это время мы успели стать большими друзьями.

Вскоре после прибытия в Шанхай я устроился в отдел переводов Императорской таможни с окладом в размере Tls. 75 в месяц, что эквивалентно 100 мексиканским долларам. За неимением китайской серебряной валюты был принят мексиканский доллар. Это было на один пункт лучше, чем должность переводчика в Верховном суде Гонконга. Обязанности не были тяжелыми и сложными. На самом деле они были слишком простыми и легкими, чтобы удовлетворить мой вкус и амбиции. У меня было много времени для чтения. Не проработав и трех месяцев на новом месте, я обнаружил, что все не так, как должно быть, и если я хотел сохранить чистый и ясный послужной список и незапятнанный характер, я не мог долго оставаться на службе. Между переводчиками, которые служили много лет, и китайскими грузоотправителями существовала постоянная система подкупа. Узнав об этом, и не желая быть замешанным вместе с другими в дележе трофеев ни в каком виде, я принял решение уйти в отставку. И вот однажды я обратился к главному комиссару таможни, якобы для того, чтобы узнать, каковы мои дальнейшие перспективы в связи с таможенной службой - есть ли

перспективы моего продвижения на должность комиссара. Мне сказали, что таких перспектив нет ни у меня, ни у любого другого китайского переводчика. Поэтому я сразу же решил оставить свою должность. Я подал заявление об отставке, которое поначалу не было принято. Через несколько дней после первой беседы Лэй, главный комиссар, настойчиво пытался убедить меня передумать и предложил в качестве стимула повысить мне зарплату до Tls. 200 в месяц, очевидно, полагая, что я просто блефую, чтобы получить более высокую зарплату. Ему и в голову не пришло, что есть хотя бы один китаец, который ценит чистую репутацию и честный характер больше, чем деньги; что, будучи образованным человеком, я не вижу причин, по которым мне не должны быть предоставлены те же шансы подняться на службе китайского правительства, что и англичанину, и почему моя индивидуальность не должна быть признана и уважаема во всех сферах жизни. Он мало задумывался о том, что мои стремления еще выше, чем его, и что я не желаю связывать себя со стаей переводчиков и инспекторов таможенной службы, которые, как известно, берут взятки; что человек, который ожидает от других уважения к себе, должен прежде всего уважать себя. Таковы были мои побуждения. Я не назвал истинной причины своего ухода со службы, но по истечении четырех месяцев испытаний я оставил службу, чтобы попытаться счастья в новых, более благоприятных для меня сферах.

Мои друзья в то время смотрели на меня как на чудака, который отказывается от должности, приносящей мне Tls. 200 в месяц за что-то неопределенное и неопробованное. По их мнению, это было верхом безрассудства. Они мало понимали, к чему я клоню. У меня был чистый послужной список, и я намеревался сохранить его. Я прекрасно понимал, что меньше чем за год после возвращения в Китай я сделал три перестановки. Я и сам начал думать, что слишком непостоянен, чтобы добиться чего-то существенного, или что я слишком мечтателен, чтобы быть практичным, или слишком горд, чтобы преуспеть в жизни. Но в напряженной жизни нужно быть мечтателем, чтобы реализовывать возможности. Мы созданы не просто для того, чтобы влачить животное существование. Мне пришлось много работать, чтобы получить образование, и я чувствовал, что должен максимально использовать то немногое, что у меня было, не столько для того, чтобы принести пользу себе лично, сколько для того, чтобы сделать это благословением, общим для моей расы. Этими переменами и изменениями я лишь пытался найти свое истинное предназначение и понять, как я могу стать благословением для Китая.

ГЛАВА VIII

ОПЫТ В БИЗНЕСЕ

После ухода из Императорской таможни я стал клерком в английском доме торговцев чаем и шелком. За те несколько месяцев, что я проработал у них, я получил довольно глубокое представление о меркантильном бизнесе и методах его ведения, что в дальнейшем оказалось для меня полезным знанием и опытом. Через полгода после того, как я вступил в новую для себя сферу деятельности, фирма расторгла партнерство, что вновь лишило меня положения, и я снова был брошен в море неопределенности. Но во время моего сотрудничества с фирмой произошли два небольших происшествия, о которых я не могу не рассказать.

Однажды вечером в четверг, возвращаясь домой с молитвенного собрания, проходившего в шанхайской часовне "Юнион", я увидел впереди себя на Сечуен-роуд перед епископальной церковью целую вереницу мужчин; У каждого над головой висел китайский фонарь, и они пели и кричали, двигаясь зигзагами по дороге, явно веселясь и развлекаясь, в то время как

китайцы по обеим сторонам дороги испуганно уворачивались и разбегались во все стороны, и вели себя так, словно за ними гнался сам Старый Ник. Я находился на расстоянии около ста ярдов от места происшествия. Я сразу же оценил ситуацию. Мой слуга, который держал впереди фонарь, чтобы освещать мне дорогу, был так напуган, что начал возвращаться ко мне. Я сказал ему, чтобы он не боялся, а шел прямо вперед. Очень скоро мы столкнулись с тремя или четырьмя полупьяными парнями. Один из них выхватил фонарь у моего слуги, а другой, шатаясь, попытался дать мне пинка. Я шел спокойно и беззаботно, пока не добрался до последней группы из двух или трех парней. Я нашел их вполне трезвыми и в здравом уме, и они задержались позади, очевидно, чтобы насладиться весельем и понаблюдать за уморительными выходками толпы. Я остановился и заговорил с ними, рассказав, кто я такой. Я попросил их назвать имена тех, кто выхватил у меня фонарь, и того, кто пытался ударить меня ногой. Сначала они отказались, но в конце концов, пообещав, что я не доставлю им неприятностей, назвали имя одного из них, его должность на судне и название судна, к которому он принадлежал. Оказалось, что этот человек был первым помощником на корабле "Эврика", том самом судне, которое привезло меня в Китай в 1855 году и которое, как оказалось, было приписано к фирме, на которую я работал. На следующее утро я написал записку капитану с просьбой передать ее первому помощнику. Капитан, получив записку, был весьма взволнован и передал ее первому помощнику, который немедленно сошел на берег и извинился. Я сделал ему приятное и сказал, что американцы в Китае пользуются большим уважением у народа, и каждый американец, высадившийся в Китае, должен ревностно относиться к высокой оценке, которую он получил, и не делать ничего, что могло бы ее скомпрометировать. Моим мотивом при написании записки было лишь желание доставить его на берег и дать ему этот совет. Он был явно доволен моим дружеским отношением и протянул руку для пожатия, чтобы поблагодарить меня за совет. Он пригласил меня подняться с ним на борт, выпить бокал вина и стать хорошими друзьями. Я поблагодарил его за предложение, но отказался от него, и мы расстались по-дружески.

Мой второй случай, произошедший через пару месяцев после первого, не имел такого мирного конца.

После того как товарищество фирмы, в которой я работал, распалось, состоялась аукционная распродажа мебели фирмы. В зале, где проходил аукцион, я оказался в смешанной толпе китайцев и иностранцев. Позади меня стоял крепкий шестифутовый шотландец. Он не был мне совсем незнаком, так как я несколько раз встречал его на улицах. Он начал привязывать к моей косе связку ватных шариков, просто ради шутки. Но я поймал его за этим занятием и в приятной манере попросил его развязать. Он сложил руки и выпрямился с выражением крайнего презрения и пренебрежения. Я сразу понял ситуацию и, когда мое лицо протрезвело, повторил свое требование, чтобы он снял этот отросток. Внезапно он прижал кулак к моему рту, не пустив, однако, крови. Хотя он был выше меня на голову и плечи, я ничуть не смутился и не испугался его грозного и презрительного вида. Моя перхоть вздыбилась, и, забыв о наших сравнительных размерах и силе, я нанес ему ответный удар в то же самое место, куда он ударил меня, но мой удар был жалящим и с молниеносной быстротой пришелся в точку, не дав ему времени подумать. Из губы и носа обильно потекла кровь. Он схватил меня за запястье обеими руками. Когда он держал мое правое запястье в своей мощной хватке, поскольку он был атлетом и спортсменом, я как раз собирался поднять правую ногу для удара, который был направлен в жизненно важную точку, когда главный партнер фирмы, оказавшийся рядом, внезапно встал между нами и разнял нас. Затем я встал в стороне, лицом к своему противнику, который удалялся в толпу. Когда я отошел, голос из толпы спросил:

"Ты хочешь драться?"

Я сказал: "Нет, я только защищался. Ваш друг оскорбил меня и нанес еще большее оскорбление. Я принимал его за джентльмена, но он оказался чернокнижником".

С этим язвительным замечанием, которое было слышно по всему залу, я удалился со сцены в смежную комнату, оставив толпу комментировать инцидент. Британский консул, случайно присутствовавший при этом, сделал случайное замечание по существу дела и сказал, как мне потом рассказал его друг, что "молодой человек был слишком вспыльчив; если бы он не взял закон в свои руки, он мог бы подать иск за нападение и побои в консульский суд, но поскольку он уже нанес ответный удар и его последнее замечание перед толпой нанесло его противнику более глубокую рану, чем сам удар, он потерял преимущество иска".

После этого инцидента шотландец целую неделю не появлялся на людях. Мне сказали, что он закрылся в своей комнате, чтобы дать ране время затянуться, но причина, по которой он не хотел показываться, заключалась скорее в том, что его публично выпорол маленький китаец; ведь этот случай, как ни неприятен и ни прискорбен он был, произвел в поселке немалую сенсацию. В течение короткого времени он был главной темой разговоров среди иностранцев, в то время как среди китайцев на меня смотрели с большим уважением, поскольку с тех пор, как рядом с Шанхаем было основано иностранное поселение на экстерриториальной основе, ни один китаец, находящийся под его юрисдикцией, не имел мужества и смелости защитить свои права, когда они были нарушены или попорчены иностранцем. Их кроткий и мягкий нрав позволял личным оскорблениям и обидам оставаться незамеченными и неоспоренными, что, естественно, способствовало высокомерию и наглости со стороны невежественных иностранцев. Однако скоро наступит время, когда китайский народ станет настолько образованным и просвещенным, что будет знать, каковы его права, общественные и частные, и иметь моральное мужество отстаивать и защищать их, когда на них посягают. Триумф Японии над Россией в недавней войне открыл глаза китайскому миру. Он больше не потерпит несправедливости ни в каком виде, а тем более не будет мириться с иностранной агрессией и возвеличиванием. Теперь они видят, в какое тяжелое положение поставили их национальное невежество, чванство и консерватизм, в которых они окаменели. Они были на грани раздела европейскими державами и были спасены от этой катастрофы только благодаря своевременному вмешательству правительства Соединенных Штатов. Что принесет будущее, поскольку император Квангсу и вдовствующая императрица Чи Си уже скончались, никто не может предсказать.

Распад фирмы, в которой я работал, снова, как уже говорилось, и уже в четвертый раз, выбил меня из колеи постоянного бизнеса. Но я ничуть не смутился и не пал духом, поскольку у меня не было и мысли о том, что меркантильная жизнь станет моим постоянным призванием. В течение последних двух лет мои знания китайского языка заметно улучшились. Я не спешил искать новую должность. Я сразу же занялся переводами как средством преодоления перерывов в бездельной жизни. Это независимое занятие, хотя и не было прибыльным, тем не менее вело к более широкому знакомству с образованными и меркантильными слоями китайцев; расширить это знакомство было моей главной задачей. Мой переводческий бизнес свел меня с компаньоном одного из ведущих домов в Шанхае. Старший партнер этого дома умер в 1857 году. Он был хорошо известен и пользовался большим авторитетом как среди китайцев, так и среди иностранных торговцев. Чтобы засвидетельствовать свое почтение к его памяти, видные китайские купцы составили по случаю его смерти подробную хвалебную эпитафию. Оставшиеся в живых члены фирмы выбрали двух переводчиков для перевода эпитафии. Один из них был переводчиком в

британском генеральном консульстве, братом автора книги "Китайцы и их восстания", а другой (благодаря влиянию компрадора) - я сам. К моему большому удивлению, моему переводу было отдано предпочтение, и он был принят управляющим фирмы. Китайский комитет был в восторге от того, что один из их соотечественников знает английский в достаточной степени, чтобы передать внутренний смысл их эпитафии. Она была принята и выгравирована на памятнике. Мое имя стало известно среди китайцев, но на этот раз не как бойца, а как китайского студента, получившего образование в Америке.

Вскоре после этого выступления неожиданно произошло еще одно событие, в котором мне снова пришлось участвовать; это было наводнение Желтой реки, превратившее северную часть провинции Киангсу в море и сделавшее бездомными и обездоленными тысячи жителей этой местности. Большое количество беженцев добралось до Шанхая и скопилось в его окрестностях. Китайская депутация, состоящая из ведущих купцов и дворян, которые знали или слышали обо мне, позвонила и попросила меня составить циркуляр с призывом к иностранному сообществу о помощи и пожертвованиях для облегчения страданий беженцев. Несколько экземпляров были немедленно выпущены в обращение, и менее чем за неделю было подписано и выплачено не менее 20 000 долларов. Китайский комитет был очень воодушевлен своим успехом, и его радости не было предела. Чтобы завершить это дело, я написал от имени комитета письмо с признательностью и благодарностью иностранному сообществу за быстрый и щедрый вклад, который оно сделало. Это письмо было опубликовано в местных газетах Шанхая - "Шанхайской почте" и "Друге Китая", - так что уже через три месяца после начала моей переводческой деятельности я стал широко известен среди китайцев как китайский студент, получивший образование в Америке. Тем, что я занимался этим бизнесом, и тем, что я стал известен в Шанхае, я был обязан компрадору Цан Ки Фу. Он был образованным китайцем, которого очень уважали и которому доверяли за его честность и ум. Его долгие связи с фирмой и литературный вкус собрали вокруг него лучших китайских ученых со всего Китая, а деловые операции свели его с ведущими китайскими капиталистами и бизнесменами в Шанхае и других странах. Именно через него были написаны эпитафия и циркуляр, упомянутые выше; именно Цан Ки Фу познакомил меня с прославленным китайским математиком Ли Жэнь Шу, который спустя годы довел меня до сведения вице-короля Цан Кво Фана - выдающегося генерала и государственного деятеля, который, как будет показано далее, принял и продвигал программу "Китайское образование". В великой паутине человеческих дел почти невозможно предугадать, кто из наших друзей и знакомых может оказаться тем самым ключом, который поможет распутать клубок нашей судьбы. Цан Ки Фу познакомил меня с Ли Джен Шу, а тот - с Цан Кво Фан, который, в конце концов, с помощью программы китайского образования привил западное образование к восточной культуре, что должно было объединить различные расы мира в единое братство.

После этого мой друг Цан Ки Фу познакомил меня с главой или менеджером компании "Дент и Ко", который любезно предложил мне место компрадора в его фирме в Нагасаки, Япония, вскоре после того, как эта страна была открыта для внешней торговли. Я отказался, честно и ясно изложив свою причину, которая заключалась в том, что компрадорство, хотя и прибыльное, связано со всем, что связано с работой, и что, будучи выпускником Йельского университета, одного из ведущих колледжей Америки, я не мог думать о том, чтобы дискредитировать свою Alma Mater, к которой я питал глубочайшее уважение и почтение и ревновал к ее гордой славе. Что подумают обо мне в колледже и мои товарищи по классу, если узнают, что я компрадор - главный слуга слуг в английском заведении? Я сказал, что бывают случаи, когда человек в силу обстоятельств вынужден играть роль подсобного рабочего, но я еще не попал в такую ситуацию, хотя и был беден материально. Я сказал ему,

что предпочел бы путешествовать для фирмы в качестве ее агента во внутренних районах и вести прямую переписку с главой фирмы. В этом случае я не стал бы жертвовать своим мужским достоинством ради заработка на должности, которую принято считать подневольной. Я бы предпочел упаковывать чай и покупать шелк в качестве агента - либо за жалование, либо за комиссионные. Таково было мое основание для отказа. Тем не менее я поблагодарил его за предложение. Эта беседа проходила в присутствии моего друга, Цанг Ки Фу, который, не зная подробностей разговора, достаточно владел английским языком, чтобы уловить общий смысл беседы. Затем я удалился, оставив менеджера и моего друга обсуждать результат. Впоследствии Цанг рассказал мне, что Уэбб сказал: "Юнг Винг беден, но горд. Бедность и гордость обычно идут вместе, рука об руку". Через несколько дней после этого Цанг сообщил мне, что Уэбб решил отправить меня в чайные районы, чтобы я посмотрел и изучил бизнес по упаковке чая.

ГЛАВА IX

МОЯ ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В ЧАЙНЫЕ РАЙОНЫ

11 марта 1859 года я оказался на борту "Ву-Сик-Квей", китайского судна, построенного в Ву-Сике, городе, расположенном на границе Большого канала, в нескольких шагах от знаменитого города Сухау - соперника города Хангчау по богатству, населению, производству шелка и роскоши. Слово "Квай" означает "быстрый". Поэтому Ву-Сик-Квай означает "быстрые лодки Ву-Сика". Эти пассажирские суда, курсировавшие между главными городами и торговыми центрами, расположенными у воды каналов и озер на юге Кианксу, обычно были разных размеров и прекрасно оборудованы для комфорта и удобства публики. Те, что предназначались для чиновников и богатых слоев населения, были построены в большем масштабе и обставлены в более претенциозном стиле. Все они были плоскодонными лодками. Они довольно хорошо плавали против ветра, но против ветра их либо управляли с помощью лески от мачты к леерам на берегу, либо с помощью весел, в чем китайцы являются адептами. Они могут придать лодке огромную скорость с помощью пары весел, покоящихся на стальных шарнирах, закрепленных на корме, по одному с каждой стороны, примерно посередине весел, с четырьмя людьми на каждом веселе; лопасти заставляются играть в воде на корме, справа и слева, что толкает и посылает лодку вперед с удивительно быстрой скоростью. Но в последние годы в Китай пришел пар, и паровые катера вытеснили эти туземные суда, которые быстро исчезают из гладких вод провинции Киангсу - точно так же, как быстроходные парусники, известные как "Балтиморские клиперы", которые в пятидесятые и шестидесятые годы занимались торговлей между Ост-Индией и Китаем, были постепенно вытеснены с океана паром.

По истечении трех дней я высадился в историческом городе Хангчау, который является столицей Чхэкианга. Он расположен на неровной равнине, с холмами на юго-западе, западе и северо-востоке. Его площадь составляет около трех или четырех квадратных миль. Он имеет прямоугольную форму. Его длина - с севера на юг, а ширина - с востока на запад. На западе расположено Си-Хоо, или Западное озеро, - прекрасная гладь известковой воды с гравийным или песчаным дном, простирающаяся от подножия городской стены до подножия гор, которые виднеются вдали сзади, поднимаясь в облака, как высокие бастионы, охраняющие город на севере.

С востока город огибает река Тсиентанг, расположенная на расстоянии около двух миль. Она берет свое начало с высокого горного хребта Хуи-Чоу на юго-востоке, следует несколько неровным руслом к одноименному заливу, мчится по скалистым склонам, как пенистый

скаун, и впадает в залив примерно в сорока милях к востоку от города. Это одна из тех рек, в которых периодически образуются отверстия, в которых приливные воды при входе в залив создают шум, подобный грому, а волны поднимаются на высоту восьми или десяти футов.

Хангчау, помимо своей исторической славы как резиденции правительства династии Сун в XII и XIII веках, всегда пользовался широкой известностью благодаря прекрасным зданиям, общественным и частным, таким как храмы, пагоды, мечети и мосты, которые придают очарование великолепным природным пейзажам, которыми он необычайно богат. Но в последнее время возраст и деградация времени сделали свое дело. Ее бывшее величие быстро канет в безвестность; она никогда восстановит свой былой престиж, если только не возникнет новая сила, которая вновь сделает ее столицей возрожденного правительства.

15 марта я покинул Хангчау, чтобы подняться вверх по реке Тсиентанг, на станции под названием Канг Коу, или устье реки, примерно в двух милях к востоку от города, где нас ждали лодки. Несколько сотен этих лодок своеобразного и уникального типа стояли у устья реки. Эти лодки называются Urh Woo, по имени района, где они были построены. Их длина варьируется от пятидесяти до ста футов от форштевня до кормы, ширина - десять или пятнадцать футов, и при полной загрузке они набирают не более двух-трех футов воды. Все они - плоскодонные лодки, построенные из самого прочного и гибкого материала, который только можно найти, так как они должны встречать сильные течения и натекать на камни, как при подъеме, так и при спуске, из-за неровностей и каменистого дна реки. Эти лодки, полностью оборудованные и покрытые бамбуковыми циновками, выглядят как огромные цилиндры, а по форме напоминают сигары. Внутреннее пространство от носа до кормы разделено на отдельные отсеки, или комнаты, в которых построены койки для размещения пассажиров. Эти отсеки и койки убираются, когда требуется место для груза. Эти суда курсируют между Хангчау и Шонгшаном и выполняют все внутренние перевозки по воде между этими пунктами в Чхэкианге и Киангси. Шонг-Шань - важная станция Чхэкианга, а Юх-Шань - Киангси. Расстояние между этими двумя пунктами составляет около пятидесяти ли, или около шестнадцати английских миль, и они соединены одной из самых лучших щебеночных дорог в Китае. Дорога шириной около тридцати футов вымощена гранитными плитами и выложена булыжниками зеленоватого цвета. По всей ширине дороги проходит изящная каменная арка, которая была возведена в качестве знака границы, разделяющей провинции Чхэкианг и Киангси. По обеим сторонам ключевого камня арки высечены четыре изящных китайских иероглифа, написанных ярко-синей краской, а именно: Leang Hsing Tung Chu:

兩省通衢

Это одна из самых примечательных арок, через которую издавна велась межпровинциальная торговля. В то время, когда я переходил из Шень-Шаня в Юй-Шань, речные порты Ханькау, Киукианг, Уху и Чинкианг еще не были открыты для иностранной торговли, а пароходы не играли своей роли в перевозке товаров из внутренних районов Китая. Эта великолепная магистраль была переполнена тысячами носильщиков, везущих всевозможные товары на продажу и обратно - экспортные и импортные. Это, безусловно, представляло собой интересное зрелище для путешественника, а также глубокую тему для размышлений для китайского патриота.

Открытие реки Янцзы, судоходной до Кингчау, на границах провинции Чечвань, управляющей торговлей по крайней мере шести или семи провинций на всем ее протяжении почти в три тысячи миль до океана, представляет собой зрелище беспредельных

возможностей для улучшения положения почти трети человеческой расы, если только хваткие амбиции Запада позволят сохранить территориальную целостность и независимый суверенитет Китая. Дайте китайскому народу справедливый шанс решить проблемы собственного спасения, например, решить трудовой вопрос, который был так радикально дезорганизован и раздроблен паром, электричеством и машинами. Это практически отняло дыхание и хлеб у девяти десятых китайского народа, и поэтому этой неподвижной массе населения следует дать достаточно времени, чтобы оправиться от деморализации.

Возвращаясь к исходной точке в Канг-Коу, входе в реку, в двух милях к востоку от Хангчау, мы отплыли при попутном ветре в пять часов утра 15 марта, а вечером в десять часов бросили якорь в местечке под названием "Семь драконов", пройдя за день около ста миль. Восточный берег в этой части реки Тсиентанг, очевидно, сложен из красного песчаника, так как мы могли видеть часть пластов, погруженных в воду, а на берегу виднелись выемки из камня. В самом деле, то тут, то там виднеются постройки из красного песчаника. Но гора у Семи Драконов живописна и романтична.

На следующий день мы снова вышли в путь, но дождь лил не переставая. Мы продолжали идти, пока не достигли города Лан Чи, и вечером, пройдя около сорока миль, встали на якорь. Это излюбленное место, куда привозили чай Хупе и Хунань конгоу из чайных районов этих провинций, чтобы разместить его и переправить в Шанхай через Хангчау. Ланьцзи - это, в котором всего одна улица, но вся его длина составляет шесть миль. Он славится своими прекрасными окороками, которые известны во всем Китае. Из-за непрекращающегося дождя мы остановились в Лан Чи на полдня. После полудня небо начало проясняться, и в двенадцать часов ночи мы снова пустились в путь и достигли обнесенного стеной города Ку-Чоу, который был осажден тайпинскими повстанцами в марте 1858 года, всего за год до этого; после четырех месяцев осады была снята, и большого ущерба нанесено не было. На ночь мы остановились в гостинице. Ку-Чоу - ведомственный город Чхэкианга, расположенный примерно в тридцати милях от Шенг-Шана, уже упоминавшегося в связи с Ю-Шанем. Нас задержали таможенники, а также нехватка носильщиков и носильщиков кресел, чтобы доставить нас в Шонг-Шань. Мы прибыли в Юх-Шань из Шенг-Шана на стуле вечером. На ночь мы остановились в гостинице, предварительно наняв рыбацкие лодки, чтобы на следующее утро отвезти нас в город Кваншун, расположенный в тридцати милях от Юх-Шаня. Достигнув Ю-Шаня, мы оказались на территории Киангси, и теперь наш путь лежал в направлении с запада на север, вниз по течению к озеру По-Ян, южный край которого мы миновали и достигли Нан-Чеонга, столицы провинции Киангси. Внешне город выглядел очень красиво. Мы не стали задерживаться, чтобы пройтись по городу и посмотреть, в каком состоянии он находится с тех пор, как его покинули повстанцы.

Наш маршрут из Нан Чхона был изменен в направлении с запада на юг, и конечной целью стал великий город Сианг Тан. На этом пути мы миновали немало крупных городов, которые не представляли собой ничего особо важного ни в коммерческом, ни в историческом плане. Ночью мы миновали Чхон Ша, столицу провинции Хунань. Утром 15 апреля мы прибыли в Сянган. Сианг Тан - один из знаменитых портов во внутренних районах Китая, который был великим центром распределения импорта, когда внешняя торговля ограничивалась единственным портом Кантон. Здесь также сосредотачивались и размещались чайные и шелковые товары Китая, которые затем доставлялись в Кантон для экспорта в другие страны. Сухопутная транспортная торговля между Сианг Таном и Кантоном была огромной. В ней было занято не менее ста тысяч носильщиков, перевозивших товары через перевал Нан Фунг между двумя городами, и проживало большое количество населения по обе стороны дороги. Пар, войны и договоры, заключенные совсем недавно, не только разрушили эту систему

труда и изменили всю картину трудового вопроса в Китае, но и изменяют экономические, промышленные и политические условия Китайской империи в ближайшие годы ее истории.

В Сианг Тане вся наша партия, состоящая из чайных людей, была разбита на группы, и каждая партия отправилась в назначенный ей район, чтобы начать работу по закупке чая-сырца и подготовке его к отправке в Шанхай.

Я пробыл в Сианг Тане около десяти дней, а затем занялся подготовкой к поездке в департамент Кингчау в провинции Хупех, чтобы изучить желтый шелк, производимый в районе под названием Хо-Юнг.

Мы покинули Сианг Тан 26 апреля и двинулись на север к месту назначения. На следующее утро в восемь часов мы достигли Чхон Ша, столицы провинции Хунань. Поскольку день был сырой и пасмурный, мы остановились и попытались извлечь из него пользу, зайдя в город, чтобы посмотреть, есть ли там что-нибудь стоящее внимания, но, как и все китайские города, он представлял собой однообразный вид старости и грязи, тот же неизменный стиль архитектуры и узкие улицы. Рано утром следующего дня мы возобновили наше путешествие на лодке, пересекли озеро Тунг Тинг и великую реку Янцзы, пока не вошли в устье Кинг Хо, которое привело нас в Хо Юнг. В этом путешествии за желтым шелком - не золотым руном - мы находились тринадцать дней от Сианг Тана. Местность по обоим берегам Кинг Хо казалась тихой и спокойной, а люди занимались сельским хозяйством. Мы увидели множество буйволов и ослов, а также большие участки пшеницы, перемежающиеся с бобами. Взору предстало необычное зрелище, с которым я не встречался нигде в Китае. Пара деревенских девушек ехала верхом на осле и, очевидно, была в счастливом настроении, смеясь и разговаривая, пока они ехали мимо. Прибыв в Хо Юнг, мы с некоторым трудом нашли гостиницу, но в конце концов нам удалось разместиться в шелковом хонге. Не успели мы расположиться, как несколько местных констеблей осведомились, кто мы такие, записали наши имена и дела. Наш хозяин, владелец хонга, знавший причину нашего прихода, объяснил все к удовлетворению мужчин, которые ушли, полностью удовлетворенные тем, что мы честные торговцы и не шпионы мятежников. Нас оставили заниматься своими делами без охраны. Как только наша цель стала известна, нам принесли множество образцов желтого шелка для осмотра. Мы отобрали довольно много образцов, которые в общей сложности весили около шестидесяти пяти фунтов, и упаковали их, чтобы отвезти в Шанхай.

По истечении двух недель мы решили отправиться в обратный путь. Поэтому 26 мая мы попрощались с Хо Юнгом и отправились через Ханкау в чайный район Них Киа Ши в департаменте Чхон Ша. Мы прибыли в Ханкау 5 июня и разместились на постоялом дворе. Погода стояла жаркая и душная, а наши помещения были тесными и отрезанными от свежего воздуха. Через три дня после нашего прибытия к нам пришли три депутата, чтобы узнать, кто мы такие. Не потребовалось много времени, чтобы убедить их, что мы не шпионы повстанцев. Мы показали им пакет с желтым шелком, на котором были отметки о военном налоге, который мы должны были заплатить на всем пути от Хо Юнга до Ханкау. Нас не трогали.

Порт Ханкау еще не был открыт для внешней торговли, хотя было хорошо известно, что он должен быть открыт очень скоро. До его захвата тайпинскими повстанцами, точнее, до того, как тайпинские повстанцы появились на сцене действий, Ханкау был самым важным портом в Китае. Когда в 1856 году тайпинские повстанцы захватили Учан, Ханкау и Хань Ян пали одновременно, а порт был уничтожен огнем и превратился в пепел. К моменту моего визита все здесь было отстроено заново, и торговля начала возрождаться. Но здания были

временными. Теперь характер города полностью изменился, а иностранные резиденции и склады вдоль кромки воды придали ему европейский облик, так что сегодняшний Ханкау можно считать Чикаго или Сент-Луисом Китая, а в недалеком будущем ему суждено превзойти их в торговле, населении и богатстве. Я был в Ханкау за несколько дней до того, как переправился через Янцзы-Кианг в район черного чая Них Киа Ши.

Мы покинули Ханкау 30 июня, а 4 июля отправились на чайные фабрики в Них Киа Ши и Ян Лю Тунг. Я пробыл в этих двух местах больше месяца и получил полное представление обо всем процессе подготовки черного чая к продаже на внешнем рынке. Этот процесс очень прост, и его можно легко освоить. Я не знаю, через какую подготовку проходят индийские и ассамские чаи, где используется техника, но она не может быть очень сложной.

Несомненно, с пятидесятих годов прошлого века ручной труд, старый добрый способ подготовки чая для иностранного потребления, был значительно усовершенствован с целью удержания большого процента чайной торговли в Китае. Причина, по которой значительная часть чайного бизнеса перешла из Китая в Индию, заключается не в том, что в одном случае используется техника, а в другом сохраняется ручной труд, а главным образом в качестве чая, выращенного на разных почвах двух стран. Индийский или ассамский чай гораздо крепче (в пропорции к одному и тому же количеству), чем китайский. Индийский чай уступает китайскому по силе, а китайский по деликатности и аромату - 2:1. Индийский чай отличается высокой крепостью, но китайский чай превосходит его по качеству тонкого аромата. Высший класс любителей чая в Америке, Европе и России предпочитает китайский чай индийскому, в то время как рабочий и простой класс в этих странах предпочитает индийский и ассам, потому что они крепче и дешевле.

Во второй половине августа я решил вернуться в Шанхай, но не через Сианг Тан, а через Ханкау, вниз по реке Янцзы до Киу Канга и через озеро По Янг. Во второй раз я прибыл в Ханкау 29 августа, выехав оттуда двумя месяцами ранее, в июле. На этот раз я прибыл на хунаньской джонке, груженной чаем для Шанхая. В Хо Коу, на южном берегу озера По Ян, мне пришлось следовать тем же путем, что и в марте, и 21 сентября я высадился в Хангчау, а оттуда на корабле "Бу Сик Квей" отправился в Шанхай, куда прибыл ночью 30 сентября; время, затраченное на это путешествие, составило семь месяцев - с марта по октябрь. Это было мое первое путешествие во внутренние районы Китая, и оно дало мне возможность получить представление о реальном состоянии народа, в то время как в его среде происходило жестокое восстание. В той части страны, через которую я проезжал, побывали и повстанцы, и империалисты, но внешне все было мирно и спокойно. В какой степени народ пострадал от повстанцев и империалистов в этих районах страны, никто не может сказать. Но был один существенный факт, который сильно поразил меня, - это малонаселенность, что противоречило моим предвзятым представлениям о плотности населения в Китае, которые я почерпнул из книг и рассказов путешественников. Это было особенно заметно на том участке Чхэкианга, Киангси, Хунаня и Хупэ, который я посетил. Время года, когда нужно было сажать всевозможные культуры, должно было вывести крестьянство на открытые поля с волами, мулами, ослами, буйволами и лошадьми, как необходимыми принадлежностями фермерской жизни. Но крестьян встречалось сравнительно немного.

Вскоре после моего прибытия из внутренних районов страны, в октябре, один мой английский друг попросил меня съездить в Шау Хинг, чтобы купить для него шелк-сырец. Шау Хинг - город, расположенный в шелковом районе примерно в двадцати милях к юго-западу от Хангчау и отличающийся прекрасным качеством шелка. Я занимался этим бизнесом около двух месяцев, когда меня свалила лихорадка и агония, и я был вынужден бросить это дело. Шау-Хинг, как и большинство китайских городов, был грязным и

нездоровым, а вода, протекавшая через него, была черной, как чернила. Город был построен в самом низу долины, а выход реки был настолько заблокирован, что течения почти не было, чтобы уносить нечистоты, копившиеся веками. Поэтому город располагался буквально в выгребной яме - рассаднике лихорадки и агу, а также всевозможных эпидемий. Но вскоре я оправился от приступа лихорадки и аги и, как только смог снова стоять на ногах, тут же покинул малярийную атмосферу и уже через короткое время дышал более свежим и чистым воздухом.

ГЛАВА X

МОЙ ВИЗИТ К ТАЙПИНАМ

Осенью 1859 года небольшая группа из двух миссионеров в сопровождении Цан Лайсуна запланировала поездку к повстанцам-тайпинам в Нанкин. Меня попросили присоединиться к ним, и я решил это сделать. Моей целью было выяснить для себя характер тайпинов; были ли они людьми, подходящими для создания нового правительства вместо маньчжурской династии. Соответственно, 6 ноября 1859 года мы покинули Шанхай на лодке "Бу-Сик-Квей" при сильном северо-восточном ветре, хотя нам пришлось в течение часа преодолевать отлив. Погода стояла прекрасная, и вся компания была в отличном настроении. У нас на борту оказался американский флаг, и мы решили поднять его, но, поразмыслив, спустили, чтобы он не привлекал лишнего внимания и не стал средством, препятствующим достижению цели нашего путешествия. Вместо того чтобы ехать по дороге Сунг-Кианг, которая была шоссе до Сухау, мы свернули на другую, чтобы избежать возможности быть схваченными империалистами и отправленными обратно в Шанхай, так как нам сказали, что у Сунг-Кианга стоит на якоре императорский флот с китайскими канонерскими лодками. Окружающая местность в радиусе тридцати миль от Шанхая показалась нам очень спокойной, и мы не заметили никаких признаков политических беспорядков. Крестьяне были заняты сбором урожая риса.

Не лишним будет упомянуть, что во время моего пребывания во внутренних районах страны повстанцы-тайпины захватили город Сухау, и иностранцы в поселении опасались, что они могут нагрянуть и завладеть городом Шанхай, а также иностранным поселением. Поэтому река Сунг-Кианг была ограждена китайскими канонерскими лодками, а иностранные пикеты были выставлены на много миль за границей иностранной концессии.

Мы добрались до Сухау утром 9 ноября, не встретив на своем пути никаких трудностей или препятствий, ни империалисты, ни повстанцы не бросили нам вызов, чтошний раз показывает, насколько вольно и небрежно велись дела в Китае даже во время войны. Прибыв к Лауским воротам города, мы должны были ждать на станции, где выдавались билеты тем, кто въезжал в город, и отбирались у тех, кто выезжал, так как Сучау находился тогда на военном положении. Поскольку мы хотели попасть в город к коменданту, чтобы получить от него рекомендательные письма к начальникам других городов по пути в Нанкин, мы должны были послать двоих из нашей группы в штаб, чтобы узнать, разрешен ли нам въезд. На вокзале, недалеко от ворот Лау, мы прождали более часа. Наконец появилась наша группа в сопровождении того же посыльного, который был назначен начальником полиции для сопровождения их в комендатуру. Разрешение было получено, и все четверо вошли внутрь. Гражданского офицера не было, но нас представили военному коменданту Лю. Это был высокий мужчина, одетый в красное. Его напускная любезность вначале была слишком тонкой, чтобы скрыть отсутствие твердого характера. Он стал очень любопытным и спросил о цели нашего путешествия в Нанкин. Однако он обошелся с нами очень любезно,

дал нам рекомендательное письмо к коменданту Тан Яна и снабдил нас паспортами на весь путь через города Ву Сик и Чонг Чоу. В зале для аудиенций коменданта Лю нас представили четверем иностранцам - двум американцам, одному англичанину и одному французскому дворянину. Один из американцев сказал, что он врач, англичанин, предположительно, военный офицер, а француз, как уже говорилось выше, утверждал, что он дворянин. Несомненно, все они были авантюристами. У каждого из них была своя выгода. У одного из американцев была винтовка и патроны на продажу. Он запросил за них непомерно высокую цену, и ему сразу же отказали. Француз сказал, что потерял целое состояние и приехал в Китай, чтобы его заработать. Наши спутники-миссионеры были очень довольны тем, что Лю развлекал их, и услышали, как он читает доксологию, которую он исполнял с удовольствием. Ближе к вечеру, когда мы вернулись на лодку, он прислал нам несколько цыплят и козу в придачу. Таким образом, мы были достаточно обеспечены для продолжения нашего путешествия в Тан Ян. Мы покинули Сухау утром 11 ноября. По прибытии в Ву Сик наши паспорта были проверены, и повстанцы отнеслись к нам очень вежливо. Командир пригласил нас на обед. После этого он прислал нам фрукты и орехи и сам поднялся на борт, чтобы проводить нас. Мы провели с ним довольно долгую беседу, которая закончилась тем, что он повторил доксологию.

12 ноября мы покинули У Сик и отправились в Чонг Чоу. От Сухау и далее мы двигались по Большому каналу. Дорога на берегу канала была в хорошем состоянии. Большинство людей, которых мы видели и встречали, были повстанцами, путешествующими между Тан Яном и Сухау, и было замечено лишь несколько лодок, проходящих мимо друг друга. Вся местность вокруг канала между этими городами, казалось, была покинута крестьянами, а возделанные поля вместо цветущего урожая были покрыты травой и сорняками. Путешественник, не зная обстоятельств, естественно, возложил бы всю вину на повстанцев тайпинов, но империалисты в своих конфликтах с повстанцами были так же виновны, как и их враги. Повстанцы, которых мы встречали на дорогах общего пользования, как правило, были очень вежливы и всячески старались защитить людей, чтобы завоевать их доверие. Поджоги, грабежи, разбои и жестокое обращение с людьми со стороны повстанцев карались смертью. Ночью мы добрались до Чонг Чоу. Почти все дома вдоль дороги между Ву Сиком и Чонг Чоу были совершенно пустынными и лишены всех обитателей. Изредка на берегу можно было увидеть несколько жителей с маленькими корзинками, которые торговали яйцами, апельсинами, пирожными, овощами и свининой. В основном это были старики, лица которых выражали страдание и отчаяние. 13 ноября, в шесть часов утра, мы возобновили свой путь в Тан Ян. Когда мы приблизились к Тан Яну, люди, казалось, вновь обрели уверенность в себе, а поля, похоже, были возделаны. Поведение повстанцев по отношению к ним было внимательным и достойным похвалы. Утром мы увидели отряд в тысячу человек, шедший к Тан Яну. Мы не дошли до Тан Яна и встали на якорь на ночь в непосредственной близости от него.

Рано утром следующего дня мы отправились в город к коменданту Лю, чтобы вручить ему письмо, полученное в Сухау, но его не оказалось в городе. Навстречу нам вышел сосед Лю, гражданский человек. Он был очень приветлив и обращался с нами любезно и очень вежливо. Один из наших собеседников упомянул о религиозном характере тайпинов.

Затем Чин изложил нам свои взгляды на христианство, как его преподавал Хунг Сиу Чун - лидер восстания. Он сказал:

"Мы поклоняемся Богу Небесному Отцу, с которым Иисус и Святой Дух составляют истинного Бога; что Шанг Ти есть Истинный Дух".

Затем он повторил доксологию. Он сказал, что у повстанцев было две доксологии - старая и новая; они отбросили новую и приняли старую. По его словам, Тянь Вонг - Небесный Император - был вознесен на Небеса и получил приказ от Небесного Отца прийти и истребить все зло и исправить все ошибки; уничтожить идолопоклонство и злых духов и, наконец, научить людей познанию Бога. Он не знал, был ли Тянь Вонг переведен на Небеса телом или духом, или и тем и другим. По его словам, сам Тянь Вонг объяснил, что он не может стоять на одной ступени с самим Богом; что почтение, оказываемое Богу, является актом религиозного поклонения, а то, что оказывалось Тянь Вонгу, было просто актом придворного этикета, который министры и офицеры всегда оказывали своим государям при всех династиях, и не может быть истолковано как акт поклонения. Он также заявил, что Тьен Вонг был младшим братом Христа, но из этого не следует, что он был рожден от той же матери. Тьен Вонг, по его словам, был младшим братом Христа в том смысле, что он был особо назначен Богом для наставления людей. Христос также был назначен Богом, чтобы реформировать и искупить мир. Что касается трех чашек чая, он сказал, что они предназначались в качестве благодарственной жертвы и не носили умиловительного характера.

"Всякий раз, когда мы пьем чашку чая, мы возносим благодарность Небесному Отцу. Три чашки чая не имеют никакого отношения к Троице. Одна чашка отвечает той же цели. Число три было выбрано намеренно, потому что это любимое число китайцев, оно даже упоминается в китайской классике".

Что касается искупления, то он сказал: "Никакие жертвоприношения не могут снять с нас грехи; сила искупления - во Христе; Он искупает нас, и наш долг - покаяться в своих грехах. Даже Тьен Вонг очень осмотрителен и боится согрешить против Бога".

По поводу того, что во время войны солдаты держатся в стороне от народа, он сказал: "Это был давний обычай, принятый почти всеми династиями, что народ должен уходить в деревню, а солдаты размещаться в городе. Когда город захвачен или взят, легко подчинить себе окружающую страну".

Те места, которые мы видели в руинах, как в Сухау, так и по всему каналу, были частично разрушены войсками Чонг Юх Леанга при отступлении, частично местными хищниками ради грабежа, а частично самими тайпинами. Когда Чанг Вонг находился в Сучау, он делал все возможное для подавления поджогов, предлагая денежные и звания тем, кто принимал активное участие в их пресечении. Он издал три приказа: 1. Солдатам не разрешалось убивать или резать жителей. 2. Им запрещалось резать скот. 3. Запрещалось поджигать дома. Нарушение любого из этих приказов каралось смертной казнью. Когда он спустился в Ву Сик, ему пришлось обезглавить старейшину деревни за то, что тот позволил местным бандитам сжечь дома жителей. Такую информацию мы почерпнули из разговора с Чином. Он также сказал, что Ин Вонг и Чунг Вонг были талантливыми людьми - не только в военном деле, но и в гражданском.

Он долго рассказывал нам о захвате повстанцами различных мест и о том, как они были разбиты до Нанкина, когда этот город был осажден империалистами в начале 1860 года. Он также показал нам письмо вождя из Хвуи Чоу о полном поражении и разгроме Цанг Квох Фана, которого теснили огромные силы повстанцев. Предполагается, что Цанг был убит в этой великой битве. Он сказал, что Чонг Юх Леанг, империалистический генерал, осаждавший Нанкин, после поражения отправился в Хангчау на лечение от кровоизлияния в легкие; что вся страна вдоль канала, к северу от Янцзы, находится в руках повстанцев, что принцы Чунг и Йинг идут вверх по реке, чтобы овладеть Хупе, и что Ши Та Кай, другой вождь,

получил задание завоевать провинции Юнь Нань, Квай Чоу и Се Чуне. В то время Чин Кианг был осажден мятежниками, а Чи Вонг командовал наблюдательной армией в Кианг Нане. Таков был бессвязный рассказ Чина о дислокации повстанческих сил под командованием различных вождей или князей.

Пужинав с ним вечером, мы отправились на ночь в свою лодку. На следующее утро, 15 ноября, мы снова отправились в город и вызвали Лю, но, не увидев его, снова обратились к Чину, чтобы договориться о перевозке нашего багажа и нас самих из Тан Яна в Нанкин. Адъютант сказал, чтобы мы отправили все наши вещи в офис Чина и что о нашей лодке, если ее оставить в Тан Яне до нашего возвращения, будут хорошо заботиться и охранять во время нашего отсутствия. Так что на следующее утро, 16 ноября, мы отправились пешком и прошли пятнадцать миль от Тан Янга до деревни под названием По Инг, примерно в шести милях от города Ку Юнг, где остановились на ночь. Нам с некоторым трудом удалось найти место для ночлега. Люди были бедны и не доверяли чужакам. Однако после некоторых уговоров мы получили соломинку, расстеленную на земле, а на следующее утро дали старухам по доллару. На завтрак у нас была вареная рисовая каша, холодная курица и крекеры. Когда мы добрались до Ку-Юнга около девяти часов 17 ноября, то обнаружили, что все ворота города закрыты против нас, как и все остальные, потому что прошел слух, что повстанцы перед Чин-Киангом потерпели поражение и стекаются в Ку-Юнг в поисках убежища. Поэтому мы решили продолжить путь в сторону Нанкина, хотя наши друзья-миссионеры были близки к тому, чтобы вернуться в Тан Ян и проделать обратный путь в Шанхай. Мы прошли недалеко от Ку-Юнга, когда нам наконец удалось раздобыть стулья и мулов для продолжения нашего путешествия.

18 ноября, после тяжелого и утомительного путешествия, мы достигли Нанкина. Я первым достиг Южных ворот, дождавшись, пока остальные подойдут, прежде чем войти. Нам доложили, что мы находимся внутри ворот, и посыльные проводили нас в штаб-квартиру преподобного мистера Робертса, расположенную неподалеку от штаб-квартиры Хун Цзиня, прозванного принцем Каном.

После предварительного знакомства с преподобным мистером Робертсом я откланялся и, оставив остальных участников беседы с ним, удалился в свою каюту, чтобы привести себя в порядок и отдохнуть от долгого и утомительного путешествия. На самом деле мне практически нечего было сказать в присутствии мистера Робертса, да я и не пытался с ним знакомиться. Я часто видел его в Макао, когда учился в школе миссис Гутцлафф, двадцать или более лет назад, и сразу же узнал его, как только увидел. Он показался мне старым, одетым в желтый атласный халат и неторопливо передвигающимся в своих неуклюжих китайских туфлях. В каком именно качестве он действовал в Нанкине, я так и не понял; был ли он религиозным советником Хунг Сиу Чуне или играл роль государственного секретаря династии Тайпин, никто, похоже, не мог сказать.

На следующий день (19 ноября) я получил приглашение посетить Кан Вонга. Он был племянником Хунг Сиу Чуне, вождя мятежников, которого называли Тьен Вонг, или Небесный государь. До того как Хун Цзинь приехал в Нанкин, я познакомился с ним в 1856 году в Гонконге. Тогда он был связан с Лондонской миссионерской ассоциацией в качестве местного проповедника и находился под руководством доктора Джеймса Легге, выдающегося переводчика китайской классики. Я много видел его в Гонконге, и уже тогда он выразил желание увидеть меня когда-нибудь в Нанкине. Тогда его звали Хун Цзинь, но поскольку он присоединился к своему дяде в Нанкине, его возвели в ранг принца. Кан означает "защищающий", а Кан Вонг - "защищающий принц". Он встретил меня очень радушно и, очевидно, был рад меня видеть. После обычного обмена условностями он

поинтересовался, что я думаю о тайпинах; достаточно ли хорошо я отношусь к их делу, чтобы отождествлять себя с ним. В ответ я сказал, что не намерен бросать с ними жребий, а пришел просто повидаться с ним и выразить свое почтение. В то же время я хотел выяснить для себя фактическое положение дел в Нанкине. Я сказал, что путешествие из Сухау в Нанкин подсказало мне несколько вещей, которые, как я полагал, могут его заинтересовать. Они заключались в следующем:

1. Организовать армию на научных принципах.
2. Создать военную школу для подготовки грамотных офицеров.
3. Создать военно-морское училище для флота.
4. Организовать гражданское правительство, состоящее из способных и опытных людей, которые будут выступать в качестве советников в различных отделах администрации.
5. Установить банковскую систему и определить стандарты веса и меры.
6. Создать систему образования в школах с отдельным обучением, сделав Библию одним из учебных пособий.
7. Организовать систему промышленных школ.

Именно эти темы возникли у меня во время путешествия. Если правительство тайпинов захочет, сказал я, принять эти меры и приступить к работе по выделению соответствующих ассигнований, я с готовностью предложу свои услуги по их осуществлению. Именно в этом качестве, как мне казалось, я мог бы принести наибольшую пользу делу тайпинов. В любом другом случае я был бы просто помехой и препятствием для них.

Таков был итог моего первого собеседования. Через два дня мне снова предложили позвонить. Во втором интервью мы обсудили достоинства и важность семи предложений, высказанных в первом интервью. Кан Вонг, который видел больше внешнего мира, чем другие принцы и лидеры, и даже больше, чем сам Хунг Сиу Чуне, знал, где кроется секрет силы и могущества британского правительства и других европейских держав, и в полной мере оценил первостепенную важность и значение этих предложений. Но он был один, и некому было поддержать его в их отстаивании. Другие принцы, или лидеры, отсутствовали в городе, продолжая свою кампанию против империалистов. Он сказал, что прекрасно понимает важность этих мер, но до их возвращения ничего нельзя сделать, так как для их осуществления необходимо согласие большинства.

Через несколько дней после этого мне вручили небольшую посылку от Кан Вонга. Открыв ее, я, к своему большому удивлению, обнаружил деревянную печать длиной около четырех дюймов и шириной в дюйм, на которой было вырезано мое имя с надписью "Е".

что означает "Праведность" и обозначает четвертый официальный ранг после первого - князя. Мой титул был написан на куске желтого атласа, скрепленного официальной печатью Кан Вонга. Я был поставлен в затруднительное положение и не мог понять, в чем его смысл - в том, чтобы навсегда задержать меня в Нанкине или в том, чтобы безвозвратно предать меня делу тайпинов, *nolens volens*. В любом случае, со мной не советовались по этому вопросу, и Кан Вонг, очевидно, действовал по собственной инициативе и считал само собой разумеющимся, что, присвоив мне такой высокий ранг, как четвертый в официальной шкале

тайпинов, я могу быть побужден принять и таким образом идентифицировать себя с делом тайпинов, в окончательном успехе которого я сильно сомневался, судя по поведению, характеру и политике ведущих людей, связанных с ним. Я обсудил этот вопрос со своими помощниками и пришел к решению, что должен немедленно вернуть печать и отказаться от заманчивой безделушки. Я лично отправился поблагодарить Кан Вонга за этот знак его высокого уважения и сказал ему, что в любое время, когда лидеры тайпинов решат осуществить одно или все мои предложения, высказанные в первой беседе с ним, я буду очень рад служить им, если мои услуги понадобятся для помощи в этом деле. Тогда я попросил его в качестве особого одолжения выдать мне паспорт, который гарантировал бы мне безопасное передвижение по территории, находящейся под юрисдикцией тайпинов, будь то по делам или для удовольствия. Паспорт был выдан мне на следующий день, 24 декабря, и мы были снабжены надлежащими средствами передвижения и провизией, чтобы доставить нас обратно в город Тан Ян, где наша лодка лежала под охраной Чина, второго командующего городом, ожидая нашего возвращения из Нанкина. Мы отправились в обратный путь в Шанхай 27 декабря тем же путем, что и прибыли, и благополучно прибыли в Тань Ян в начале января 1861 года.

По дороге в Шанхай у меня было достаточно времени, чтобы составить представление о восстании тайпинов - его происхождении, характере и значении.

ГЛАВА XI

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВОССТАНИИ ТАЙПИНОВ

Восстания и революции в Китае - не новое и редкое историческое явление. Здесь было по меньшей мере двадцать четыре династии и столько же сопутствующих им восстаний и революций. Но за исключением феодального периода, революции в Китае (со времен объединения трех царств в единую империю при императоре Чине) означали лишь смену власти, не меняя ни ее формы, ни принципов. Поэтому история Китая на протяжении по меньшей мере двух тысяч лет, как и его цивилизация, несет на себе отпечаток однообразного мертвого уровня - однообразного по характеру, лишённого многогранности гения и почти лишённого исторического вдохновения.

Восстание тайпинов отличается от своих предшественников тем, что уже на стадии зародыша оно вобрало в себя религиозный элемент, который стал той жизненной силой, которая пронесла его от дефиле и диких мест провинции Кванси на юго-западе до города Нанкин на северо-востоке и сделала его на пятнадцать лет постоянно надвигающейся опасностью для маньчжурской династии, чья коррупция, слабость и плохое управление были основными причинами, вызвавшими существование этого великого восстания.

Религиозный элемент, давший ему жизнь и характер, был иностранным продуктом, привнесённым в Китай ранними протестантскими миссионерами, среди которых доктор Роберт Моррисон был первым английским пионером, посланным Лондонской миссией, а десять лет спустя за ним последовал преподобный Икабод Дж. Робертс, американский миссионер. Эти два миссионера могут по праву претендовать на заслугу, если таковая имеется, в том, что они внесли свой вклад (каждый в своей сфере) в передачу Хунг Сиу Чуне знаний о христианстве. Доктор Моррисон, со своей стороны, перевел Библию на китайский язык, а словарь императора Кханг Хси - на английский; оба эти достижения дали миссионерской работе в Китае основу для продолжения работы по пересмотру и приведению Библии в соответствие с китайским литературным вкусом, чтобы она могла

понравиться литературным слоям, а также для дальнейшего совершенствования китайско-английского словаря, что впоследствии было сделано такими людьми, как доктор Медхерст, епископ Бойон, епископ Бойон и др. Медхерст, епископ Бун, доктор Легге, Э. К. Бриджмен и С. Уэллс Уильямс.

Помимо этих переводных работ, которые, несомненно, нуждаются в дальнейшем пересмотре и улучшении, доктор Моррисон подарил Китаю новообращенного уроженца - Леанга Ахфа, который впоследствии стал известным проповедником и автором нескольких религиозных трактатов.

В поисках религиозных знаний и истин Хунг Сиу Чуне получил в руки экземпляр Библии доктора Моррисона и трактаты Леанга Ахфаха. Он читал и изучал их, но нуждался в учителе, который объяснил бы ему многие моменты Библии, казавшиеся ему загадочными и непонятными. В конце концов он познакомился с преподобным мистером Икабодом Дж. Робертсом, американским миссионером из Миссури, штаб-квартира которого находилась в Кантоне. Хунг Сиу Чуне часто навещал его, пока их знакомство не переросло в тесную и прочную дружбу, которая сохранялась до тех пор, пока Хунг Сиу Чуне не удалось захватить Нанкин, и тогда мистер Робертс был приглашен проживать там в двойном качестве - религиозного учителя и государственного советника. Это, несомненно, было сделано в знак признания заслуг мистера Робертса как учителя и друга Хунга во время его пребывания в Кантоне. Никто не знал, что стало с мистером Робертсом, когда Нанкин пал и вернулся к империалистам в 1864 году.

Именно в это время, когда он усердно искал религиозные наставления мистера Робертса в Кантоне, Хунгу не удалось сдать свой первый конкурсный экзамен в качестве кандидата на официальное назначение, и он решил посвятить себя исключительно работе по проповеди Евангелия среди своего народа, хакков из Кванг Тунга и Квангси. Но, будучи колпортером и туземным проповедником, Хунг не достиг кульминации своего религиозного опыта, прежде чем встал во главе своего народа, поднявшего открытое восстание против маньчжурской династии.

Мы должны вернуться к тому времени, когда, будучи кандидатом на конкурсные экзамены по литературе, он был разочарован. Это повергло его в лихорадку, и когда он метался в бреду, его якобы перевели на небеса, где Всемогущий повелел ему исполнить божественную миссию его жизни, которая заключалась в уничтожении идолопоклонства, исправлении всех ошибок, обучении людей познанию истинного Бога и проповеди искупления через Христа. Учитывая такую миссию и будучи призванным в присутствие Божье, он сразу же принял себя за сына Божьего, равноправного с Христом, которого он называл своим старшим братом.

Именно в таком состоянии галлюцинаций Хунг Сиу Чуне предстал перед своей маленькой общиной хакков - странников-переселенцев - в дефиле и диких местах Кванси. Их новое и странное поведение в качестве поклонников Шангти - Верховного правителя - их ежедневные религиозные упражнения, молитвы и пение доксологии, как учил и предписывал он, привлекли широкое внимание во всех окрестностях Кванси. Каждый день в их ряды стекались все новые и новые желающие, пока их численность не возросла настолько, что местные мандарины были озадачены и не знали, что делать с этими верующими в христианство. Таковы, вкратце, происхождение, рост и характер христианского элемента, действующего среди простых и деревенских горцев Квангси и Кванг Тунга.

Правда, их знания о христианстве, пропущенные через посредство первых миссионеров с Запада, а также местных новообращенных и колпортеров, были в лучшем случае грубыми и элементарными, но все же это были истины огромной силы, достаточно мощные, чтобы превратить простых мужчин и религиозно настроенных женщин в героев и героинь, которые встречали опасности и смерть с крайним безразличием, как это было видно впоследствии, когда правительство решило взять быка за рога и прибегло к гонениям как последнему средству, чтобы сломить это религиозное, фанатичное сообщество. В своих столкновениях с имперскими войсками они не имели ни оружия, ни боеприпасов, а сражались с помощью метлы, хвороста и вил. Этими деревенскими и крестьянскими орудиями они гнали перед собой империалистические полчища, как мякину и стерню перед ураганом. Таков был их скрытый религиозный энтузиазм и горячий пыл.

Именно религиозные преследования стали тем побочным явлением, которое превратило сопротивление Хунг Сиу Чуне и его последователей в религиозном смысле в политическое восстание. Трудно сказать, остались бы Хунг Сиу Чуне и его последователи в сердце Китая в мирной обстановке и создали бы религиозную общину, если бы не преследования. Однако мы склонны думать, что даже если бы не было преследований, восстание все равно имело бы место, исходя из самой природы политической ситуации.

Ни христианство, ни религиозные преследования не были непосредственной и логической причиной восстания 1850 года. Их можно рассматривать как инциденты или случаи, которые привели к его возникновению, но не они были реальными причинами его существования. Их можно найти в глубине политической конституции правительства. Главной из них была коррумпированность административного аппарата. Вся официальная организация, от головы до ног, была пронизана и запятнана системой взяточничества, которая проходила под вежливым и общим термином "подарки", схожим по характеру с тем, что сейчас известно как "прививки". Далее следует эксплуатация народа чиновниками, которые нашли неисчерпаемое поле для наращивания своих состояний. И наконец, неизбежным и логичным следствием взяточничества и эксплуатации чиновников стало то, что все административное управление было основано на гигантской системе мошенничества и фальши.

Это восстание поднялось на арене Китая с загадочным характером, подобным характеру Сфинкса, несколько озадачивающим вначале. Христианский мир на всем Западе, узнав о его христианских тенденциях, таких как поклонение истинному и живому Богу, Христу, Спасителю мира, Святому Духу, очистителю души, разрушение храмов и идолов, которые находили везде, куда несло их победоносное оружие, бескомпромиссное запрещение опиума, соблюдение субботы, молитвы до и после еды; призыв к божественной помощи перед битвой - все эти кардинальные моменты христианской веры создали во всем мире впечатление, что Китай, благодаря Тайпинам, должен быть евангелизирован; что маньчжурская династия должна быть уничтожена, и будет создана "Небесная империя всеобщего мира", как ее назвал Хунг Сиу Чуне, и таким образом Китай, благодаря этому чудесному вмешательству мудрого Провидения, будет введен в рамки христианских наций. Но христианство было слишком легковерным и импульсивным в своей вере. Оно не остановилось перед тем, чтобы пропустить христианство тайпинов через горнило тщательного анализа.

Первая победа над своими гонителями, несомненно, дала Хунг Сиу Чуне и его соратникам первое предчувствие возможного свержения маньчжурской династии и установления новой, которую он в своем религиозном экстазе назвал "Небесной империей всеобщего мира". Для

достижения этой великой цели они направили всю силу своего иконоборческого энтузиазма и религиозного рвения.

По пути из Кванг-Си, начального пункта их путешествия, в Нанкин на их штандартах все время красовалась победа. Они отправили дивизию своей армии в Пекин, но по пути к северной столице встретили отпор и поражение в Тяньсине, откуда повернули обратно в Нанкин. Во время победоносного марша через Хунань, Хупэ, Кианг-Си и часть Ань-Хвуя их истощенные силы пополнялись и усиливались за счет свежих и новых пополнений, собранных из жителей этих провинций. Это были отбросы и отбросы их населения. Этот сбродный элемент не добавил новой силы их боевым силам, но оказался помехой и причиной решительной слабости. Они не знали дисциплины и не имели сдерживающей религиозной силы, которая могла бы удержать их от грабежей, разбоя и беспорядочного уничтожения. Именно благодаря таким новым вступлениям дело тайпинов потеряло свой престиж, они потерпели поражение под Тяньсином и были вынуждены отступить в Нанкин. После поражения на Севере тайпины стали терять свою религиозность и храбрость. Их вырождение ускорило после захвата Ян Чоу, Сучау и Хангчау - городов, отмеченных в истории Китая огромным богатством и красивыми женщинами. Захват этих центров материалистической цивилизации влил в их ряды несметные богатства и роскошь, что ускорило их падение.

Восстание тайпинов, после пятнадцати лет непрерывных и бесполезных боев, потерпело крах и кануло в Лету, не оставив после себя никаких следов, достойных исторической памяти, кроме того факта, что оно было вспышкой религиозного фанатизма, который привел христианский мир в сомнение и недоумение из-за своего христианского происхождения. Он не оставил никаких следов христианского элемента ни в Нанкине, где он прожил почти десять лет, ни в Кванг Си, где он зародился. В Китае не было обнаружено ни новых политических идей, ни политических теорий или принципов, которые могли бы стать основой для новой формы правления. Таким образом, ни в религиозном, ни в политическом плане это движение не принесло пользы человечеству ни в Китае, ни за его пределами. Единственное благо, которое принесло восстание тайпинов, - это то, что Бог использовал его как динамическую силу для преодоления застоя в великой нации и пробуждения ее сознания для новой национальной жизни, что в полной мере продемонстрировали последующие события 1894, 1895, 1898, 1900, 1901 и 1904-5 годов.

ГЛАВА XII

ЭКСПЕДИЦИЯ В ЧАЙНЫЙ РАЙОН ТАЙПИН

Мой визит в Нанкин был совершенно лишен какой-либо существенной надежды на продвижение какой-либо схемы образовательной или политической реформы для общего благосостояния Китая или для продвижения моих личных интересов. Когда я окончательно убедился, что ни реформация, ни возрождение Китая не зависят от тайпинов, я сразу же обратился к идее сколотить большое состояние как к своему первому долгу и как к первому элементу успешного осуществления других планов на будущее.

Однажды, прогуливаясь по чайному саду в Шанхае, я наткнулся на нескольких торговцев чаем, которые в одиночестве наслаждались этим напитком в кабинке и, очевидно, очень весело проводили время. Они пригласили меня присоединиться к их вечеринке. В ходе беседы мы случайно затронули тему моего недавнего путешествия по чайным районам Хунань, Хупе и Кианг Си, а также моей поездки в Нанкин. Переходя от одной темы разговора

к другой, мы затронули тему района зеленого чая Тайпин в провинции Ань Хвуй. Было сказано, что там можно найти огромное количество зеленого чая, упакованного и упакованного в коробки, готового к отправке, что этот товар находится в руках повстанцев и что тот, кто наберется смелости и мужества рискнуть жизнью, чтобы завладеть им, станет миллионером. Я слушал рассказ с глубоким интересом, впитывая все, что говорилось по этому поводу. Утверждалось, что там было более 1 000 000 сундуков с чаем. Наконец вечеринка распалась, и я направился в свою каюту, погрузившись в глубокие размышления. Я рассуждал о том, что это шанс сделать состояние, но задавался вопросом, кто окажется настолько безрассудным, чтобы предоставить капитал, полагая, что ни один опытный бизнесмен не станет рисковать своими деньгами в такой аванюре, сопряженной с более чем обычными опасностями и трудностями, в стране, где разбой на дорогах, беззаконие и убийства были повседневным явлением. Но когда передо мной предстал блеск большого состояния, все лишения, опасности и риски жизни показались мне незначительными и превратились в воздушное ничто.

Мой друг, Цанг Миу, благодаря которому я год назад отправился в путешествие в глубь страны, был человеком с большим деловым опытом. У него была длинная голова и большой круг деловых знакомств, к тому же он был моим теплым другом, поэтому я решил пойти к нему и обсудить все дело, так как знал, что он без колебаний даст мне наилучший совет. Я изложил ему всю суть дела. Он сказал, что всесторонне обдумает вопрос и через несколько дней сообщит мне о своем решении. Через несколько дней он сообщил мне, что имел несколько консультаций с главой фирмы, в которой он был компрадором, и между ними было принято решение взяться за мой проект.

План операции, разработанный мной, был следующим: Я должен был отправиться в район Тайпин кратчайшим и безопасным путем, чтобы выяснить, есть ли там чай; безопасно ли брать там сокровища, чтобы заплатить мятежникам за чай; и возможно ли доставить чай на туземных лодках, чтобы переправить его на пароходе в Шанхай. Это можно назвать предварительной экспедицией. Затем я должен был определить, какой из двух маршрутов окажется более осуществимым, - их два, один через Уху, договорной порт, а другой через Та Тунг, не договорной порт, в ста милях выше Уху. Уху и вся страна, ведущая к Тайпину, включая сам район, находились под юрисдикцией повстанцев, в то время как Та Тунг все еще принадлежал империалистам. Расстояние от Уху до Тайпина по реке составляло около двухсот пятидесяти миль, в то время как путь через Та Тунг был хоть и короче, но в основном сухопутным, что делало перевозку более сложной и дорогой, к тому же в Та Тунге приходилось платить империалистам большой военный налог, в то время как в Уху пошлина и военный налог были совершенно бесплатными.

В этой инспекционной экспедиции я выбрал Уху в качестве основы для своей операции. Я начал с четырьмя китайскими чайханщиками, уроженцами Тайпина, которые бежали в Шанхай в качестве беженцев, когда весь район на два года превратился в театр кровавых конфликтов между империалистическими и повстанческими силами. По пути вверх по реке Уху мы проехали три города, в основном покинутых жителями, но занятых повстанцами. Рисовые поля по обеим сторонам реки в основном оставались невозделанными и пустынными, заросшими сорняками и высокой травой. По мере того как мы поднимались к Тайпин, вся местность представляла собой удручающую и гнетущую картину дикого запустения и разрухи. Целые деревни были обезлюжены и оставлены в полуразрушенном состоянии. Из 500 000 жителей только несколько десятков человек бродили по улицам в вялом, безнадежном состоянии, сильно истощенные и похожие на ходячие скелеты.

После недели пути мы добрались до деревни Сан-Коу, где нас встретили и приветствовали три чайханщика, которые были в Шанхае около четырех лет назад. Казалось, им удалось пережить бурю, которая сметала основную массу населения и оставила их в числе немногих выживших. Они были очень рады нас видеть, и наше появление в деревне показалось им Божьим посланием. Среди оставшихся нетронутыми домов я выбрал лучшие, чтобы сделать их своей штаб-квартирой для ведения чайного бизнеса. Старых чайных мастеров привлекли к сотрудничеству в бизнесе, и они показали нам, где хранится чай. Мне сказали, что в Сан-Коу было не менее пятисот тысяч ящиков, а во всем округе Тайпин - не менее полутора миллионов ящиков, примерно по шестьдесят фунтов чая в ящике.

По истечении еще одной недели я вернулся на в Уху и сообщил обо всем. Я убедился, что путь от Уху по реке до Тайпина совершенно безопасен, и не ожидал никакой опасности для жизни или сокровищ. Я сам видел большое количество зеленого чая и убедился, что все, что нужно, - это отправить столько сокровищ, сколько безопасно разместить в Уху, а оттуда перевезти их на деревенских чайных лодках, хорошо сопровождаемых людьми на случай непредвиденных обстоятельств. Я также отправил образцы различных сортов зеленого чая в Шанхай для осмотра и составления списка. Они оказались удовлетворительными, и пришел приказ купить столько, сколько можно было купить.

Я был назначен начальником всех последующих экспедиций по сопровождению сокровищ вверх по реке до Сан-Коу и грузов с чаем оттуда до Уху. В одной из таких экспедиций у меня был штат из шести европейцев и такого же количества китайских чайных людей. У нас было восемь ящиков с сокровищами, содержащими в общей сложности 40 000 таллов. 40,000. Один таэль в шестидесятые годы по курсу того времени равнялся 1,33 доллара, таким образом, общая сумма в мексиканских долларах составляла чуть более 53 000 долларов. У нас была флотилия из восьми чайных лодок, четырех больших и четырех маленьких. Сокровища были разделены на две равные части и помещены в две самые большие и крепкие лодки. Люди также были разделены на два отряда: три европейца и три китайца в одной большой лодке и столько же в другой. Мы были хорошо обеспечены огнестрельным оружием, револьверами и тесаками. Кроме шести европейцев, у нас было около сорока человек, включая лодочников, но ни на шестерых чайханщиков, ни на лодочников нельзя было положиться в случае необходимости. Единственными надежными людьми, на которых я мог опереться в случае необходимости, были европейцы, но даже им я не был уверен, что могу доверять, поскольку в основном это были беглые моряки с авантюрным характером, которых компания подобрала в Шанхае и отправила в Уху для сопровождения сокровищ в глубь страны. Среди них был англичанин, назвавшийся ветеринарным врачом. Его рост превышал шесть футов в чулках, он обладал прекрасной внешностью, но, как выяснится в дальнейшем, не отличался крепким сердцем. Подготовленные и экипированные, мы покинули Уху в прекрасном расположении духа. Мы продолжили свой путь немного дальше города Кинг Юэнь, что составляет примерно половину пути до Сан-Коу. Мы могли бы пройти немного дальше Кинг Юэна, но, решив, что безопаснее будет находиться недалеко от города, где вождь повстанцев видел мой паспорт, полученный в Нанкине, и знал, что у меня есть влиятельные люди в Нанкине, мы решили провести ночь в безопасной укромной бухточке в излучине реки, достаточно большой, чтобы наши маленькие лодки могли причалить вплотную друг к другу, с должной предосторожностью разместив две самые большие в центре, с флангов справа и слева от них; Лодки поменьше заняли крайние концы линии.

Перед уходом я приказал осмотреть все наше огнестрельное оружие, зарядить его и правильно распределить. В каждой лодке были расставлены вахтенные, которые должны

были нести вахту всю ночь, за что им полагалась дополнительная плата. Приняв меры предосторожности, мы все улеглись на ночь. Только я и старый чайханщик бодрствовали, а остальные подавали явные признаки глубокого сна. Я чувствовал себя несколько нервно и никак не мог уснуть. Новая луна изредка заглядывала к нам со своей холодной улыбкой, когда тяжелые и темные тучи проносились по ее пути. Вскоре она закрылась и исчезла, и все окутала кромешная тьма. Ночь уже почти дошла до середины, когда до моих ушей донеслись отдаленные звуки криков и воплей, которые, казалось, становились все громче. Я немедленно поднялся, чтобы одеться, и тихонько разбудил европейцев и китайцев в обеих лодках. По мере того как крики и вопли приближались все ближе и ближе, казалось, что они исходят из тысячи глоток, наполняя полуночный воздух неземными звуками. Еще через мгновение на противоположном берегу в непроглядной тьме замелькали бесчисленные огни факелов. К счастью, между нами и этой бандой мародеров была река, а кромешная тьма скрывала наши лодки от их глаз. Ввиду такой надвигающейся опасности мы провели военный совет. Никто из нас не хотел сражаться и подвергать свою жизнь опасности в конфликте, в котором шансы были крайне неблагоприятны - примерно тысяча к одному. Но английский ветеринарный врач был самым первым и самым упорным из европейцев, выступавшим за пассивную капитуляцию. Его лицо побледнело, и он весь дрожал, то ли от страха, то ли от ночной прохлады, я не мог сказать. Выслушав каждого из них, что он хотел сказать, мне ничего не оставалось делать, как выйти вперед и обратиться к ним, что я и сделал следующим образом: "Ну что, ребята, вы все решили не сражаться, если на нас нападут, а сдать наши сокровища. Основанием для такого шага является то, что мы уверены том, что нас превзойдет отряд мятежников. Так что в такой дилемме благоразумие - лучшая часть доблести, и 40 000 таллов не стоят того, чтобы ими жертвовать. 40 000 не стоят того, чтобы ради них жертвовать жизнью. Но если мы откажемся от доверия, не предприняв никаких усилий для его сохранения, нас заклеймят как отъявленных трусов, и мы никогда не сможем рассчитывать на то, что нам снова доверят какое-либо ответственное поручение. Теперь я расскажу вам, что я предлагаю сделать. Если орда мятежников нагрянет и попытается захватить наши сокровища, я выйду вперед со своим желтым шелковым паспортом и потребую встречи с их вождем, а вы, ребята, со своими пушками и оружием должны стоять у сокровищ. Не стреляйте и не начинайте драку. Переговоры с ними на время сдержат их решимость грабить, и у них будет шанс узнать, кто мы такие и где я достал паспорт; и даже если они унесут сокровища, я скажу их начальнику, что непременно сообщу обо всем в Нанкин и верну все до цента".

Эти замечания, казалось, оживили дух и мужество мужчин, после чего мы все уселись на передних палубах наших лодок, с тревогой ожидая, что же произойдет в следующий момент. Пока мы находились в этом состоянии ожидания, наши сердца неслышно бились, а глаза пристально следили за противоположным берегом. Казалось, все крики и вопли стихли, и не было видно ничего, кроме факелов, медленно и неторопливо двигавшихся по берегу равномерными отрядами, каждый из которых периодически останавливался, а затем снова двигался вперед. Так продолжалось более двух часов, при этом они постоянно удалялись от нас. Я спросил у старого лодочника, что означают эти движения, и мне ответили, что мародерская орда высаживается в лодки по всей линии противоположного берега и движется вниз по течению. Было три часа ночи, и начался дождь. Несколько передовых лодок прошли мимо нас, не обнаружив, где мы находимся. Они были нагружены людьми и проплыли мимо нас в тишине. К четырем часам последняя лодка последовала за остальными и вскоре исчезла из виду. Очевидно, судя по неподвижности, которой отличалась длинная вереница лодок, плывущих вниз по течению, орда разбойников была полностью измотана своей грабительской экспедицией и, взойдя на борт лодок, сразу же предалась крепкому сну. Мы благодарили звезды за то, что нам удалось спастись от такой неожиданной опасности.

Своей безопасностью мы были обязаны темноте ночи, дождю и тому, что находились на противоположном берегу в укромной бухте. К пяти часам все наши тревоги и страхи были отброшены и превратились в радость и благодарность. Мы возобновили путешествие с легким сердцем и через два дня спокойно и безопасно добрались до Сан-Коу. Менее чем через две недели мы отправили в Уху в сопровождении европейцев и чайных мастеров первую партию чая, состоящую из пятнадцати лодок, чтобы переправить их на пароходе в Шанхай. Следующая партия состояла из двенадцати лодок. Я лично сопровождал их вниз по реке. Река в некоторых местах, особенно летом, была довольно мелкой, и приходилось рыть проход, чтобы спустить лодки. В одном или двух случаях лодочники очень неохотно прыгали в воду, чтобы сделать работу по углублению реки, и в одном случае мне пришлось прыгнуть в воду по пояс, чтобы показать им пример. Когда они уловили эту идею и увидели меня в воде, все последовали моему примеру и наперебой стали расчищать путь для лодок, потому что увидели, что я намерен заняться делом, и тут уж не до шуток.

Я занимался чайным бизнесом тайпинов около шести месяцев и забрал около шестидесяти пяти тысяч ящиков чая, что составляло едва ли десятую часть всего запаса, имевшегося в округе. Затем я слег с лихорадкой и агонией самого тяжелого типа. Поскольку в Уху я не мог получить никакой медицинской помощи, мне пришлось вернуться в Шанхай, где я пролежал почти два месяца. Эти два месяца болезни выбили из моей головы все мысли о том, чтобы заработать большое состояние. Я отказался от чайного предприятия "Тайпин", потому что оно требовало больших жертв для здоровья и нагрузки на нервную систему, чем я был в состоянии выдержать. Инцидент с полуночником Кинг Юэном, едва не ставший для меня катастрофическим, с мародерствующей ордой беспринципных головорезов, был в то время довольно сильным ударом для моей нервной системы и, возможно, послужил первопричиной моей двухмесячной болезни; он послужил мне достаточным предупреждением не подвергать свою нервную систему дальнейшим столкновениям и спорам с мятежными вождями, цена на чай, который мы у них покупали, повышалась с каждым днем. Беспристрастный и спокойный взгляд на это предприятие убедил меня в том, что я должен сохранить свою жизнь, силы и энергию для более высокой и достойной цели, чем любое состояние, которое я мог бы заработать на этом тайпинском чае, который, в конце концов, был нагребленным имуществом. Я уверен, что никакое состояние в мире не может быть поставлено на весы против моей жизни, которая имеет для меня неоценимую ценность.

Хотя я ничего не заработал на тайпинском чае, но бесстрашие, решимость добиться успеха и упорство, с которым я взялся за дело перед лицом исключительных трудностей и опасностей, сами по себе были для меня ценностью большей, чем состояние. Я был хорошо известен как среди иностранных купцов, так и среди местных бизнесменов, поэтому, как только стало известно, что я отказался от тайпинского чайного предприятия по состоянию здоровья, мне предложили чайное агентство в порту Кью-Кеанг для упаковки чая для другой иностранной фирмы. Я принял это предложение как временное, но менее чем через полгода отказался от него и начал комиссионный бизнес за свой счет. Я продолжал заниматься этим бизнесом почти три года, и дела у меня шли не хуже, чем я ожидал. Именно в это время, находясь в Кью Кинге, я уловил первый луч надежды на материализацию образовательной схемы, которую я плел в течение последнего года своей студенческой жизни.

ГЛАВА XIII

МОИ ИНТЕРВЬЮ С ФАН ЦАНГ КВО

В 1863 году я, казалось, преуспевал в своем бизнесе, когда, к моему большому удивлению, получил неожиданное письмо из города Нган Хинга, столицы провинции Ань Вуй. Автор письма был моим старым другом, с которым я познакомился в Шанхае в 1857 году. Он был уроженцем Нинпо и командовал первой китайской канонерской лодкой, принадлежавшей местной шанхайской гильдии. По всей видимости, он поднялся по служебной лестнице и стал одним из секретарей Цан Квох Фана. Его звали Чанг Ши Квей. В этом письме Чанг сообщал, что уполномочен вице-королем Цанг Квох Фаном пригласить меня приехать в Нган Хинг, так как он (вице-король) слышал обо мне и очень хотел бы меня увидеть. Получив письмо, я был в недоумении и задавал себе множество вопросов: Что могло понадобиться от меня столь уважаемому человеку? Узнал ли он о моем недавнем визите в Нанкин и о том, что я отправился в район Тайпин за зеленым чаем, который удерживали там повстанцы? Цан Квох Фан сам год назад сражался с мятежниками в департаменте Хвуй Чоу и потерпел поражение, и, по слухам, был убит в бою. Могли ли ему сообщить, что я находился неподалеку от места его сражения и поддерживал связь с мятежниками, и не хотел ли он под вежливым предлогом заманить меня в ловушку и снять с меня голову? Но Чанг, его секретарь, был старым другом с многолетним стажем. Я хорошо знал его характер; он вряд ли стал бы играть в кошачью лапу, чтобы меня схватили. Так, размышляя от одной догадки к другой, я пришел к выводу не принимать приглашения, пока не узнаю больше о цели, с которой великий человек послал за мной.

В ответ на письмо я написал и сообщил, что благодарю Его Превосходительство за его великое снисхождение и считаю большой честью и привилегией получить такое приглашение, но из-за наступившего чайного сезона (а это было в феврале) я был вынужден заниматься заказами на упаковку чая, которые быстро поступали; но как только они уйдут из моих рук, я смогу поехать и засвидетельствовать свое почтение Его Превосходительству.

Через два месяца после получения первого письма пришло второе, в котором меня призывали как можно скорее приехать в Нган Хинг. В это второе письмо было вложено письмо, написанное Ли Сиен Ланом, выдающимся китайским математиком, с которым я познакомился еще в Шанхае. Он был человеком, который помогал мистеру Уайли, миссионеру Лондонского совета миссий, в переводе нескольких математических работ на китайский язык, среди которых было интегральное и дифференциальное исчисление, над которым, как я хорошо помню, я "провалился и провалился" на втором курсе колледжа; и в связи с этим я мог бы также откровенно признаться, что в моем макияже математика была оставлена без внимания. Мистер Ли Сиен Лан также был астрономом. В своем письме он сообщает, что рассказал вице-королю Цан Квох Фану о том, кто я такой, что у меня было иностранное образование, что я собрал внушительную сумму на помощь голодающим в 1857 году, что у меня было сильное желание помочь Китаю стать процветающим, могущественным и сильным. Он сообщил, что у вице-короля есть для меня какое-то важное дело, и что Чу и Ва, интересующиеся машинами всех видов, также находятся в Нган Хинге, будучи приглашенными туда вице-королем. Письмо господина Ли полностью развеяло все мои сомнения и опасения относительно намерений вице-короля увидеть меня и дало мне понять, с какой целью он послал за мной.

В ответ на эти письма я написал, что через пару месяцев буду более свободен, чтобы отправиться в путешествие. Но мой второй ответ, похоже, не удовлетворил сильного желания Цан Квох Фана увидеться со мной. Поэтому в июле 1863 года я получил третье письмо от Чанга и второе от Ли. В этих письмах цель вице-короля была ясно и откровенно изложена. Он хотел, чтобы я полностью оставил свое торговое дело и перешел под его начало на службу правительству штата, и спрашивал, не могу ли я сразу же приехать в Нган Хинг. В связи с

этим неожиданным предложением, требовавшим быстрого и однозначного решения, я не замедлил узнать, какова возможность осуществления моего образовательного плана при поддержке такого влиятельного человека, как Цан Квох Фан. Я немедленно ответил, что, узнав о желании Его Превосходительства, принял во внимание всю ситуацию и решил отправиться в его штаб-квартиру в Нган Хинге, как только завершу свои дела, на что у меня уйдет целый месяц, и что я приступлю к работе не позднее августа. Так закончилась переписка, ставшая, по сути, начальным этапом моей официальной карьеры.

Цан Квох Фан был самым выдающимся персонажем в истории Китая. Современники считали его великим ученым и эрудированным человеком. Вскоре после того, как восстание тайпинов разразилось и стало приобретать огромные масштабы, захватывая провинцию за провинцией, Цан начал собирать армию из своих соотечественников из Хунани, которые всегда пользовались репутацией храбрых и выносливых бойцов. В деле создания дисциплинированной армии он привлек к сотрудничеству других хунаньцев, которые впоследствии приняли активное участие в создании флотилии речных канонерских лодок. Эта флотилия сыграла большую и эффективную роль в качестве вспомогательных сил на реке Янцзы и в немалой степени способствовала сдерживанию быстрой и готовой концентрации сил повстанцев, которые распространились на обширной территории по обоим берегам великой реки Янцзы. В течение нескольких лет потерянные провинции постепенно отвоевывались, пока восстание не свелось к одной провинции Кианг Су, единственным оплотом которой оставался Нанкин, столица восстания. Он окончательно пал перед войсками Цан Квох Фана в 1864 году.

Подавить и положить конец восстанию такого масштаба, как восстание тайпинов, было непростой задачей. Цан Квох Фан был назначен генералиссимусом империалистов. Чтобы он мог успешно справиться с тайпинами, Цанг был наделен почти царской властью. Доходы семи или восьми провинций были положены к его ногам для распоряжения, также в его распоряжении были официальные чины и территориальные назначения. Таким образом, Цан Квох Фан был буквально и практически верховной властью Китая того времени. Но, верный своему врожденному величию, он никогда не злоупотреблял практически неограниченной властью, которая была в его руках, и не использовал огромные ресурсы, которые были в его распоряжении, для обогащения себя или своей семьи, родственников или друзей. В отличие от Ли Хунг Чанга, его протеже и преемника, который завещал своим потомкам 40 000 000 таллов. Цанг умер сравнительно бедным, сохранив незапятнанной эмблему своей официальной карьеры и оставив после себя имя и характер, почитаемые и почитаемые за честность, патриотизм и чистоту. Он обладал большими талантами, но был скромным. Он обладал либеральным умом, но был консервативен. Он был безупречным джентльменом и дворянином высшего типа. Именно с таким человеком мне посчастливилось столкнуться осенью 1863 года.

Завершив свои дела в Нью-Кинге, я пересел на туземную лодку и в сентябре высадился в Ngan Khing. Там, в военном штабе вице-короля Цанг Квох Фана, меня встретили мои друзья - Чанг Си Квей, Ли Сиен Лан, Ва Юх Тинг и Чу Сиух Чуне, все старые друзья из Шанхая. Они были рады меня видеть и рассказали, что вице-король в течение последних шести месяцев, услышав их рассказ о том, что в детстве я уехал в Америку, чтобы получить западное образование, проявлял величайшее любопытство и интерес, чтобы увидеть меня, что объясняло три письма, которые Чанг и Ли написали, призывая меня приехать. Теперь, после моего приезда, их усилия по доставке меня к ним не были бесплодными, и они, конечно, претендовали на определенную заслугу, расхваливая меня вплоть до вице-короля. Я спросил их, знают ли они, зачем я нужен Его Превосходительству, кроме любопытства увидеть, как

уроженец Китая превращается в настоящего жителя Западной Европы. Все они многозначительно улыбнулись и сказали, что я узнаю об этом после одного-двух собеседований. Из этого я заключил, что они знают, для чего я нужен вице-королю, и, возможно, они и есть тайна.

На следующий день мне предстояло дебютировать, и я позвонил. Моя карточка была отправлена, и без единой минуты промедления или ожидания в приемной я был введен в присутствие великого человека Китая. После обычных церемоний приветствия мне указали на место прямо перед ним. Несколько минут он сидел молча, улыбаясь, как будто был очень рад меня видеть, но в то же время его внимательные глаза осматривали меня с головы до ног, пытаюсь найти что-нибудь странное в моем внешнем облике. Наконец он пристально посмотрел в мои глаза, которые, казалось, привлекли его особое внимание. Должен признаться, что все это время я чувствовал себя довольно неловко, хотя и не смущался. Затем последовал его первый вопрос.

"Как долго вы были за границей?"

"Я отсутствовал в Китае восемь лет, стремясь получить западное образование".

"Хотели бы вы стать солдатом, командующим ротой?"

"Я бы с удовольствием возглавил один из них, если бы меня к этому приспособили. Я никогда не изучал военное дело".

"Судя по твоей внешности, из тебя вышел бы отличный солдат, ведь по твоим глазам я вижу, что ты храбр и умеешь командовать".

"Я благодарю ваше превосходительство за комплимент. Возможно, я обладаю храбростью солдата, но мне, конечно, не хватает военной подготовки и опыта, и поэтому я, возможно, не смогу оправдать ожидания вашего превосходительства".

Когда мне предложили стать солдатом, я подумал, что он действительно хочет зачислить меня офицером в свою армию против мятежников; но, как мне потом рассказали мои шанхайские друзья, я ошибался. Он просто предложил это, чтобы выяснить, склонен ли я к военному делу. Но когда по моему ответу он понял, что у меня другой склад ума, он отбросил военную тему и спросил меня о моем возрасте и о том, женат ли я. Последний вопрос завершил мою первую вводную беседу, которая длилась всего полчаса. Он начал потягивать чай, и я сделал то же самое, что, согласно китайскому официальному этикету, означает, что интервью окончено и гость может удалиться.

Я вернулся в свою комнату, и вскоре вокруг меня собрались мои шанхайские друзья, чтобы узнать, что произошло между мной и вице-королем. Я рассказал им все, и они были в полном восторге.

Цанг Квох Фан, каким он предстал в 1863 году, был старше шестидесяти лет, в самом расцвете сил. Его рост составлял пять футов, восемь или девять дюймов, он был крепко сложен, хорошо сложен и имел прекрасные пропорции. У него была широкая грудь и квадратные плечи, над которыми возвышалась большая симметричная голова. У него был широкий и высокий лоб; глаза были расположены на прямой линии под веками треугольной формы, без той косости, которая так характерна для монгольского типа лица, обычно сопровождаемого высокими скулами, что является еще одной чертой, свойственной китайской физиономии. Его лицо было прямым и несколько волосатым. Боковые усы у него росли во всю длину, они свисали вниз вместе с бородой, которая расходилась по широкой

груди и придавала властному облику достоинство. Его глаза, хотя и не были большими, были острыми и пронизательными. Они были ясного лесного цвета. Рот был большой, но хорошо сжатый, с тонкими губами, которые свидетельствовали о сильной воле и высокой цели. Таков был внешний облик Цанг Квох Фана, когда я впервые встретил его в Нган Кхинге.

Что касается его характера, то он, несомненно, был одним из самых выдающихся людей своей эпохи и времени. Как полководца его можно назвать человеком, созданным самим собой; благодаря своему неукротимому упорству и настойчивости он прошел путь от высокоученого ханьлина (китайского доктора права) до генералиссимуса всех императорских войск, которые были направлены против тайпинов.) до генералиссимуса всех императорских войск, которые были направлены против тайпинских повстанцев, и менее чем за десять лет после того, как он возглавил своих хунаньских сырых рекрутов, ему удалось свести широкие разрушения восстания, охватывавшего территорию трех богатейших провинций Китая, к одной единственной провинции Кианг Нан, пока, наконец, путем сокращения своих сил, ему не удалось выбить жизнь из восстания падением и взятием Нанкина. Восстание тайпинов продолжалось пятнадцать лет, с 1850 по 1865 год. Довести его до конца было непростой задачей. Его рост и развитие стоили империи несметных сокровищ, а 25 000 000 человеческих жизней были уничтожены в этой политической гекатомбе. Завершение великого восстания дало народу передышку. У вдовствующей императрицы были особые причины быть благодарной гению Цан Квох Фана, который сыграл важную роль в восстановлении мира и порядка в Маньчжурской династии. Однако она не замедлила признать заслуги и моральные достоинства Цан Квох Фана и возвела его в ранг герцога. Но величие Цана не измерялось степенью общепринятого благородства; оно не заключалось в его победах над повстанцами и тем более не в повторном взятии Нанкина. Оно проистекало из его великих добродетелей: чистого, бескорыстного патриотизма, глубокой и дальновидной государственной мудрости, а также чистоты его официальной карьеры. Он вошел в историю как "человек прямоты". Это посмертный титул, присвоенный ему императорским указом.

Чтобы возобновить нить моего рассказа, скажу, что я пробыл в штаб-квартире вице-короля почти две недели, занимая комнату в том же здании, где жили мои шанхайские друзья - Ли, Чанг, Ва и Чу. В его военном штабе проживало не менее двухсот чиновников, собранных туда со всех концов империи для различных дел и целей. Кроме его секретарей, которых насчитывалось не менее сотни, там были ожидаемые чиновники, ученые, юристы, математики, астрономы и машинисты; короче говоря, избранные и знаменитые люди Китая были привлечены туда магнетической силой его характера и великого имени. Он всегда восхищался людьми с выдающимися способностями и талантами и любил общаться с ними. В течение двух недель моего пребывания там у меня было достаточно возможностей пообщаться с моими шанхайскими друзьями, и таким образом я случайно узнал, какую цель преследовал вице-король, призывая меня поступить на государственную службу. Оказалось, что мои друзья часто беседовали с вице-королем по поводу создания в Китае иностранной механической мастерской, но так и не решили, какую именно. Однажды вечером они устроили для меня ужин, во время которого была поднята тема машинного цеха, и она стала главной. После того как каждый высказал свое мнение по этому вопросу, за исключением меня, они поинтересовались моими взглядами, намекнув, что, по всей вероятности, во время моей следующей беседы с вице-королем он поднимет эту тему. Я сказал, что, поскольку я не эксперт в этом вопросе, мои мнения или предложения, возможно, не будут иметь большого значения, но, тем не менее, исходя из моих личных наблюдений в Соединенных Штатах и с точки зрения здравого смысла, я бы сказал, что в нынешнем состоянии Китая машинный цех должен быть общего и фундаментального характера, а не предназначен для конкретных

целей. Другими словами, я сказал им, что у них должен быть механический цех, способный создавать или воспроизводить другие механические цеха того же характера, что и он сам; каждый из них должен быть способен производить конкретные машины для изготовления конкретных вещей. Проще говоря, они должны обладать общими и фундаментальными машинами, чтобы производить конкретные машины. Машинный цех, состоящий из токарных станков разных видов и размеров, строгальных и сверлильных станков, мог бы производить машины для изготовления оружия, двигателей, сельскохозяйственных орудий, часов и т. д. Я сказал им, что в такой большой стране, как Китай, им понадобится много первичных или фундаментальных механических мастерских, но, получив одну (причем первоклассную), они смогут сделать ее основной для воспроизведения других - возможно, более совершенных и улучшенных. Если у них будет несколько таких мастерских, это позволит им сотрудничать друг с другом в случае необходимости. Я сказал, что дешевле будет воспроизводить и размножать их в Китае, где труд и материалы дешевле, чем в Европе и Америке. Таково было мое грубое представление об этом предмете. После того как я закончил, они, очевидно, были очень довольны и заинтересованы и выразили надежду, что я изложу те же взгляды вице-королю, если он спросит меня об этом предмете.

Через несколько дней после ужина и беседы вице-король послал за мной. Во время беседы он спросил меня, что, по моему мнению, лучше всего сделать для Китая в это время. Вопрос прозвучал с такой силой, что если бы меня не предупредили мои друзья за несколько вечеров до этого, или если бы их сердца не были настроены на введение машинного цеха, и они не практически склонили вице-короля к своей любимой затее, я мог бы испытать сильное искушение приступить к своей образовательной программе в качестве ответа на вопрос о том, что лучше всего сделать для Китая. Но в этом случае, будучи чужим для вице-короля, попав к нему в руки только благодаря влиянию моих друзей, я подверг бы себя большому риску поставить под угрозу свою любимую схему образования, чем если бы я действовал самостоятельно. Мои обязательства перед ними были велики, и поэтому я решил, что мое постоянство и верность их дружбе должны быть соответственно велики. Так что вместо того, чтобы затрудняться с ответом на такой большой и важный вопрос, у меня был заранее продуманный ответ, который, казалось, вписывался в его взгляды, уже выкристаллизовавшиеся в определенную форму, и был готов к немедленному исполнению. Таким образом, моя образовательная программа отошла на задний план, а на первый вышла машинная мастерская. Я повторил по существу то, что говорил своим друзьям ранее, относительно создания материнской механической мастерской, способной воспроизводить другие подобные мастерские и т. д. Я особенно упомянул о производстве винтовок, которые, как я сказал, требуют для изготовления своих составных частей отдельных машин, но что машинный цех, который я бы рекомендовал, не приспособлен для изготовления винтовок, а приспособлен для производства специальных машин для изготовления винтовок, пушек, патронов или чего-либо еще.

"Что ж, - сказал он, - эта тема выходит за рамки моих знаний. Будет хорошо, если вы обсудите этот вопрос с Ва и Чу, которые разбираются в нем лучше меня, и тогда мы решим, как лучше поступить".

На этом моя беседа с вице-королем закончилась. Выйдя от него, я встретил своих друзей, которым не терпелось узнать результат беседы. Я рассказал им о результате. Они были очень рады этому. В ходе нашей последней беседы было решено, что вопрос о характере машинного цеха будет решаться исключительно по моему усмотрению и после консультации с профессиональным инженером-механиком. По истечении еще двух недель Ва был уполномочен сообщить мне, что вице-король, повидавшись со всеми четырьмя людьми,

решил уполномочить меня отправиться за границу и закупить такие станки, которые, по мнению профессионального инженера, были бы лучшими и правильными для Китая. Кроме того, мне было предоставлено право самому решать, где будут закупаться машины - в Англии, Франции или Соединенных Штатах Америки.

Машинный цех должен был располагаться в местечке под названием Коу Чанг Меу, примерно в четырех милях к северо-западу от Шанхая. Машинная мастерская в Коу Чанг Меу впоследствии стала известна как Арсенал Кианг Нан - предприятие, занимающее несколько акров земли и охватывающее под своей крышей все ведущие отрасли механической промышленности. С тех пор как я привез первые станки из Фитчбурга, штат Массачусетс, в него были вложены миллионы, чтобы сделать его одним из величайших арсеналов к востоку от мыса Доброй Надежды. Его можно по праву считать долговечным памятником в память о широте взглядов и дальновидности Цан Квох Фана, установившего западную технику в Китае.

ГЛАВА XIV

МОЯ ПОЕЗДКА В АМЕРИКУ ДЛЯ ПОКУПКИ МАШИН

Через неделю после последней беседы с вице-королем и после того, как мне сообщили, что исполнение приказа возлагается на меня, была оформлена и выдана моя комиссия. В дополнение к комиссии мне был присвоен пятый официальный чин. Это был номинальный гражданский чин с привилегией носить голубое перо, что было принято только в военное время и распространялось только на тех, кто был связан с военной службой, но было отменено на гражданской службе, где павлинье перо присваивается только с императорской санкции. Также были составлены две официальные депеши, в которых мне указывалось, где получить 68 000 таллов - всю сумму, предназначенную для оплаты труда. 68 000, всю сумму на покупку машин. Половина суммы должна была быть выплачена шанхайским таотаем, а другая половина - кантонским казначеем. После завершения всех предварительных приготовлений я попрощался с вице-королем и моими шанхайскими друзьями и отправился в путь.

По прибытии в Шанхай в октябре 1863 года мне посчастливилось познакомиться с мистером Джоном Хаскинсом, американским инженером-механиком, который приехал в Китай с оборудованием для компании "Мессир Рассел и Ко". Он закончил свою деятельность в этой фирме и собирался вскоре вернуться в Штаты со своей семьей - женой и маленькой дочерью. Он был именно тем человеком, который мне нужен. Знакомство не заняло много времени, и, поскольку времени было мало, мы вскоре пришли к взаимопониманию. Мы отправились из Гонконга в Лондон по сухопутному маршруту через Суэцкий перешеек. Хаскинс с семьей отправился на французском пароходе *Messagerie Imperial*, а я - на борту одного из пароходов *Peninsular & Oriental*. По пути в Лондон я заехал в Сингапур, пересек Индийский океан и высадился на Цейлоне, где пересел на пароход, идущий в Бенгалию по Красному морю, и высадился в Каире, где мне пришлось пересечь перешеек по железной дороге. Суэцкий канал не был закончен, работы по его прокладке еще продолжались. Прибыв в Александрию, я взял билет до Марселя, южного порта Франции, в то время как Хаскинс с семьей сел на пароход, идущий прямо в Саутгемптон. Из Марселя я отправился в Париж по железной дороге. Я пробыл там около десяти дней, достаточно долго, чтобы получить общее представление о городе, его общественных зданиях, церквях, садах и парижском веселье. Я пересек Английский канал из Кале в Дувр и по железной дороге добрался до Лондона - впервые в жизни я коснулся английской земли и впервые посетил

знаменитый мегаполис. В Лондоне я посетил машинную мастерскую Уитворта и имел удовольствие возобновить знакомство с Томасом Кристи, которого я знал в Китае в 50-х годах. Я пробыл в Англии около месяца, а затем пересек Атлантику на одном из пароходов компании Cunard и высадился в Нью-Йорке ранней весной 1864 года, всего через десять лет после окончания Йельского университета, и у меня было достаточно времени, чтобы присутствовать на десятилетней встрече моего класса в июле. Хаскинс со своей семьей отправился в Нью-Йорк на другом пароходе, чтобы как можно скорее приступить к работе над чертежами и спецификациями магазина и оборудования. В 1864 году, последнем году великой Гражданской войны, почти все машинные мастерские в стране, особенно в Новой Англии, были заняты выполнением правительственных заказов, и было очень трудно добиться того, чтобы мои станки были приняты. В конце концов Хаскинсу удалось уговорить компанию Putnam Machine Co. из Фитчбурга, штат Массачусетс, выполнить заказ.

Пока Хаскинс руководил выполнением заказа, на который требовалось не менее шести месяцев, прежде чем машины будут готовы к отправке в Китай, я воспользовался перерывом, чтобы съездить в Нью-Хейвен и посетить десятилетнюю встречу своего класса. Для меня это было радостным событием, и я поздравил себя с тем, что мне посчастливилось присутствовать на нашей первой встрече выпускников. Конечно, событие, которое привело меня обратно в страну, было совершенно незамысловатым и в то время практически не привлекло внимания общественности, поскольку вся страна была полностью поглощена последним годом великой Гражданской войны, но лично я рассматривал свою комиссию как неизбежный и предварительный шаг, который в конечном итоге должен был привести к реализации моего образовательного плана, который ни на минуту не выходил у меня из головы. Но на собрании моего класса эта тема моего жизненного плана не поднималась. Мы очень приятно провели время и расстались почти с тем же братским чувством, что и при расставании на выпускном. После десятилетнего собрания я вернулся в Фитчбург и сказал Хаскинсу, что еду в Вашингтон, чтобы предложить свои услуги правительству в качестве добровольца на короткий срок - шесть месяцев, и что случае, если со мной что-нибудь случится в течение этих шести месяцев, и я не смогу вернуться, чтобы заняться отправкой машин в Шанхай, он должен позаботиться об этом. Я оставил ему все документы - стоимость и описание машин, коносаменты, страховку и фрахт - и поручил отправить все агенту вице-короля в Шанхае. Приняв эти меры предосторожности, я отправился в Вашингтон.

Бригадный генерал Барнс из Спрингфилда, штат Массачусетс, оказался генералом, отвечающим за Департамент добровольцев. Его штаб-квартира находилась в отеле "Уиллард". Я обратился к нему и рассказал о своей цели: как натурализованный гражданин Соединенных Штатов, я считаю своим долгом предложить свои услуги в качестве добровольного курьера для перевозки депеш между Вашингтоном и ближайшим федеральным лагерем в течение как минимум шести месяцев, просто чтобы показать свою преданность и патриотизм по отношению к принятой мною стране, и что я сам обеспечу себя всем необходимым. Он сказал, что хорошо меня помнит, поскольку встречал меня в Йельской библиотеке в Нью-Хейвене в 1853 году, когда навещал своего сына, Уильяма Барнса, который учился в колледже в то время, когда учился я, и впоследствии стал видным адвокатом в Сан-Франциско. Генерал Барнс спросил, каким бизнесом я занимаюсь. Я рассказал ему, что после окончания колледжа в 1854 году я был в Китае и недавно вернулся с заказом на покупку станков для машинной мастерской, заказанной вице-королем и генералиссимусом Цан Квох Фаном. Я сказал ему, что станки изготавливаются на заказ в Фитчбурге, штат Массачусетс, под руководством американского инженера-механика, и поскольку до завершения работ пройдет не менее шести месяцев, я хотел бы предложить

свои услуги правительству в качестве доказательства моей преданности и патриотизма по отношению к моей стране. Он был весьма заинтересован и доволен моими словами.

"Что ж, мой юный друг, - сказал он, - я очень благодарен вам за ваше предложение, но поскольку вам поручено ответственное дело, которое вы должны выполнить для китайского правительства, вам лучше вернуться в Фитчбург, чтобы заняться им. У нас достаточно людей, которые могут служить как в качестве курьеров, так и в качестве бойцов, которые отправятся на фронт". Против этого императивного решения я не мог ничего возразить, но чувствовал, что, по крайней мере, выполнил свой долг перед принятой страной.

ГЛАВА XV

МОЕ ВТОРОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ В КИТАЙ

Машину закончили только ранней весной 1865 года. Он был отправлен прямо из Нью-Йорка в Шанхай, Китай; пока он огибал мыс Доброй Надежды по пути на Восток, я отправился в другом направлении, обратно в Китай. Я хотел хоть раз в жизни обогнуть земной шар, и это была моя возможность. После этого я мог бы сказать, что обогнул земной шар. Поэтому я планировал вернуться через Сан-Франциско. Для этого мне пришлось принять во внимание тот факт, что железная дорога "Юнион Пасифик" из Чикаго в Сан-Франциско через Омаху не была достроена, и в то время ни одно пароходство, субсидируемое правительством США, не могло пересечь Тихий океан от Сан-Франциско до любого морского порта в Японии или Китае. В связи с этим я был вынужден воспользоваться извилистым маршрутом, отправившись на каботажном пароходе из Нью-Йорка в Панаму, пересечь перешеек, а оттуда на другом пароходе по мексиканскому побережью добраться до Сан-Франциско, штат Калифорния.

В Сан-Франциско я задержался на две недели, чтобы дождаться судна, которое переправило бы меня через широкий Тихий океан в Иокогаму или Шанхай. Так как в то время не было ни одного другого судна, объявленного к отплытию на Восток, я был вынужден взять билет на борт "Иды де Роджерс", нантакетского барка. Там было шесть пассажиров, включая меня. За проезд от Сан-Франциско до Иокогамы нам пришлось заплатить по 500 долларов каждому. Экипаж состоял из капитана, с которым была его жена и маленький мальчик шести лет, помощника, трех матросов и повара, китайца. Судно "Ида де Роджерс" принадлежало капитану Нортону, уроженцу Нантакета. Длина судна составляла около ста пятидесяти футов, причем это была старая труба. На судне не было груза и почти не было балласта, кроме трюмной воды, которую, насколько я знаю, могли привозить из Нантакета. Шкипер, как и положено в стране, где выращивают моряков с микроскопическими способностями, оказался не обделен вниманием и тщательно просчитал, как тщательно бриться при любой сделке, да и вообще во всем в жизни. В данном случае у нас было достаточно возможностей выяснить, под чьим началом мы плывем. Не успели мы отойти от "Золотых ворот", как нас каждый день угощали соленой скумбрией, которая, как я понял, была повседневным и модным блюдом Нантакета. Повар, который у нас был, усугублял ситуацию, так как, похоже, не знал своего дела и, несомненно, был взят в Сан-Франциско только для того, чтобы заполнить вакансию. Скумбрия готовилась и подавалась на стол не освеженной, а индийские лепешки, которые подавались вместе с ней, были лишь наполовину пропеченными, так что день за днем мы практически все покидали стол с отвращением и полуголодные. Мало того, что еда была плохой и нездоровой, так еще и семья шкипера была очень низкого уровня. Сам шкипер был самым сквернословящим человеком, и хотя я никогда не слышал, чтобы жена материлась, но, похоже, ей нравились клятвы мужа. Их

маленький мальчик, которому было не больше шести лет, казалось, превзошел отца в сквернословии. Можно сказать, что юный негодяй полностью усвоил свой более короткий и более длинный катехизис сквернословия, поскольку не испытывал недостатка в выражениях самого отвратительного и отталкивающего рода, как его научил сир, а его родители сидели и слушали его с явным удовлетворением, поглядывая на пассажиров, чтобы уловить их одобрение. Один из пассажиров, англичанин, который стоял неподалеку и курил свою трубку, лишь иронично заметил: "У вас умный мальчик". На это шкипер кивнул, а мать, казалось, злорадствовала над своим юным подающим надежды мальчиком. Подобные сцены происходили ежедневно, и мы не могли их избежать, поскольку из-за малости судна мы были заключены в таких тесных каютах. Здесь не было даже пятифунтовой палубы, где можно было бы вытянуть ноги. Большую часть времени мы проводили в столовой, так как это было самое прохладное место, которое мы могли найти. Не успело наше плавание закончиться и на половину, как мы высадились на одном из самых северных островов Гавайской группы за пресной водой и провизией. Пока судно снабжалось провизией, все пассажиры высадились и отправились на природу, чтобы прогуляться, что было большим облегчением. Нас не было почти весь день. Вечером мы снова сошли на берег. Оказалось, что капитан заполнил носовой трюм цыплятами и молодыми индюшками. Мы поздравляли себя с тем, что шкипер все-таки одумался и проявил щедрость, которой нужна была только возможность проявиться, и что до конца плавания он, несомненно, будет кормить нас свежими цыплятами и индейками, чтобы компенсировать соленую макрель, от которой мы могли бы заболеть цингой, если бы продолжали сидеть на той же диете. В первый день после возобновления плавания мы завтракали и ужинали курицей и рыбой, но это было последнее, что мы видели из свежей провизии. Мы не видели на столе индейки. На наш вопрос повар ответил, что и куры, и индейки были куплены не для нашего стола, а для спекуляции, чтобы продать их по прибытии в Йокогаму. К несчастью для шкипера, куры и индейки, лишенные нормальной пищи и свежего воздуха, умерли за несколько дней до нашего прибытия в порт.

Сразу же по прибытии в Йокогаму я сел на пароход P. & O. и отправился в Шанхай.

Прибыв туда, я обнаружил, что все оборудование было доставлено месяц назад; оно было в хорошем состоянии и в идеальном рабочем состоянии. Я отсутствовал в Китае чуть больше года. За это время вице-король Цан Квох Фан при содействии своего брата Цан Квох Чуена сумел захватить Нанкин, что положило конец великому восстанию тайпинов 1850 года.

По прибытии в Шанхай я обнаружил, что вице-король отправился в Чу-Чоу, самый северный департамент провинции Киангсу, расположенный на берегу канала, недалеко от границы Шан-Тунга. Он сделал его своей штаб-квартирой, чтобы руководить усмирением повстанцев ниенфи или аньвуй, против которых Ли Хунг Чанг был назначен его лейтенантом в поле. Мне было предложено отправиться в Чу Чоу, чтобы лично доложить о покупке машин.

В путешествии в Чу-Чоу меня сопровождал мой старый друг Ва Юх Тинг. Мы прошли по Большому каналу от Сину-Мью на Янцзы до Янг-Чоу, крупного предприятия правительственной соляной монополии. Там мы пересели на повозки с мулами и отправились в Чу-Чоу. Мы были в трех днях пути. Чу-Чоу - ведомственный город, и здесь, как уже говорилось, вице-король Цанг устроил свою резиденцию. Я пробыл там три дня. Вице-король очень похвалил меня за то, что я сделал. Он сделал мое позднейшее поручение Штатам о покупке машин предметом особого мемориала для правительства. Такой специальный мемориал по любому политическому событию неизменно придает ему политическую значимость и вес, а для того, чтобы сразу поднять меня с ничего не значащей должности до территориального гражданского назначения добросовестного пятого ранга, это был шаг, о котором редко просили или на который редко соглашались. Он представил

мой случай как исключительный, и в своем меморандуме он использовал следующие формулировки:

"Юнг Винг - китаец с иностранным образованием. Он овладел английским языком. В своем путешествии через тысячи миль океана на крайние концы земли, чтобы выполнить поручение, которое я возложил на него, он совершенно не обращал внимания на трудности и опасности, подстерегавшие его на пути. В этом отношении даже миссии древних не имеют равных ему. Поэтому я рекомендую повысить его в должности до одного из субпрефектов Киангсу, и в знак признания его ценных заслуг он имеет право занять первую открывшуюся вакансию".

Его секретарь, составивший мемориал под его диктовку, вручил мне копию мемориала перед моим отъездом из Чу-Чоу в Шанхай и поздравил меня с высокой честью, оказанной мне вице-королем. Я поблагодарил вице-короля перед тем, как попрощаться с ним, и выразил надежду, что мои действия в будущем оправдают его высокое мнение обо мне.

Менее чем через два месяца после его ухода официальный документ от вице-короля достиг меня в Шанхае, и в октябре 1865 года я стал полноправным мандарином пятого ранга. Пока я ждал, как будущий субпрефект, меня взяли в провинциальные власти в качестве правительственного устного и письменного переводчика. Моя зарплата составляла 250 долларов в месяц. Ни один другой ожидающий чиновник провинции - даже ожидающий таотай (чиновник четвертого ранга) - не мог получить такую зарплату.

Тинг И Чанг в то время был таотаем Шанхая. Мы с ним стали большими друзьями. Он быстро поднялся по служебной лестнице и стал последовательно соляным комиссаром, провинциальным казначеем и таотаем, или губернатором Кианг-Нана. Через него я также поднялся в чиновничьем звании и был награжден павлиньим пером. Когда Тинг И Чанг был комиссаром по соли, я сопровождал его в Ян Чоу и около шести месяцев занимался переводом географии Колтона на китайский язык. Затем я вернулся в Шанхай, чтобы снова занять должность правительственного переводчика и переводчицы. У меня было много свободного времени. Я взялся за перевод книги "Парсонс о контрактах", которая, как мне казалось, может быть полезна китайцам. В этой работе мне посчастливилось заручиться помощью китайского ученого. Я обнаружил, что он хорошо разбирается в математике и во всех китайских официальных делах, а также является прекрасным китайским ученым и писателем. В конце концов он убедил меня не продолжать перевод, так как были сомнения, будет ли такая работа, даже если она будет закончена, пользоваться спросом, потому что китайские суды редко занимаются тяжбами по контрактам, и во всех случаях нарушения контрактов используется китайский кодекс.

В 1867 году вице-король Цан Кво Фан при содействии Ли Хунг Чанга сумел покончить с восстанием Ниенфи и прибыл в Нанкин для вступления в должность вице-короля двух Кьянгов.

Прежде чем занять пост вице-короля Киангов, он совершил инспекционную поездку по своей юрисдикции, и одним из важных мест, которые он посетил, был Шанхай и арсенал Кианг Нан - учреждение, созданное им самим. Он осматривал арсенал с нескрываемым интересом. Я указал ему на механизм, который купил для него в Америке. Он стоял и с неослабевающим восторгом наблюдал за их автоматическим движением, ведь он впервые видел механизм и то, как он работает. Именно во время этого визита мне удалось убедить его в необходимости пристроить к арсеналу механическую школу, в которой китайскую молодежь могли бы обучать теории и практике машиностроения, что позволило бы Китаю со временем отказаться от услуг иностранных инженеров-механиков и машинистов и стать

совершенно независимым. Эта идея сразу же на практическую сторону китайского ума, и школа была окончательно добавлена к арсеналу. В настоящее время они, несомненно, выпускают инженеров-механиков и машинистов всех профилей.

ГЛАВА XVI

ПРЕДЛОЖЕНИЕ МОЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СХЕМЫ

Одержав небольшую победу в области образования, побудив вице-короля учредить механическую школу в качестве дополнения к арсеналу, я почувствовал себя воодушевленным и воодушевленным в отношении своей образовательной схемы, которая дремала в моем сознании последние пятнадцать лет, ожидая возможности воплотиться в жизнь.

Помимо вице-короля Цанг Квох Фана, на поддержку которого я рассчитывал в реализации плана, важным фактором, с которым приходилось считаться в китайской политике, стал Тинг И Чанг, мой старый друг. Он был человеком прогрессивных наклонностей и живо реагировал на все практические меры по реформированию. Он был назначен губернатором провинции Киангсу, и после его вступления в новую должность я имел с ним много бесед по поводу моей образовательной программы, в которой он был очень заинтересован. Он сказал мне, что находится в переписке с Вэнь Сеаном, премьер-министром Китая, который был маньчжуром, и что если я изложу свою схему в письменном виде, то он перешлет ее в Пекин и попросит Вэнь Сеана использовать свое влияние, чтобы уведомить правительство о ее принятии. Такая неожиданная информация прозвучала как удар грома и подняла меня на ноги. Я немедленно выехал из Сучау в Шанхай. С помощью моего нанкинского друга, который помогал мне в работе над переводом "Парсонса о контрактах", я составил четыре предложения для представления губернатору Тингу, чтобы тот передал их министру Вэнь Шэну в Пекине. Они заключались в следующем:

ПЕРВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Первое предложение предусматривало организацию пароходной компании на акционерной основе. Ни один иностранец не должен был стать акционером компании. Это должна была быть чисто китайская компания, управляемая и работающая исключительно китайцами.

Чтобы гарантировать стабильность и успех, правительство должно было ежегодно выделять определенный процент рисовой дани, доставляемой в Пекин из Шанхая и Чинкиана, и других мест, где рис выплачивается правительству вместо налогов в деньгах. До сих пор рис доставлялся в Пекин на плоскодонных лодках по Большому каналу. Тысячи таких лодок были построены специально для перевозки риса, что обеспечивало большое количество населения на всем протяжении Большого канала.

Из-за больших неудобств, связанных с этим способом транспортировки, таких как длительный срок доставки риса в Пекин, большой процент потерь от краж и брожения, делавшего рис непригодным для еды, часть риса для дани перевозили морем на джонках Нинпо до Тяньсина, а оттуда перегружали на плоскодонные лодки в Пекин. Но даже система джонок Нинпо была сопряжена с большими потерями времени и значительным ущербом, почти таким же, как при использовании плоскодонных лодок. Мое предложение заключалось в том, чтобы использовать пар для выполнения этой работы, вытеснив как

плоскодонные лодки, так и систему джонки Нинпо, чтобы миллионы людей, зависящих от риса в качестве средства к существованию, могли получить хороший и качественный рис. Это одна из величайших выгод и благословений, которые China Merchant Steamship Co. предоставила Китаю.

ВТОРОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Второе предложение заключалось в том, чтобы правительство отправляло отобранных китайских юношей за границу для получения основательного образования для государственной службы. В качестве эксперимента предполагалось обучить сто двадцать студентов. Эти сто двадцать студентов должны были быть разделены на четыре части по тридцать человек в каждой, по одной части отправлялось каждый год. На завершение образования им отводилось пятнадцать лет. Их средний возраст должен был составлять от двенадцати до четырнадцати лет. Если первая и вторая партии окажутся успешными, то программу можно будет продолжать до бесконечности. Для поддержания знаний китайского языка во время пребывания в Соединенных Штатах должны были быть предоставлены китайские учителя. Над всем предприятием должны были быть назначены два комиссара, а правительство должно было выделять определенный процент от шанхайской таможни на содержание миссии.

ТРЕТЬЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Третье предложение должно было побудить правительство открыть минеральные ресурсы страны и таким образом косвенно привести к необходимости введения железных дорог для транспортировки минеральных продуктов из внутренних районов в порты.

Я не ожидал, что это предложение будет принято и реализовано, поскольку в Китае в то время не было горных инженеров, на которых можно было бы положиться при разработке рудников, и люди не были свободны от суеверия Фунг Шуй. [A] Я не верил в успех этого предложения, но просто изложил его в письменном виде, чтобы показать, насколько амбициозно я хотел, чтобы правительство осознало возможности разработки своих огромных ресурсов.

[A] Доктрина, которой придерживаются китайцы в отношении духов или джинов, управляющих ветрами и водами, особенно бегущими потоками и подземными водами. Эта доктрина универсальна и неискоренима среди китайцев, и в значительной степени обуславливает их враждебность к железным дорогам и телеграфам, поскольку они верят, что такие структуры злят духов воздуха и воды и, следовательно, вызывают наводнения и тайфуны. -Стандартный словарь.

ЧЕТВЁРТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Посягательства иностранных держав на независимый суверенитет Китая всегда вызывали у меня самый пристальный интерес. Никто из тех, кто хоть немного знаком с римским католицизмом, не может не быть впечатлен необоснованными притязаниями и предположениями римской церкви в Китае. Она претендует на гражданскую юрисдикцию над своими прозелитами, забирает гражданские и уголовные дела из китайских судов. Чтобы положить конец таким коварным и хитрым действиям по завоеванию временной власти в Китае, я выдвинул следующее предложение: запретить миссионерам любой религиозной секты или конфессии осуществлять какую-либо юрисдикцию над своими новообращенными, как в гражданских, так и в уголовных делах". Эти четыре предложения были тщательно проработаны и представлены губернатору Тингу для передачи в Пекин.

Из четырех предложений первое, третье и четвертое были выдвинуты для сопровождения второго, в которое было вложено все мое сердце и которое я хотел принять прежде всего; но, чтобы не отводить ему слишком видного места, по предложению моего китайского учителя, ему было отведено второе место в порядке расположения. Губернатор Тин признал это и, соответственно, написал премьер-министру Вэнь Сеану и переслал предложения в Пекин. Два месяца спустя в письме из Сухау, своего штаба, Тинг сообщил мне, что из Пекина пришло известие о смерти матери Вэнь Сэна, и он, согласно китайским законам и обычаям, обязан оставить пост и впасть в траур на двадцать семь месяцев, что равно трем годам, и полностью воздержаться от государственных дел любого рода. Это известие накинulo холодное одеяло на мои образовательные планы. Не успело случиться одно несчастье, как на его место пришло другое, еще более страшное, чем первое, - самого Вэнь Шэна через три месяца после этого настигла смерть во время его отставки. Это сообщение появилось в пекинской "Газете", которую я видел, а также был официально проинформирован о нем губернатором Тингом. Никто из тех, у кого есть любимое дело, которое нужно продвигать, или увлечение, которым нужно заниматься, не мог чувствовать себя более удрученным, чем я, когда чаша радости, которую он держал так близко к губам, была вырвана из его рук. Я не был полностью удручен такими обстоятельствами, но имел твердую веру в то, что моя образовательная программа в конце концов сработает. С 1868 по 1870 год прошло не менее трех лет в напряжении и ожидании. Я постоянно обращался к губернатору Тингу, призывая его постоянно держать этот вопрос на контроле у вице-короля Цана. Но, как и судьба всех реформ, она должна была отстоять свое время и возможность.

Время и возможность для реализации моего образовательного плана наконец-то наступили. Вопреки всем человеческим ожиданиям, эта возможность появилась в виде бойни в Тяньсине. Самсон, убивая льва Тимната, не больше ожидал извлечь мед из его туши, чем я ожидал извлечь из убийства французских монахинь и сестер милосердия образовательную схему, которой было суждено сделать из старого Китая новый Китай и создать восточную цивилизацию на окцидентальной основе.

Резня в Тенцине произошла в начале 1870 года. Она возникла из-за грубого невежества и суеверия населения Тяньсиня в отношении деятельности монахинь и сестер милосердия, частью религиозного долга которых было спасение подкидышей и брошенных сирот, которых собирали в больницы, ухаживали за ними и давали им образование за счет услуг римско-католической церкви. Эта благотворная деятельность была неправильно понята и истолкована невежественными массами, которые действительно поверили в слухи и рассказы о том, что собранных таким образом младенцев и детей забирали в больницы и церкви, чтобы выколоть им глаза в медицинских и религиозных целях. Подобные дьявольские сообщения вскоре распространились как лесной пожар, пока народное волнение не достигло наивысшей точки безумия, и разъяренная толпа, не взирая на смерть и не боясь закона, с головой окунулась в резню в Тяньсине. В ходе этой бойни была сожжена и разрушена протестантская церковь, а также римско-католическая церковь и больница; несколько монахинь или сестер милосердия были убиты.

Во время этого происшествия Чанг Хоу был вице-королем столичной провинции. Ранее он был послом в России, но в этом злополучном деле, согласно китайским законам, он был привлечен к ответственности, лишен должности и изгнан. В конце концов, инцидент был улажен и заглажен выплатой компенсации родственникам и друзьям жертв резни, восстановлением римско-католической и протестантской церквей, еще одной католической больницы, а также официальным извинением правительства за случившееся. Если бы

французскому правительству не мешала надвигающаяся германская война, которая угрожала ей в то время, Франция, несомненно, сделала бы резню в Тяньцине *casus belli*, и еще один кусочек Китайской империи был бы присоединен к французским владениям в Азии. Как бы то ни было, Тонкин, данник Китая, был впоследствии бесцеремонно отторгнут от него.

Для урегулирования массовых убийств были назначены следующие императорские комиссары: Вице-король Цан Квох Фан, Моу Чунг Хси, Лю * * * и Тинг И Чанг, губернатор Кианг Су. Ли Хунг Чанг все еще находился в полевых условиях, заканчивая восстание в Ньенфи, иначе он тоже был бы назначен для участия в процессе урегулирования. Мой друг, Тинг И Чанг, телеграфировал мне, чтобы я присутствовал в качестве переводчика, но телеграмма не дошла до меня вовремя, чтобы я мог сопровождать его в Тяньсин; однако я добрался до Тяньсина вовремя, чтобы быть свидетелем последних процедур. Верховные комиссары после заключения соглашения с французами по тем или иным причинам не распустились, а оставались в Тяньцине еще несколько дней. Очевидно, им нужно было рассмотреть другие государственные дела, связанные с унижением и изгнанием Чанг Хоу.

ГЛАВА XVII

КИТАЙСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИССИЯ

Пользуясь их присутствием, я воспользовался случаем, чтобы обратить внимание Тинг И Чанга на свою образовательную программу, и настоятельно попросил его представить эту тему Совету уполномоченных, президентом которого был Цан Квох Фан. Я знал, что Тинг симпатизирует мне в этом плане, а также знал, что Цанг Квох Фан был хорошо информирован о нем три года назад через губернатора Тинга. Губернатор Тинг взялся за дело со всей серьезностью и провел множество частных бесед с Цан Квох Фаном, а также с другими членами комиссии. Однажды вечером, вернувшись в свою штаб-квартиру очень поздно, он зашел ко мне в комнату, разбудил меня и сообщил, что вице-король Цанг и другие члены Комиссии единогласно решили подписать свои имена в меморандуме правительству о принятии моих четырех предложений. Это известие было слишком сильным, чтобы я мог уснуть в ту ночь; лежа на кровати, бодрствуя, как сова, я чувствовал себя так, словно ступал по облакам и ходил по воздуху. Через два дня после этой волнующей новости мемориал был подписан совместно с вице-королем Цан Квох Фаном, возглавившим список, и отправился в Пекин на конном экспрессе. Тем временем, перед тем как Совет уполномоченных был распущен, а вице-король Цан отбыл в Нанкин, было решено, что Чин Лан Пин, член Ханьлинского колледжа, прослуживший двадцать лет в качестве клерка в Совете по наказанию, должен быть рекомендован Тингом для сотрудничества со мной в качестве руководителя Китайской образовательной комиссии. Основанием для рекомендации Чин Лан Пина в качестве сокомиссионера было то, что он был ханьлином и китайцем, получившим регулярное образование, и это предприятие не встретило бы такого сопротивления, которое могло бы возникнуть, если бы я попытался осуществить его в одиночку, поскольку эта схема по своему принципу и значению противоречила китайской теории национального образования, и не потребовалось бы много усилий, чтобы вызвать реакцию, которая привела бы к поражению этого плана в силу сильного консерватизма правительства. Мудрость и проницательная политика такого шага сразу же понравились мне, и я принял предложение с радостью и готовностью. Так Чин Лан Пин получил письмо и приехал в Тяньсин. На следующий день, после прощального ужина, который был дан Совету комиссаров перед его распуском, губернатор Тинг представил мне Чин Лан Пина, которого я никогда раньше не встречал и который должен был стать моим помощником в

образовательной программе. Он, очевидно, был рад покинуть Пекин, где двадцать лет просидел клерком в Совете по наказанию. Он никогда в жизни не занимал государственных должностей и не отличался практическим опытом в мире бизнеса и суровых фактов. По своим привычкам он был очень замкнутым, но очень ученым. По характеру он был добрым и приятным, но очень робким и боялся обязанностей даже весом с перо.

Зимой 1870 года Цан Квох Фан, уладив тяньсинское противостояние, вернулся в Нанкин, где находилась его штаб-квартира в качестве вице-короля двух Кьянгов. Там он получил императорский рескрипт, санкционирующий его совместный мемориал по четырем предложениям, представленным через Тинг И Чанга для принятия правительством. Он уведомил меня об этом. Это была славная новость, и китайский образовательный проект стал настоящим историческим фактом, ознаменовавшим новую эру в летописи Китая. Цан пригласил меня приехать в Нанкин, и во время этого визита были решены самые важные вопросы, связанные с миссией, а именно: создание подготовительной школы; количество студентов, которые будут отобраны для отправки за границу; откуда будут братья деньги на содержание студентов во время их пребывания там; количество лет, на которые им будет позволено остаться там для получения образования.

Комиссия по образованию должна была состоять из двух членов - Чин Лан Пина и меня. В обязанности Чин Лан Пина входило следить за тем, чтобы студенты продолжали изучать китайский язык, находясь в Америке; в мои обязанности входило следить за их иностранным образованием и находить для них подходящие дома. Чин Лан Пин и я должны были совместно заботиться об их расходах. Для продолжения обучения китайскому языку были предоставлены два учителя-китайца, а для Комиссии - переводчик. Йе Шу Тунг и Юн Юн Фу были китайскими учителями, а Цан Лай Сун - переводчиком. Таков был состав Комиссии по китайскому образованию.

Что касается характера и отбора учеников: общее число отправляемых за границу для обучения составляло сто двадцать человек; они должны были быть разделены на четыре части по тридцать человек в каждой, одна часть должна была отправляться каждый год в течение четырех последующих лет примерно в одно и то же время. Отбираемые кандидаты должны были быть не моложе двенадцати и не старше пятнадцати лет. Они должны были показать, что являются уважаемыми родителями или ответственными и добропорядочными опекунами. Они должны были пройти медицинский осмотр, сдать экзамен по китайскому языку - чтение и письмо на китайском языке, а также сдать экзамен по английскому языку, если кандидат учился в английской школе. Все успешные кандидаты должны были ежедневно посещать подготовительную школу, где им предоставлялись учителя, чтобы продолжить изучение китайского языка и начать изучение английского или продолжить его изучение, по крайней мере, в течение года до отъезда в Соединенные Штаты.

Родители и опекуны должны были подписать бумагу, в которой говорилось, что они без всяких претензий готовы отпустить своих сыновей или протеже на обучение за границу на пятнадцать лет, с момента начала обучения в США и до его окончания, и что в течение этих пятнадцати лет правительство не несет ответственности за смерть или за любой несчастный случай, который может произойти с кем-либо из студентов.

Правительство гарантировало, что оплатит все их расходы во время обучения. Оно должно было обеспечить каждую партию китайским учителем, который должен был сопровождать ее в США, и выдать каждой партии студентов соответствующее обмундирование. Таковы были требования и организация студенческого корпуса.

Сразу же по возвращении в Шанхай из Нанкина после длительной беседы с вице-королем первым моим шагом было создание в Шанхае подготовительной школы, в которой могли бы обучаться не менее тридцати учеников, что было полным набором для первого взноса. Лю Кай Синг, который в течение нескольких лет работал при вице-короле в качестве его первого секретаря в Департаменте мемориалов, был назначен суперинтендантом подготовительной школы в Шанхае. В нем я нашел способного коадьютора, а также верного друга, который проявлял глубокий интерес к образовательной программе. Именно он подготовил все четыре партии студентов к приезду в эту страну.

Таким образом, летом 1871 года на воду была спущена китайская часть программы. Чтобы полностью заполнить первый набор студентов, мне пришлось отправиться в Гонконг и посетить английские государственные школы, чтобы отобрать из них несколько способных кандидатов, прошедших обучение как английскому, так и китайскому языкам. Поскольку жители северной части Китая не знали о том, что правительство разработало такую образовательную программу, а китайские газеты в то время еще не издавались, чтобы распространить эту информацию среди населения, поначалу у нас было мало заявок на поступление в подготовительную школу. Все заявления поступали от жителей Кантона, особенно из района Хэншань. Этим объясняется тот факт, что девять десятых из ста двадцати правительственных студентов были выходцами с юга.

Зимой 1871 года, через несколько месяцев после начала работы подготовительной школы, Китай понес невосполнимую утрату - умер вице-король Цан Квох Фан, который скончался в Нанкине в зрелом возрасте семидесяти одного года. Если бы его жизнь продлилась хотя бы на год дольше, он увидел бы, как первая часть из тридцати студентов отправилась в Соединенные Штаты, - первый плод его собственных трудов. Но основателям всех великих и добрых дел природа и порядок вещей не позволяют жить дольше отведенного им срока, чтобы стать свидетелями успешного развития их трудов в этом мире; но последствия человеческих действий и человеческих характеров, когда их смерть будет брошена, достигнут вечности. Для Цанг Квох Фана достаточно того, что он хорошо выполнил свою часть образовательной линии. Он сделал великое и славное дело для Китая и потомков, и те, кому посчастливилось воспользоваться плодами его труда, найдут немало причин благословить его как великого благодетеля Китая. Цан, как государственный деятель, как патриот и как человек, возвышался над своими современниками подобно тому, как Эверест возвышается над окружающими его высотами Гималайского хребта, вечно покоясь в невозмутимом спокойствии и увенчанный чистотой вечных снегов. Перед тем как он испустил последний вздох, мне сказали, что он хотел, чтобы его преемник и протеже Ли Хунг Чанг принял его мантию и продолжил работу Китайской образовательной комиссии.

Ли Хунг Чанг был совершенно не похож на своего выдающегося предшественника и покровителя. Он обладал возбудимым и нервным темпераментом, был капризен и импульсивен, восприимчив к лести и похвалам, или, как лаконично выражаются китайцы, любил носить высокие шляпы. Его внешние манеры были грубыми, но внутренне он был добросердечен. Как государственный деятель он значительно уступал Цангу; как патриот и политик, его характер не выдержал бы и минуты перед прожектором холодной и беспристрастной истории. Именно при нем начала свою работу Китайская образовательная комиссия.

Во второй половине лета 1872 года первая группа китайских студентов, в количестве тридцати человек, была готова отправиться в путешествие через Тихий океан в Соединенные Штаты. Чтобы по прибытии у них были дома, я должен был опередить их на месяц, оставив Чин Лан Пина, двух китайских учителей и их переводчика, которые прибудут по почте позже.

Добравшись до Нью-Йорка по железной дороге Балтимор и Огайо через Вашингтон, я доехал до Нью-Хейвена, направляясь в Спрингфилд, штат Массачусетс, где намеревался встретиться со студентами и другими членами комиссии, направлявшимися на Восток по железной дороге Бостон и Олбани. В Нью-Хейвене первым, к кому я обратился, чтобы сообщить о своей миссии, был профессор Джеймс Хэдли. Он был очень рад меня видеть, и ему было приятно узнать, что я вернулся с такой миссией в руках. После того как я изложил ему свои пожелания, он сразу же порекомендовал мне обратиться к мистеру Б. Г. Нортропу, что я и сделал. Мистер Нортроп в то время был комиссаром по образованию штата Коннектикут. Я рассказал ему о своих делах и попросил совета. Он настоятельно рекомендовал мне распределить и разместить студентов в семьях Новой Англии, по двое или по четверо в каждой семье, где о них можно было бы заботиться и в то же время обучать, пока они не смогут присоединиться к занятиям в школах с повышенным уровнем образования. Этому совету я последовал сразу же. Я отправился в Спрингфилд, штат Массачусетс, город, который я считал самым центральным пунктом, откуда можно распределять учеников по Новой Англии; по этой причине я выбрал Спрингфилд для своей штаб-квартиры. Это позволило мне быть совсем рядом с моими друзьями, доктором А. С. Макклином и его достойной женой, которые были моими неизменными друзьями с 1854 года.

Но по совету доктора Б. Г. Нортропа и других друзей я сделал свою постоянную штаб-квартиру в городе Хартфорд, штат Коннектикут, и почти два года наша штаб-квартира находилась на Самнер-стрит. Я не оставил Спрингфилд, но сделал его центром распределения и размещения студентов до тех пор, пока они продолжали приезжать, что продолжалось в течение трех лет подряд, закончившихся в 1875 году.

В 1874 году Ли Хунг Чанг, по рекомендации комиссии, уполномочил меня построить красивое, основательное здание на Коллинз-стрит в качестве постоянной штаб-квартиры Китайской образовательной комиссии в Соединенных Штатах. В январе 1875 года мы переехали в новую штаб-квартиру, которая представляла собой большой двойной трехэтажный дом, достаточно просторный для одновременного размещения членов комиссии, учителей и семидесяти пяти студентов. В нем были оборудованы школьный класс, где преподавался исключительно китайский язык, столовая, двойная кухня, общежития и ваннные комнаты. Мотив, побудивший меня построить постоянную штаб-квартиру, заключался в том, чтобы образовательная миссия как можно глубже укоренилась в Соединенных Штатах, чтобы не дать китайскому правительству ни малейшего шанса на регресс в этом движении. Таково было мое предложение, но Бог распорядился иначе, что наглядно доказали последующие события.

ГЛАВА XVIII

РАССЛЕДОВАНИЕ ТОРГОВЛИ КУЛИ В ПЕРУ

Весной 1873 года я вернулся в Китай с летучим визитом с единственной целью - представить пистолет Гатлинга, сравнительно новое оружие войны, обладающее самым разрушительным характером. Мне с некоторым трудом удалось убедить компанию "Гатлинг" предоставить мне единственное представительство этого оружия в Китае, поскольку они не знали, кто я такой, и не были знакомы с моим практическим опытом ведения бизнеса. На самом деле они не знали, как успешно я провел экспедицию Тайпинов за зеленым чаем в 1860-1 году, перед лицом опасностей и лишений, с которыми мало кто осмеливался столкнуться. Однако я убедил президента компании, самого доктора Гатлинга, изобретателя ружья, доверить мне это дело. Ровно через месяц после моего прибытия в Тяньсин я передал в компанию заказ на

батарей из пятидесяти орудий, что в общей сложности составило более 100 000 долларов - довольно крупный заказ для человека, который, как считалось, ничего не мог сделать. За этим заказом последовали последующие заказы. Я был заинтересован в том, чтобы Китай получил новейшие современные орудия, а также современных образованных людей. Компания "Гатлинг" осталась довольна моей работой, но впоследствии была другого мнения обо мне.

Пока я находился в Тяньцзине, занимаясь оружейными делами, вице-король сообщил мне, что перуанский комиссар находится там в ожидании заключения договора с Китаем относительно дальнейшего ввоза в Перу рабочей силы кули. Он попросил меня вызвать комиссара и поговорить с ним на эту тему, что я и сделал. В разговоре он в радужных красках представил мне, как хорошо относятся к китайцам в Перу, как они там процветают и преуспевают, и сказал, что китайское правительство должно заключить договор с Перу, чтобы поощрить бедные слои китайцев к эмиграции в эту страну, которая предоставляет им прекрасный шанс улучшить свое положение. Я рассказал ему, что кое-что знаю о торговле кули, как она велась в Макао; как деревенских жителей заманивали и похищали, сажали в барраконы и держали там силой, пока их не отправляли на корабль, где их заставляли подписать трудовой контракт либо на Кубу, либо на Перу. По прибытии в пункт назначения их продавали тому, кто больше заплатит, и заставляли подписать новый контракт с новыми хозяевами, которые заботились о том, чтобы контракт продлевался в конце каждого срока, практически делая из них пожизненных рабов. Затем я рассказал ему об ужасах среднего перехода между Макао и Кубой или Перу; о том, как целые грузы бунтовали в середине океана и либо совершали массовое самоубийство, прыгая в океан, либо одолевали капитана и команду, убивали их и выбрасывали за борт, а затем пускались в дрейф на судне.

Таковы некоторые факты и ужасы торговли кули, которые я изложил перуанскому комиссару. Я прямо сказал ему, что он не должен рассчитывать на мою помощь в этом дьявольском деле. Напротив, я сказал ему, что буду отговаривать вице-короля от заключения договора с Перу на ведение столь бесчеловечной торговли. Как изменилось лицо перуанца, когда он услышал мои слова по этому вопросу! Разочарование, неудовольствие и гнев были видны на его лице. Я пожелал ему доброго утра, так как сам был несколько взволнован, рассказывая о том, что видел в Макао, и о том, что читал в газетах о движении кули. Действительно, одной из первых сцен, которые я увидел по прибытии в Макао в 1855 году, была вереница бедных китайских кули, привязанных друг к другу за кии и ведомых в один из барраконов, как ничтожные рабы. Однажды, будучи в Кантоне, мне удалось арестовать двух или трех похитителей и заковать их в деревянные ошейники весом в сорок фунтов, которые преступники должны были носить днем и ночью в течение нескольких месяцев в качестве наказания за свое похищение.

Вернувшись к вице-королю, я рассказал ему о своем звонке и поведал о своем интервью. Вице-король, чтобы сделать мой визит коротким, сказал: "Вы вернулись как раз вовремя, чтобы избавить меня от необходимости допрашивать вас. Я хочу, чтобы вы как можно скорее вернулись в Хартфорд и приготовились немедленно отправиться в Перу, чтобы выяснить, в каком состоянии находятся там китайские кули".

Вернувшись в Хартфорд, я узнал, что Чин Лан Пин также получил от правительства поручение следить за состоянием китайских кули на Кубе. Эти дополнительные или побочные миссии были заказаны по предложению Ли Хунг Чанга. Я отправился на свою миссию раньше Чин Лан Пина. Мой друг, преподобный Дж. Х. Твичелл, и доктор Э. В. Келлог, который впоследствии стал моим шурином, сопровождали меня в поездке. Я закончил свою работу в течение трех месяцев, и мой отчет был готов до того, как Чин отправился в свое

путешествие на Кубу. По его возвращении оба наших отчета были переданы вице-королю Ли, который отвечал за все иностранные дипломатические дела.

К моему отчету прилагались две дюжины фотографий китайских кули, на которых были видны рваные и разорванные спины, шрамы и обезображенные ударами плети. Я сделал эти фотографии ночью, никому не известные, кроме самих жертв, которые по моей просьбе были собраны вместе для этой цели. Я знал, что эти фотографии расскажут о жестокости и бесчеловечности владельцев асьенд, которые не будут вызывать сомнений и споров.

Перуанский комиссар, посланный в Китай для переговоров с вице-королем Ли Хунг Чангом о заключении договора о продолжении перевозок кули в Перу, все еще находился в Тьенсине, ожидая прибытия моего отчета. Один мой друг написал мне, что имеет смелость опровергнуть утверждения, содержащиеся в моем отчете, и сказал, что они не могут быть подкреплены фактами. Я заранее написал вице-королю, чтобы он держал фотографии в резерве и держал их на заднем плане, пока перуанец не исчерпает все свои аргументы, а затем представил их. Мой корреспондент написал мне, что вице-король последовал моему предложению, и фотографии оказались настолько неопровержимыми и убедительными, что перуанец был застигнут врасплох и ошеломлен. Он ушел в отставку совершенно потрясенный.

С тех пор как мы сообщили о реальных условиях жизни китайских кули на Кубе и в Перу, ни одному кули из Китая не было разрешено отправиться в эти страны. Трафик получил смертельный удар.

ГЛАВА XIX

КОНЕЦ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ МИССИИ

Осенью 1875 года прибыла последняя партия студентов. Они прибыли в сопровождении нового комиссара Оу Нго Лианга, двух новых китайских учителей и нового переводчика Кванг Ки Чеу. Эти новые люди были назначены вице-королем Ли Хунг Чангом. Я знал их в Китае, особенно нового комиссара и переводчика.

Эти изменения были сделаны по просьбе Чин Лан Пина, который вскоре должен был вернуться в Китай в отпуск. Он собирался взять с собой старого учителя китайского языка Йе Шу Тунга, который оказал ему большую услугу во время его поездки на Кубу по вопросу о кули в прошлом году. Цан Лай Сун, старый переводчик, также получил прошение об отставке и вернулся в Китай. Эти изменения я предвидел уже давно, и они меня не удивили.

Через три месяца после прибытия Чин Лан Пина в Пекин, по адресу, из Китая пришло известие, что он и я назначены совместными китайскими министрами в Вашингтоне, а Йе Шу Тунг, старый китайский учитель, назначен секретарем китайского легата. Для меня это, конечно, была отличная новость, но я не испытывал по этому поводу восторга; напротив, чем больше я размышлял, тем больше впадал в уныние. Но мои друзья, поздравлявшие меня с этой честью и повышением, не воспринимали ситуацию в целом, когда она вырисовывалась перед моим мысленным взором во всей ее полноте. Что касается меня, то у меня были все основания чувствовать себя благодарным и польщенным, но как быть с делом моей жизни - китайской образовательной миссией, которую я держал в руках и которая на нынешнем этапе нуждалась в большом внимании и заботе? Если, как я размышлял, меня перевезут в Вашингтон, кто останется там, чтобы заботиться о благополучии студентов с тем же интересом, который проявлял я? Это было бы все равно что разлучить отца с детьми. Этого

делать было нельзя, поэтому я сел и написал вице-королю письмо, суть которого сводилась к следующему: Я поблагодарил его за назначение, которое считал большой честью для любого человека, получившего его от правительства; и сказал, что, хотя я полностью оценил его значение, обязательства и ответственность, неразрывно связанные с этой должностью, наполнили меня тревожным беспокойством, что мои способности и квалификация могут оказаться недостаточными для их удовлетворительного выполнения. Учитывая такое состояние души, я предпочел бы, если бы мне позволили отдать предпочтение в этом вопросе, остаться на своей нынешней должности уполномоченного китайской миссии в Хартфорде и продолжать ее до тех пор, пока китайские студенты не завершат свое образование и не будут готовы вернуться в Китай, чтобы служить государству в своих различных качествах. В этом случае я выполнил бы свой долг перед "Цаном Праведным" и в то же время исполнил бы великий долг перед Китаем". Поскольку Чин Лан Пин был назначен министром в то же время, он, несомненно, смог бы один оправдать ожидания правительства в своем дипломатическом качестве.

Письмо было написано и заверено Юнг Юн Фу, одним из старых китайских учителей, который прибыл с первой партией студентов в то же время, когда приехал Йе Шу Тунг. Менее чем через четыре месяца был получен ответ, который частично удовлетворил мою просьбу, назначив меня помощником или заместителем министра, в то же время позволив мне сохранить должность комиссара по образованию и в этом качестве осуществлять общий надзор за обучением студентов.

У Нго Лян, новый комиссар, был гораздо моложе Чина. Он был хорошим китайским ученым, но не был членом колледжа Ханьлинь. Его, несомненно, рекомендовал Чин Лан Пин. Он привез с собой семью, состоявшую из второй жены и двоих детей. Он был человеком спокойного нрава и не проявлял склонности вмешиваться в устоявшиеся условия или создавать проблемы, а смотрел на вещи скорее философски; у него хватало здравого смысла оставить все как есть. Он проработал в миссии совсем недолго и ушел в отставку в 1876 году.

В 1876 году Чин Лан Пин прибыл в качестве полномочного министра и привел с собой в числе многочисленной свиты У Цзе Тунга, человека, которого я знал в Шанхае еще в 50-е годы. Он был членом Ханьлинского колледжа, но по тем или иным причинам никогда не был приписан к какому-либо правительственному департаменту и не занимал никаких государственных постов. Он проявлял явный интерес к химии, но, похоже, так и не добился в ней никаких успехов, и все его друзья считали его чудаком.

После отставки Оу Чин Лан Пин, прежде чем отправиться в Вашингтон и занять официальный пост китайского министра, настоятельно рекомендовал У Цзе Тунгу сменить Оу на посту комиссара, на что вице-король Ли Хунг Чанг согласился, не задумываясь о последующих последствиях. С этого момента у образовательной миссии появился враг, который был полон решимости подорвать работу Цанг Квох Фана и Тинг И Чхонга, к которым У Цзе Тунг был настроен более или менее враждебно. У был членом реакционной партии, которая рассматривала Китайскую образовательную комиссию как движение, подрывающее принципы и теории китайской культуры. Об этом мне рассказал один из свиты Чина, занимавший *пост поверенного в делах* в Перу. Назначение У Цзе Тунга комиссаром ясно показало, что сам Чин Лан Пин в душе был бескомпромиссным конфуцианцем и практически представлял реакционную партию со всем ее жестким и бескомпромиссным консерватизмом, которая скрежетала зубами против всех и каждой попыток реформировать правительство или улучшить общее положение дел в Китае. Это объясняет тот факт, что на ранних этапах миссии у меня с ним были многочисленные и ожесточенные споры по многим вопросам, которые должны были быть решены раз и навсегда, . Например, *школьные* и

личные расходы студентов, их каникулы, смена костюмов, посещение семейных богослужений, воскресной школы и церковных служб, занятия на свежем воздухе и спортивные игры. Эти и другие вопросы социального характера требовали решения. Мне приходилось выступать в роли своеобразного буфера между Чином и студентами и защищать их во всех разумных претензиях. Именно таким образом я, должно быть, вызвал недовольство Чина, если не полную его неприязнь. До приезда в эту страну он ни разу в жизни не выезжал из Китая. Единственным стандартом, по которому он оценивал вещи и людей (особенно студентов), был чисто китайский. Постепенная, но заметная трансформация поведения и поступков студентов по мере роста их знаний и роста под влиянием Новой Англии, культуры и окружающей среды создавала контраст с их поведением и поступками, когда они впервые ступили на землю Новой Англии, что вполне могло показаться странным и противным для представлений и чувств такого человека, как Чин Лан Пин, который всю свою жизнь привык видеть жизненные источники, энергию и независимость, искренность, изобретательность и открытое сердце - все это скрывалось и пряталось, в значительной степени подавлялось и никогда не давало им в полной мере проявиться. Теперь в Новой Англии тяжелый груз репрессий и подавления был снят с умов этих молодых студентов; они ликовали в своей свободе и прыгали от радости. Неудивительно, что они с готовностью и восторгом занялись спортом!

Несомненно, Чин Лан Пин, навсегда покинув Хартфорд и отправившись в Вашингтон, имел очень слабое представление о работе, для которой его выделили и к которой он был призван. Должно быть, он чувствовал, что его собственное безупречное китайское воспитание было загрязнено контактом с оксидентальной школой, к которой он относился с явным отвращением. В то же время та самая работа, на которую он, казалось, смотрел с отвращением, несомненно, послужила ему лучшим поворотом в жизни. Благодаря ей он вышел из безвестности, проработав двадцать лет старшим клерком в канцелярии Совета по наказаниям, стал комиссаром Китайской комиссии по образованию, а с этого поста - полномочным министром в Вашингтоне. Это была ступенька, по которой он поднялся к политической известности. Ему не следовало отбрасывать лестницу под собой после того, как он достиг головокружительной высоты. Он сделал все возможное, чтобы разрушить образовательную схему, рекомендовав У Цзедуну на пост комиссара по образованию, более сговорчивого и покорного инструмента для достижения своей цели, как будет показано далее, у него не было.

У Цзе Тунг был назначен комиссаром осенью 1876 года. Не успел он вступить в должность, как начал находить недостатки во всем, что было сделано. Вместо того чтобы изложить эти претензии мне, он тайно начал распространять в Пекине ложные сведения о студентах: как ими плохо управляли, как их баловал и лелеял комиссар Юнг, как им позволяли пользоваться большими привилегиями, чем это было полезно для них, как они подражали американским студентам в атлетизме, что они больше играли, чем учились, что они объединялись в тайные общества, как религиозные, так и политические; что они игнорируют своих учителей и не прислушиваются к советам нового комиссара; что если им и дальше позволять поступать по-своему, они скоро потеряют любовь к своей стране, а по возвращении в Китай будут ни на что не годны или даже хуже, чем ни на что; что большинство из них ходят в церковь, посещают воскресные школы и стали христианами; что чем скорее это образовательное предприятие будет разрушено и все студенты отозваны, тем лучше будет для Китая, и т. д., и т. д.

Такие злонамеренные искажения и другие ложные сведения, о которых мы ничего не знали, У Цзедун из года в год непрерывно передавал своим друзьям в Пекине и вице-королю Ли

Хунг Чангу. Вице-король обратил мое внимание на обвинения У. Я написал в ответ, что это злобные измышления человека, который, как известно, всю жизнь был чудачком; что было большой ошибкой ставить на ответственный пост такого человека, который за всю свою жизнь ничего не сделал ни для себя, ни для других; что он лишь пытается разрушить работу Цан Кво Фана, который, затеяв и возглавляя образовательную миссию, преследовал высшие интересы Китая; в то время как У следовало бы отправить в камеру в психушке или в заведение для имбецилов. Далее я сказал, что Чин Лан Пин, который рекомендовал У Его Превосходительству в качестве комиссара по делам китайского образования, был робким человеком по натуре и трепетал при виде самой незначительной ответственности. Мы с ним не сошлись во взглядах на политику в нашей дипломатической переписке с Государственным департаментом и не сошлись во мнениях как комиссары в отношении обращения с китайскими студентами. В качестве примера можно привести его крайнюю нелюбовь к ответственности: В 1873 году губернатор попросил его отправиться на Кубу, чтобы выяснить состояние кули на этом острове. Он ждал три месяца, прежде чем отправиться в путь. Он отправил на Кубу Йе Шу Тунга и одного из учителей миссии в сопровождении молодого американского юриста и переводчика, которые выполнили всю работу и тем самым подготовили путь для Чин Лан Пина и облегчили ему работу. Все, что ему оставалось, - это съездить на Кубу и вернуться, выполнив свою миссию в полном объеме. Тяжесть дня и бремя труда легли на плечи Йе Шу Тунга, но Чин Лан Пин собрал лавры и стал полномочным министром, а Йе получил должность секретаря легата. Я упоминаю об этом не из каких-то неблагоприятных побуждений по отношению к Чину, а просто чтобы показать, что часто в официальном и политическом мире один человек получает больше похвалы и славы, чем он действительно заслуживает, в то время как другой не получает вознаграждения в соответствии с его внутренними достоинствами. Его Превосходительству было хорошо известно, что, делая это заявление, я не преследовал никакой цели. Я также добавил, что предпочел бы не принимать назначение министра в Вашингтон, а остаться в качестве комиссара по образованию с единственной целью - довести дело до конца. А однажды в пылу нашей ссоры из-за письма, направленного в Государственный департамент, я открытым текстом заявил Чин Лан Пину, что меня несколько не волнует назначение помощника министра или, тем более, полноправного министра, и что я готов и с радостью подам в отставку в любой момент, оставив его свободным и независимым, чтобы он делал все, что ему заблагорассудится.

Это письмо в ответ на записку вице-короля, в которой он обращал мое внимание на обвинения У, дало вице-королю представление о предшественниках У, а также о непроницаемом характере Чин Лан Пина. Ли, конечно, оставался в неведении относительно того, что вице-король написал Чин Лан Пину, но дела и в легации, и в миссии какое-то время шли гладко, пока некоторые из студентов не продвинулись в учебе настолько, что я подал заявление в Государственный департамент о приеме в Военную академию в Вест-Пойнте и Военно-морскую академию в Аннаполисе. Ответ на мое заявление гласил: "Для китайских студентов места не предусмотрены". Ответ был резким и пренебрежительным. Он дышал духом кернизма и сандлотизма, которым была пропитана вся тихоокеанская атмосфера и который загипнотизировал все департаменты правительства, особенно Конгресс, в котором Блейн был самым заметным защитником китайцев на сцене Сената. В то время у него в шляпе жужжала президентская пчела, и он делал все возможное, чтобы получить голоса выборщиков на Тихоокеанском побережье. Расовые предрассудки в отношении китайцев были столь безудержны, что не только к моему заявлению о приеме студентов в Аннаполис и Вест-Пойнт отнеслись с холодным безразличием и презрительной спесью, но и Бурлингемский договор 1868 года был без малейшей провокации, вопреки всем дипломатическим прецедентам и общепринятым приличиям, бесцеремонно и

бесцеремонно растоптан ногами и отменен, словно такого договора никогда не существовало, чтобы освободить место для тех актов конгресса о дискриминации китайской иммиграции, которые требовалось немедленно ввести в действие.

Когда я написал вице-королю, что встретил отпор в своей попытке добиться приема некоторых студентов в Вест-Пойнт и Аннаполис, его ответ сразу же убедил меня в том, что судьба Миссии предрешена. Он также опирался на Бурлингемский договор 1868 года, чтобы убедить меня в том, что правительство Соединенных Штатов нарушило договор, закрыв доступ нашим студентам в Вест-Пойнт и Аннаполис.

Описав ход работы Китайской образовательной миссии с 1870 по 1877-8 годы, можно считать, что мое письмо с ходатайством о зачислении студентов в Военную и Морскую академии стало последним официальным актом в качестве комиссара. С 1878 года мои обязанности сводились в основном к работе в легации.

Когда стало известно о провале моего ходатайства о зачислении студентов в Военную и Военно-морскую академии правительства, а также о недовольстве и разочаровании вице-короля в связи с отказом, комиссар У вновь возобновил свои усилия по развалу Миссии. На этот раз ему тайно помогал Чин Лан Пин. Искажения и ложь, сфабрикованные на пустом месте, с новой силой посыпались в Пекин по всем письмам, пока один цензор из рядов реакционной партии не выступил вперед и, воспользовавшись сильными антикитайскими предрассудками в Америке, не обратился к правительству с просьбой развалить Миссию и отозвать всех студентов.

Правительство, прежде чем согласиться с мемориалом, сначала поставило вопрос перед вице-королем Ли Хунг Чангом, который, вместо того чтобы встать на защиту студентов, уступил оппозиции реакционной партии и дал согласие на отзыв студентов. Следующим высказать свое мнение попросили Чин Лан Пина, который по своему личному опыту должен был знать, что следует делать. Он решил, что студенты уже достаточно долго находятся в Соединенных Штатах и что им пора возвращаться в Китай. У Цзе Тунг, комиссар, когда его спросили о его мнении, прямо сказал, что их следует отозвать без промедления и строго следить за ними после возвращения. Меня вообще исключили из числа участников консультации как человека, совершенно неспособного дать беспристрастное и достоверное заключение по этому вопросу. Таким образом, судьба образовательной миссии была предрешена, и все студенты, в общей сложности около ста человек, вернулись в Китай в 1881 году.

Распад Китайской образовательной комиссии и отзыв молодых студентов в 1881 году произошли не без напряженных усилий некоторых вдумчивых людей, которые неустанно следили за развитием человеческого прогресса на Востоке и Западе, и в своих тихих и скромных поступках выразили протест против отзыва Миссии. Главными среди них были мой друг на всю жизнь, преподобный Дж. Х. Твичелл, и преподобный Джон В. Лейн, благодаря настойчивым усилиям которого президенты Портер и Сили, Сэмюэл Клеменс, Т. Ф. Фрелингхейзен, Джон Рассел Янг и другие были привлечены и выдвинуты, чтобы остановить работу регресса со стороны китайцев. Протест был выражен самым достойным, откровенным и мужественным языком президента Йельского университета Портера и звучал следующим образом:

К Цун Ли Ямун

или

Управление иностранных дел.

"Нижеподписавшиеся, которые были инструкторами, опекунами и друзьями студентов, отправленных в эту страну под опекой Китайской образовательной комиссии, просят разрешения представить:

"Они очень сожалеют, что эти молодые люди были отозваны из страны, и что Комиссия по образованию была распущена.

"Насколько нам удалось наблюдать и узнать из рассказов других людей, молодые люди в целом правильно использовали свои возможности и добились хороших успехов в учебе, а также в знании языка, идей, искусств и институтов народа этой страны.

"За редким исключением, их мораль была хорошей; их манеры были необычайно вежливыми и приличными, а их поведение было таким, что они создавали друзей для себя и своей страны в семьях, школах, городах и деревнях, в которых они жили.

"Этим они доказали, что достойны доверия, оказанного им, чтобы представлять свои семьи и великую Китайскую империю в чужой стране. Будучи детьми и подростками, они, казалось, всегда понимали, что честь их расы и их нации находится в их руках. В результате их хорошего поведения многие предрассудки невежественных и злых людей по отношению к китайцам были устранены, и на их место пришли более благоприятные чувства.

"Мы глубоко сожалеем, что молодых людей забрали как раз в то время, когда они собирались извлечь самые важные преимущества из своих предыдущих занятий и собрать богатый урожай, который готовили для них их мучительные и кропотливые усилия. Учеба, которой большинство из них занималось до сих пор, была дисциплинарной и подготовительной. Учеба, которой они лишились в результате удаления, была бы ярким цветком и созревшим плодом корней и стеблей, которые медленно взращивались под терпеливым поливом и обработкой почвы. Мы давали им те же знания и культуру, которые даем своим собственным детям и гражданам.

"Как преподаватели и опекуны этих молодых людей, мы должны были принять в наших школах и колледжах комиссаров по образованию или их представителей и объяснить им нашу систему и методы обучения. В некоторых случаях они были приглашены к нам, но не ответили на приглашения лично или через своих заместителей.

"Мы хотели бы напомнить вашему уважаемому органу, что эти студенты были первоначально приняты в наши дома и наши колледжи по просьбе китайского правительства через государственного секретаря с явным желанием, чтобы они могли изучать наш язык, наши нравы, наши науки и наши искусства. Удалять их навсегда и внезапно без официального уведомления или запроса на том основании, что они еще не научились ничему полезному для Китая, когда их образование в западных учреждениях, искусствах и науках еще не завершено, кажется нам столь же недостойным великой империи, которой мы желаем процветания и мира, сколь и неучтивым по отношению к нации, оказавшей этим молодым людям свое дружеское гостеприимство.

"Мы не можем принять за истину утверждение, что они извлекли из наших институтов, принципов и манер зло, а не добро. Если они пренебрегли или забыли свой родной язык, мы никогда не брали на себя обязанность обучать их ему и не можем нести ответственность за это пренебрежение. Китайское правительство сочло разумным, чтобы некоторые из его собственных молодых людей обучались по нашим методикам. Мы не завершили работу, которую от нас ожидали. Можем ли мы быть недовольны тем, что результаты нашей работы оцениваются неблагоприятно еще до того, как она может быть завершена?

"Принимая во внимание эти соображения, и особенно учитывая ущерб и потери, которые понесли молодые люди, которых мы научились уважать и любить, и упрек, который негласно был навлечен на нас самих и великую нацию, к которой мы принадлежим, - мы с уважением призываем пересмотреть причины этого внезапного решения и должным образом обосновать утверждения, которые были сделаны относительно интеллектуального и морального характера нашего образования. Мы предлагаем назначить для этого комитет из видных китайских граждан, в обязанности которого будет входить изучение истинности неблагоприятных для молодых людей и их учителей заявлений, которые привели к неожиданному отказу от участия в образовательной комиссии и к отъезду молодых людей из Соединенных Штатов до завершения их образования."

ГЛАВА XX

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПЕКИН И СМЕРТЬ ЖЕНЫ

Обращение, которому подверглись студенты со стороны китайских чиновников в первые годы после возвращения в Китай, по сравнению с обращением, которое они получали в Америке во время учебы, не могло не произвести впечатления на их внутреннее убеждение в превосходстве цивилизации Запада над цивилизацией Китая - впечатление, которое всегда будет привлекать их как убедительное и веское основание для радикальных реформ в Китае, как бы ни изменились условия их последующей карьеры. Я рад сообщить, что многие из тех, кто остался в живых из ста студентов, заняли высокие чиновничьи посты и должности, требующие большого доверия и ответственности. У правительства открылись глаза на то, какую грандиозную ошибку оно совершило, распустив Миссию и отозвав студентов. Всего через несколько лет у него хватило честности и великодушия признаться, что оно хотело бы иметь больше таких людей, как те, что были выпущены Китайской образовательной миссией в Хартфорде, штат Коннектикут. Это признание, хотя и сделанное слишком поздно, можно рассматривать как верный признак того, что Китай действительно пробуждается и наилучшим образом использует те немногие частично образованные люди, которые имеются в наличии. А эти немногие образованные люди из Запада, в свою очередь, воодушевляют и стимулируют как правительство, так и народ. После памятных событий войны между Китаем и Японией, а также войны между Японией и Россией, несколько сотен китайских студентов приехали в США, чтобы получить образование. Таким образом, схема китайского образования, которую Цан Квох Фан инициировал в 1870 году в Тяньцине и основал в Хартфорде, штат Коннектикут, в 1872 году, хотя и была свернута на двадцать пять лет, практически возродилась.

Вскоре после отзыва студентов и их возвращения в Китай в 1881 году я также отправился в путь и прибыл в Тяньцзинь осенью того же года, направляясь в Пекин, чтобы отчитаться перед правительством после истечения срока моих полномочий в качестве помощника министра. Это был обычный шаг для всех дипломатических работников правительства по окончании срока их полномочий. Чин Лан Пин опередил меня почти на год, вернувшись в 1880 году.

Во время моего визита к Ли Хун Чангу в Тяньсине перед поездкой в Пекин он затронул тему отзыва студентов. К моему огромному удивлению, он спросил меня, почему я позволил студентам вернуться в Китай. Не зная точно значения вопроса, я ответил, что Чин Лан Пин, который был министром, получил императорский указ о разгоне Миссии; что Его Превосходительство было за этот указ, Чин Лан Пин тоже, и У Цзедун тоже. Если бы я один выступил против выполнения императорского мандата, разве меня не сочли бы мятежником, виновным в измене, и не лишили бы меня за это головы? Но он сказал, что в душе он за то,

чтобы их оставили в Штатах для продолжения учебы, и что я должен был их задержать. В ответ я спросил, как можно было предположить, что я читаю его сердце на расстоянии 45 000 ли, особенно когда было хорошо известно, что Его Превосходительство сказал, что их с таким же успехом можно отозвать. Если бы Его Превосходительство заранее написал мне, чтобы я ни в коем случае не распускал Миссию, я бы знал, что делать; а так я не мог поступить иначе, кроме как проследить за исполнением указа. "Ну что ж, - сказал он несколько раздраженным и взволнованным тоном, - я знаю автора этого великого злодеяния". У Цзедун оказался в это время в Тяньцине. Он только что был в Пекине и прислал мне весточку с просьбой позвонить и повидаться с ним. Из вежливости я позвонил. Он рассказал мне, что в Пекине его приняли не очень хорошо и что вице-король Ли был ожесточен, когда он позвонил ему, и отказался встретиться с ним во второй раз. Он выглядел изможденным и подавленным. После нашей последней беседы о нем ничего не было слышно.

По прибытии в Пекин одной из моих первых обязанностей было совершить обход официальных визитов к ведущим сановникам правительства - принцам Кунгу и Чингу и президентам шести советов. Мне потребовался почти месяц, чтобы завершить эти официальные визиты. Пекин, можно сказать, город больших расстояний, и высокопоставленные чиновники живут довольно далеко друг от друга. Единственным транспортом, который использовался для передвижения с места на место, были повозки с мулами. Это были тяжелые, неуклюжие машины с осью, проходящей прямо под кузовом ящика, который служил повозкой, и без рессор для устранения тряски, с двумя тяжелыми колесами, по одному на каждом конце оси. Это были медленные кареты, а поскольку пекинские дороги были разбиты и редко ремонтировались, вы можете представить, что значило путешествие в те дни. Пыль и запах на дорогах были просто ужасающими. Пыль была не чем иным, как измельченным навозом, почти черным, как чернила. Его так мелко перемалывали миллионы повозок с мулами, что эта черная масса забивала глаза и уши, проникала в поры кожи и делала невозможным очищение одним мытьем. Шея, голова и руки должны были быть покрыты соответствующими чехлами, чтобы уберечься от пыли. Вода в городе солоноватая, что затрудняет удаление грязи, добавляя тем самым дискомфорт от жизни в Пекине.

Я пробыл в Пекине около трех месяцев. Находясь там, я нашел время для подготовки плана по эффективному пресечению торговли индийским опиумом в Китае и уничтожению посевов мака в Китае и Индии. Этот план был представлен китайскому правительству для осуществления, но Вэн Вэнь Шиу, президент Цун Ли Ямун (Министерства иностранных дел), сказал мне, что за неимением подходящих людей этот план не может быть принят, и он был отложен почти на четверть века, пока недавно этот вопрос не стал международным.

Я покинул Пекин в 1882 году. После четырех месяцев проживания в Шанхае я вернулся в Соединенные Штаты по состоянию здоровья моей семьи.

Я добрался до дома весной 1883 года и обнаружил, что моя жена находится в очень тяжелом состоянии. Она потеряла дар речи и приветствовала меня хриплым низким шепотом. Я был благодарен, что нашел ее еще живой, хотя и сильно истощенной. Менее чем через месяц после моего возвращения она начала приходить в себя и стала больше походить на себя. Несомненно, ее ухудшающееся здоровье и страдания отчасти объяснялись моим отсутствием и невыразимой тревогой за безопасность моей жизни. За несколько дней до моего отъезда в Китай к ней зашел свежий миссионер из Китая и сказал, что возвращение в Китай - опасный шаг, так как мне наверняка отрубят голову из-за Китайской образовательной миссии. Эта беспричинная информация еще больше усугубила состояние ума, и без того

отягощенного слабым здоровьем, и это мрачное предчувствие добавилось к ее тревогам, чего она никак не могла вынести. На этот раз я отсутствовал в Китае со своей семьей почти полтора года, и я твердо решил, что больше никогда и ни при каких условиях не покину ее. Мое возвращение в 1883 году, казалось, подействовало на здоровье и дух моей жены как волшебство, и постепенно она восстановила силы настолько, что смогла поехать на лето в Норфолк. Воздух в Норфолке был сравнительно чистым и более полезным, чем в долине Коннектикута, и оказался очень полезным для ее состояния. К концу лета она вернулась совсем не такой, какой была, когда уезжала, и я был очень воодушевлен ее улучшившимся здоровьем. Я продолжил эти изменения климата и воздуха с целью вернуть ее к нормальному состоянию, перевез ее на одну зиму в Атланту, штат Джорджия, а на другой год - в Адирондак. Казалось, что эти перемены приносили лишь временное облегчение без какого-либо постоянного восстановления. Зимой 1885 года она начала проявлять признаки потери аппетита и выразила желание сменить обстановку. Сомервилл, штат Нью-Джерси, был рекомендован ей в качестве санатория. Это было последнее место, куда она отправилась за своим здоровьем, так как там она подхватила простуду, которая привела ее к смерти. Она пролежала там почти два месяца, пока ее не вернули домой, и умерла от болезни Брайта 28 июня 1886 года. Ее похоронили на кладбище Сидар-Хилл на участке, который я выделил для этой цели. Ее смерть внесла в мою дальнейшую жизнь непоправимую пустоту, но она не оставила меня безнадежно покинутым и одиноким; она оставила мне двух сыновей, которые постоянно напоминают о ее прекрасной жизни и характере. Они оказались моим величайшим утешением и утешением в мои преклонные годы. Они самые верные, заботливые и ласковые сыновья, и я горжусь их мужественными и искренними христианскими характерами. Моя благодарность Богу за то, что Он благословил меня двумя такими сыновьями, будет вечно возноситься к небесам, как бесконечный фимиам.

Двух ударов, обрушившихся на меня один за другим в течение коротких пяти лет с 1880 по 1886 год, было достаточно, чтобы сокрушить мой дух. Один из них разметал на четыре ветра дело всей моей жизни, другой лишил меня счастливого дома, который просуществовал всего десять лет. Единственный отблеск света, пробившийся сквозь темные тучи, нависшие над моей головой, исходил от двух моих оставшихся без матери сыновей, чьи нежные годы вызвали к заботе и сочувствию в самой глубине моей души. Им было соответственно семь и девять лет, когда они лишились матери. Я был для них и отцом, и матерью с 1886 по 1895 год. Вся моя душа была занята их воспитанием и благополучием. Моя свекровь, миссис Мэри Б. Келлог, помогала мне в работе и поддерживала меня в самые трудные часы, ведя за меня дом в течение почти двух лет.

ГЛАВА XXI

МОЙ ОТЗЫВ В КИТАЕ

В 1894-5 годах между Китаем и Японией разразилась война из-за Кореи. Мои симпатии были на стороне Китая, но не потому, что я китаец, а потому, что на стороне Китая было право, а Япония просто выдумывала предлог для войны с Китаем, чтобы показать свою военную и морскую доблесть. До конца войны для меня было невозможно оставаться равнодушным к ситуации - я не мог подавить свою любовь к Китаю. Я написал своему бывшему переводчику и секретарю два письма, в которых изложил план, по которому Китай мог бы продолжать войну в течение неопределенного времени.

Мой первый план состоял в том, чтобы отправиться в Лондон и договориться о займе в 15 000 000 долларов, на эту сумму купить три или четыре готовых железных крейсера, собрать

иностранные силы в 5000 человек, чтобы напасть на Японию в тыл с тихоокеанского побережья - таким образом создать отвлекающий маневр, чтобы отвлечь японские силы от Кореи и дать китайскому правительству передышку для набора свежей армии и нового флота, чтобы справиться с Японией. В то время как этот план осуществлялся, правительство должно было уполномочить комиссию заложить остров Формоза какой-нибудь западной державе за сумму в 400 000 000 долларов для организации национальной армии и флота для ведения войны. Эти планы были изложены в двух письмах Цай Сик Юнгу, в то время секретарю Чан Цзе Тунга, вице-короля Хунани и Хупэ. Они были переведены на китайский язык для вице-короля. Это было зимой 1894 года. К моему большому удивлению, вице-король Чанг одобрил мой первый план. По телеграфу я получил разрешение отправиться в Лондон, чтобы договориться о займе в 15 000 000 долларов. Китайский министр в Лондоне, некто Ли Хунг Чанг, был проинформирован о моей миссии, что само по себе было достаточным основанием для того, чтобы я предстал перед министром. Менее чем через месяц после прибытия в Лондон мне удалось договориться о займе; но для того, чтобы предоставить залог, мне пришлось заручиться поддержкой китайского министра в Лондоне, чтобы заручиться согласием правительства на залог таможенных доходов. Мне сказали, что сэр Роберт Харт, генеральный таможенный инспектор, и вице-король Ли Хунг Чанг отказались от залога таможенных доходов на том основании, что этих доходов едва ли хватит, чтобы покрыть залогом заем для выплаты тяжелой репарации, которую требовала Япония. Дело было так: Вице-король Ли Хунг Чанг и Чанг Чи Тунг враждовали и противостояли друг другу в ведении войны. Последний был против того, чтобы Ли Хунг Чанг вел переговоры о мире; но на стороне первого была вдовствующая императрица, и он упорно добивался мира.

Поэтому сэру Роберту Харту пришлось встать на сторону партии Суда и проигнорировать просьбу Чанг Чи Тунга о займе в 15 000 000 долларов; из-за этого заем сорвался, и я едва не оказался втянут в тяжбу с Лондонским банковским синдикатом.

Я вернулся в Нью-Йорк и получил от Чанг Чи Тунга дальнейшие инструкции относительно моих дальнейших действий. В ответ он сообщил, чтобы я немедленно прибыл в Китай.

После тринадцати лет отсутствия в Китае я думал, что мои связи с китайским правительством прерваны навсегда, когда уезжал оттуда в 1883 году. Но это оказалось не так: меня ждал еще один призыв вернуться, на этот раз от человека, которого я никогда не видел, о характере, нравах и взглядах которого я был совершенно ничего не знаю, кроме того, что мне было известно понаслышке. Но он, похоже, знал обо мне все, и в своем меморандуме правительству, приглашая меня вернуться, он не мог бы отозваться обо мне в более высоких выражениях, чем он это сделал. И я собрался с силами, чтобы вернуться еще раз и посмотреть, что меня там ждет. Таким образом, я стал человеком Чанг Чи Тунга, а не Ли Хунг Чанга.

Перед отъездом в Китай я постарался позаботиться о том, чтобы мои сыновья получили хорошее образование. Доктор Э. У. Келлог, мой старший шурин, был назначен их опекуном. Моррисон Браун Юнг, старший сын, только что успешно поступил в Йельский университет, Шеффилдский научный центр, и был в состоянии позаботиться о себе. Бартлетт Г. Юнг, младший, все еще учился в Хартфордской средней школе, готовясь к поступлению в колледж. Мне очень хотелось найти для него хороший дом до отъезда из страны, так как я не хотел оставлять его в критическом возрасте на произвол судьбы. Об этом я рассказал своим друзьям, мистеру и миссис Твичелл. Они сразу же откликнулись и предложили взять Бартлетта в свою семью на правах одного из ее членов, пока он не будет готов поступить в колледж. Это всего лишь один случай, иллюстрирующий широту души, которая привила их людям как в церкви Асилум Хилл, так и за ее пределами. Я был глубоко тронут этим актом

самоотречения и великодушия как от моего имени, так и от имени моего сына Бартлетта, который, как я был совершенно уверен, находился в первоклассных руках, будучи членом одной из лучших семей Новой Англии. Зная, что о моих сыновьях будут хорошо заботиться, и предоставив развитие их характеров всеблагому и вечно правящему Провидению, а также их врожденным качествам, я отправился в Китай, на этот раз без какой-либо определенной и конкретной цели, не ограничиваясь поиском возможностей послужить ей.

По прибытии в Шанхай, в начале лета 1895 года, мне пришлось потратиться на полное обмундирование всех своих официальных нарядов, что обошлось мне в кругленькую сумму. Вице-король Чанг Чи Тунг, за некоторое время до моего прибытия, был переведен из вице-королевства двух Хоо в вице-королевство двух Киангов временно. Вместо того чтобы отправиться в У Чанг, столицу Хупе, я поехал в Нанкин, где он был расквартирован.

В вице-короле Чанг Чи Тунге я не нашел того магнетического притяжения, которое сразу же привлекло меня к Цанг Квох Фану, когда я впервые встретил его в Нган Хинге в 1863 году. От него веяло холодным, надменным воздухом, который сразу же заставил меня насторожиться. Рассказав вкратце о том, как сорвался заем в 15 000 000 долларов, он не сообщил, почему правительство Пекина отказалось одобрить его действия по предоставлению займа, хотя я уже знал, что сэр Роберт Харт, генеральный инспектор китайской таможни, выдвинул в качестве оправдания тот факт, что таможенных сборов было недостаточно для обеспечения крупного займа, о котором предстояло договориться для выплаты военных репараций, требуемых японским правительством. Таким дипломатическим способом Чанг Чи Тунгу пришлось проглотить горькую пилюлю, когда пекинское правительство, благодаря влиянию Ли Хунг Чанга, было вынуждено проигнорировать заем. В то время Чанг и Ли не были в теплых отношениях: у каждого из них была своя политика в отношении ведения войны.

Отбросив тему займа как мертвую, следующей темой нашего разговора стало политическое состояние страны в связи с унижительным поражением, которое Китай потерпел из-за некомпетентности и коррупции Ли Хунг Чанга, чье поражение как на суше, так и на море лишило его всех официальных чинов и титулов и едва не стоило ему жизни. Я сказал, что Китай, чтобы восстановить свой престиж и стать сильной и могущественной страной, должен принять новую политику. Ей придется приступить к работе и привлечь по меньшей мере четырех иностранцев в качестве советников в министерстве иностранных дел, в военном и военно-морском департаментах и в министерстве финансов. Их можно было бы нанять на десять лет, по истечении которых они могли бы быть переизбраны на новый срок. Это должны быть люди с практическим опытом, бесспорными способностями и характером. Пока эти люди будут давать свои лучшие советы в соответствующих департаментах, они должны быть приняты к исполнению, и для работы под их началом должны быть отобраны молодые и способные китайские студенты. Таким образом, правительство было бы перестроено на западные методы, а также на принципы и идеи, направленные на реформирование административного управления Китая.

Такова была суть и содержание моей беседы в первом и единственном интервью, которое Чанг Чи Тунг дал мне. В течение всей беседы он не высказал своего мнения ни по одной из затронутых тем. Он был немногословен и впитывал информацию, как сухая губка. Беседа отличалась от той, которую мне дал Цан Кво Фан в 1863 году, тем, что Цан уже решил, что он хочет сделать для Китая, и я был указан ему для исполнения этого. Но в случае с Чанг Чи Тунгом у него в то время не было никакого плана для Китая, и то, что я представил ему в интервью, было совершенно новым и несколько радикальным; но окончание Японской войны оправдало меня в выдвижении таких взглядов, поскольку именно из-за этой войны я был отозван. Если бы он был таким же широким государственным деятелем, как его

предшественник Цан Кво Фан, он мог бы сказать что-то, что побудило бы меня питать хотя бы проблеск надежды на то, что он собирается сделать что-то для реформирования политического состояния правительства страны после окончания войны. Однако ничего не было сказано или даже намекнуто. Фактически, после первой беседы у меня не было с ним других интервью. Перед отъездом из Нанкина в У Чанг он назначил меня секретарем по иностранным делам в Кианг Нан.

По прибытии Лю Кван И, постоянного вице-короля двух провинций Кианг, Чанг Чи Тунг не попросил меня отправиться с ним в Ву Чанг. Я воспринял это как довольно широкий намек на то, что он больше не нуждается в моих услугах, что я не тот человек, который подходит для его целей; и поскольку у меня не было никакого топора для размалывания, я не стал пытаться бежать за своим камнем для размалывания. Напротив, после трехмесячного пребывания в Нанкине при вице-короле Лю Кван И из соображений служебного этикета я отказался от должности секретаря, которая была практически синекурой с зарплатой около 150 долларов в месяц. Таков был мой краткий официальный опыт общения с вице-королями Чанг Чи Тунгом и Лю Кван И.

В 1896 году я разорвал официальную связь с правительством провинции Кианг-Нан и разместил свою штаб-квартиру в Шанхае - без всяких ограничений, чтобы делать все, что захочу, и ездить туда, куда захочу. Именно тогда я задумал побудить центральное правительство создать в Пекине государственный национальный банк. С этой целью я занялся переводом на китайский язык Закона о национальных банках и других законов, касающихся национальных банков, из Пересмотренного устава США с поправками и дополнительными законами 1875 года. В этой работе мне помогал один китайский писатель, а также сотрудничал покойный Вонг Кай Кех, один из китайских студентов, который впоследствии был помощником китайского комиссара на выставке в Сент-Луисе и оказал мне неоценимую помощь. С переводом я отправился по адресу в Пекин с моим китайским писателем, и по приглашению моего старого друга Чан Ен Хвана, который был китайским министром в Вашингтоне с 1884 по 1888 год, я поселился в его резиденции и оставался там несколько месяцев. Чан Ен Хван в то время занимал две должности: одну - старшего члена Цун Ли Ямун (Управления иностранных дел), другую - первого секретаря в Министерстве финансов, президентом которого был Унг Тунг Хво, воспитатель покойного императора Кван Су. Чан Ен Хван был очень заинтересован в схеме Национального банка. Он критически изучил перевод и предложил мне исключить те статьи, которые были неприменимы к условиям Китая, и оставить только те, которые были важны и практически осуществимы. После того как перевод и подборка были завершены, он показал его Унг Тунг Хво, президенту Казначейства. Они оба остались очень довольны, и все чиновники Казначейства внимательно изучили его и вынесли свое суждение. Через несколько недель ведущие чиновники Министерства финансов вызвали меня, чтобы поздравить с проделанной работой, и сказали, что ее следует сделать предметом меморандума правительству, чтобы банковская схема была принята и реализована. Чанг Ен Хван выступил за это, его поддержал Унг Тунг Хво, президент.

Чтобы иметь основу для создания Национального банка Китая, необходимо было, чтобы правительство выдало аванс в размере 10 000 000 тайлов. 10 000 000; из этой суммы около 2 000 000 тал. 2,000,000 должны были быть потрачены на оборудование для печатания государственных облигаций и банкнот различных номиналов, а также на оборудование для монетного двора; 2,000,000 тал. 2 000 000 на покупку земли и зданий; и Tls. 6 000 000 должны были храниться в резерве в казначействе для покупки золота, серебра и меди для чеканки

монет разных номиналов для общего обращения. Эти Tls. 10 000 000 должны были стать начальной суммой для создания Национального банка и ежегодно увеличиваться пропорционально росту торговли империи.

Мы добились такого прогресса в реализации нашего проекта, что назначили комитет для выбора места для Банка, а меня назначили приехать в Соединенные Штаты, чтобы проконсультироваться с Министерством финансов по поводу плана и масштабов предприятия и узнать, какой курс лучше всего выбрать для реализации плана Национального банка. Министерство финансов, через своего президента Унг Тунг Хво, находилось в стадии подготовки меморандума о получении императорского указа, санкционирующего выделение суммы в размере 10 000 000 таллов для целей Национального банка. 10 000 000 для указанной цели, когда, к удивлению Чанг Ен Хвана и других организаторов предприятия, президент Унг Тунг Хво получил телеграфное сообщение от Шинг Сун Вей, главы Китайской телеграфной компании и управляющего Шанхайской паровой компании, с просьбой приостановить свои действия на пару недель, до его прибытия в Пекин. Унг и Шинг были близкими друзьями, а также соотечественниками, Унг удовлетворил просьбу Шинга. Шинг Таотай, как его называли, был известен как мультимиллионер, и ни одно крупное предприятие или концессия любого рода не проходили без его участия. Так и в этой банковской схеме он должен был иметь свое мнение. У него были эмиттеры по всему Пекину, которые держали его в курсе всего, что происходило как в столице, так и за ее пределами. У него был доступ к самым могущественным и влиятельным князьям Пекина, а система его связей доходила даже до вдовствующей императрицы через ее любимого евнуха, печально известного Ли Линг-Инга. Синг был известным персонажем в китайской политике. Именно благодаря его системе банковское дело было разгромлено. Сообщалось, что он прибыл в Пекин с 300 000 таллов в качестве подарков двум или несколькими лицам. 300 000 в качестве подарков двум или трем принцам и другим высокопоставленным и влиятельным сановникам, и удрал с 10 000 000 тал. 10 000 000 таллов ассигнований, создав банк для манипулирования своими собственными проектами.

Поражение проекта "Национальный банк" объясняется тем, что административная система Китая была основательно коррумпирована. От вдовствующей императрицы до самого низкого и мелкого служащего в империи вся политическая ткань была пропитана медом того, что американцы называют трансплантатами - разновидностью политических ракушек, если мне будет позволено так их назвать, которые, если позволить им закрепиться на днище государственного корабля, непременно приведут к хаосу и разрушению; иными словами, с помощью денег в Китае можно было добиться чего угодно. Все делалось по бартеру; кто больше заплатит, тот и получал приз. Две войны - с Японией в 1894-5 годах и японо-русская война 1904-5 годов - в какой-то мере очистили атмосферу Востока, и китайцы наконец-то очнулись и пришли к здравому осознанию своего реального положения.

После поражения национального банковского проекта от рук Синг Таотая я сразу же принялся за работу, чтобы добиться от правительства концессии на строительство железной дороги. Железная дорога, которую я имел в виду, должна была проходить между двумя портами - Тяньсином и Чинкиангом, один из которых находился на севере, а другой - на юге, недалеко от устья реки Янцзы. Расстояние между этими портами по прямой линии составляет около пятисот миль; по окружному пути, проходящему вокруг провинции Шаньтун и пересекающему Желтую реку в провинции Хунань через Аньвуй, расстояние составит около семисот миль. Германское правительство возражало против того, чтобы эта железная дорога пересекала провинцию Шаньтун, так как, по их словам, они обладали монополией на строительство железных дорог во всей провинции и не позволяли другой стороне строить

железную дорогу через Шаньтун. Это было абсурдное и нелепое притязание, которое не могло быть поддержано ни международными законами, ни суверенными законами Китая. В то время Китай был слишком слаб и немощен, чтобы решать этот вопрос и отстаивать свои суверенные права в этом вопросе, и у него не было людей в Министерстве иностранных дел, чтобы доказать абсурдность этого притязания. Поэтому, чтобы избежать международных осложнений, концессия была выдана мне с четким пониманием того, что дорога должна быть построена по описанному выше извилистому маршруту. Дорога должна была быть построена на китайский, а не на иностранный капитал. Мне было дано шесть месяцев на привлечение капитала. По истечении шести месяцев, если капитал не появится, я должен был сдать концессию. Я прекрасно понимал, что привлечь китайских капиталистов к строительству железной дороги в то время было невозможно. Я изо всех сил пытался обойти этот камень преткновения, привлекая к концессии иностранные синдикаты, но все мои попытки оказались безуспешными, и я был вынужден отказаться и от своей железнодорожной затеи. Так закончилась моя последняя попытка помочь Китаю.

Я и не подозревал, что в разгар моей работы Кханг Ю Вэй и его ученик Леанг Кай Чиу, с которыми я часто встречался в Пекине в течение предыдущего года, занимались великой работой по реформированию, которая вскоре должна была завершиться судьбоносным *государственным переворотом 1898 года*.

ГЛАВА XXII

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 1898 ГОДА

Государственный переворот, произошедший в сентябре 1898 года, стал памятным событием в летописи маньчжурской династии. В результате переворота покойный император Кван Су был самовольно свергнут с престола, изменнически превращен в государственного преступника, а его prerogatives и права императора Китайской империи были отняты и узурпированы вдовствующей императрицей Чи Си.

Кванг Су, хотя и был коронован императором в пятилетнем возрасте, все это время владел скипетром лишь номинально. Именно Чи Ся постоянно стоял у руля власти.

Как только Кванг Су достиг совершеннолетия и начал осуществлять свои полномочия императора, от него не отрывался рысий глаз Чи Ся. За его действиями и перемещениями следили самым пристальным образом и смотрели на него в любом свете, кроме правильного, потому что ее собственная позиция в правительстве никогда не была законной и прямой с 1864 года, когда ее первое регентство над собственным сыном, Тунг Чи, пробудило в ней стремление доминировать и править, которое превратилось в страсть, слишком болезненную и сильную, чтобы ее можно было обуздать.

Утверждение своей истинной мужественности и осуществление своей суверенной власти, его решимость реформировать правительство сразу же сделали его центром внимания Пекина, как внутри дворца, так и за его пределами. В глазах вдовствующей императрицы Чи Си, чья сетчатка глаз была затуманена деяниями, совершенными в интересах узурпации, и ослеплена ревностью, Кван Су представал не иначе как слабоумным, или, выражаясь мягче, имбецилом, которого можно было лишь привязать за веревочку к фартуку, заботиться о нем и следить за ним. Но для незаинтересованного зрителя и беспристрастного судьи Кван Су не был ни имбецилом, ни тем более слабоумным. Беспристрастная история и потомки признают его не только императором-патриотом, но и патриотом-реформатором - таким же психически здоровым и здравомыслящим, как любой император, когда-либо восседавший на китайском

троне . Его можно считать самым выдающимся историческим персонажем маньчжурской династии, ведь именно он был выбран мудрым Провидением в качестве пионера великого реформаторского движения в Китае на пороге двадцатого века.

Как раз в этот период политического состояния Китая волна реформ достигла Пекина. Император Кван Су под каким-то таинственным влиянием, к изумлению всего мира, стал выразителем этого реформаторского движения. Я решил остаться в городе, чтобы наблюдать за его развитием. Моя штаб-квартира стала местом встречи ведущих реформаторов 1898 года. Именно осенью того памятного года произошел *государственный переворот*, в результате которого молодой император Кванг Су был свергнут вдовствующей императрицей, а некоторые из ведущих реформаторов арестованы и обезглавлены.

Будучи замешанным в укрывательстве реформаторов и глубоко сочувствуя им, я был вынужден спасти свою жизнь и сумел бежать из Пекина. Я поселился в иностранном поселении в Шанхае. Там я организовал "Совещательную ассоциацию Китая", первым президентом которой был избран. Целью ассоциации было обсуждение ведущих вопросов современности, особенно реформ.

В 1899 году мне посоветовали в целях личной безопасности сменить место жительства. Я отправился в Гонконг и отдал себя под защиту британского правительства.

Я пробыл в Гонконге с 1900 по 1902 год, когда вернулся в Соединенные Штаты, чтобы увидеть, как мой младший сын, Бартлетт Г. Юнг, заканчивает Йельский университет.

Весной 1901 года я посетил остров Формоза, где встретился с виконтом Гентаро Кодамой, губернатором острова, который во время русско-японской войны 1904-5 годов был начальником штаба маршала Оямы в Маньчжурии. В ходе беседы нам пришлось общаться через его переводчика, поскольку он, Кодама, не знал английского, а я - японского.

Он сказал, что рад меня видеть, поскольку много слышал обо мне, но никогда не имел удовольствия встретиться со мной. Теперь, когда у него появилась такая возможность, он сказал, что может сообщить мне очень неприятную, если не сказать болезненную информацию. Несколько удивленный таким заявлением, я спросил, что это за информация. Он сказал, что получил от вице-короля Фухкейна и Чхэкиана официальную депешу с просьбой арестовать меня, если я буду обнаружен на Формозе, и отправить на материк для передачи китайским властям. Сообщая эти сведения, Кодама не проявил ни малейшего волнения ни в мыслях, ни в чувствах, но все его лицо было овеяно спокойной и даже игривой улыбкой.

Меня не взволновало это неожиданное известие, и я ничуть не разволновался. Я встретил его спокойно и прямо и сказал в ответ, что я полностью в его власти, что он может предать меня врагам, когда пожелает; я готов умереть за Китай в любое время, если только эта смерть будет почетной.

"Что ж, мистер Юнг, - сказал он, - я не собираюсь играть роль констебля в Китае, так что вы можете быть спокойны на этот счет. Я не выдам вас Китаю. Но у меня есть еще одно дело, на которое я хочу обратить ваше внимание". Я спросил, в чем дело. Он тут же протянул мне китайскую газету и спросил, кто автор этого предложения. Без малейших колебаний я ответил, что являюсь автором предложения. Я ответил, что автор - я. В то же время, чтобы подчеркнуть это открытое заявление, я два или три раза приложил раскрытую правую ладонь к груди, что привлекло внимание всех присутствующих в комнате и вызвало легкое волнение среди японских чиновников.

Затем я сказал: "С позволения вашего превосходительства, я должен попросить внести одно исправление в указанную сумму; вместо 800 000 000 долларов в моем предложении было указано только 400 000 000 долларов". Такое откровенное и открытое заявление и исправленная сумма явно обрадовали Кодаму, и он заметно продемонстрировал свое удовольствие, улыбнувшись мне.

В китайской газете, которую мне показал Кодама, содержалось предложение, составленное мною для вице-короля Чанг Чи Тунга, чтобы он направил его пекинскому правительству для принятия в 1894-5 годах, примерно за полгода до подписания Шемонашкского договора вице-королем Ли Хунг Чангом. Предложение заключалось в том, чтобы заложить остров Формоза одной из европейских договорных держав на девяносто девять лет за сумму в 400 000 000 долларов в золоте. На эту сумму Китай должен был продолжить войну с Японией, создав новую армию и новый флот. Это предложение так и не было реализовано, но было обнародовано в китайских газетах, и его копия попала в офис Кодамы, где, как ни странно, я столкнулся с ним, и у меня хватило морального мужества не только подтвердить его авторство, но и исправить сумму, на которую должен был быть заложен остров.

В завершение беседы я сказал, что, если когда-нибудь возникнут подобные обстоятельства, ничто не мешает мне повторить то же самое предложение, чтобы сразиться с Японией.

Эта беседа с японским губернатором Формозы стала одной из самых запоминающихся в моей жизни. Сначала я подумал, что по требованию китайского вице-короля меня собираются выдать и что моя судьба предрешена; но не успела сверкающая улыбка Кодамы озарить его лицо, как уверенность в жизни и безопасности вернулась с удвоенной силой, и я был воодушевлен, чтобы говорить о войне с Японией совершенно безнаказанно. Смелая и открытая позиция, которую я занял в тот раз, вызвала восхищение губернатора, который затем пригласил меня сопровождать его в Японию, куда он вскоре должен был отправиться для повышения по службе. Он сказал, что представит меня японскому императору и другим ведущим людям страны. Я сердечно поблагодарил его за доброту и приглашение и сказал, что принял бы столь щедрое приглашение и считаю большой честью сопровождать его в задуманном путешествии, но мое здоровье не позволит мне воспользоваться этим. В то время я сильно болел астмой.

Затем, перед тем как расстаться, он сказал, что моя жизнь в опасности и что, пока я нахожусь на Формозе под его юрисдикцией, он позаботится о том, чтобы меня хорошо защищали, и сказал, что предоставит мне телохранителя, чтобы предотвратить все возможности покушения. Поэтому на следующий день он прислал мне четырех японских охранников, чтобы они сторожили меня ночью в моих покоях; а днем, когда я выходил, двое охранников шли впереди меня и двое позади моего джинрикиши, чтобы убедиться, что я в безопасности. Такая охрана сохранялась в течение нескольких дней, которые я провел на Формозе, пока я не отплыл в Гонконг. Я лично отправился поблагодарить губернатора и выразить ему свою признательность за глубокий интерес, который он проявил ко мне.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Выступление преподобного Джозефа Х. Твичелла в Кентском клубе Йельской школы права 10 апреля 1878 года.

Приезжий в Хартфорд в настоящее время может встретить на улицах группы китайских мальчиков в их родной одежде, хотя и несколько измененной, и говорящих на их родном языке, но, тем не менее, кажущихся очень домашними. Иногда он также встретит китайских

мужчин, которые своей походкой произведут на него впечатление джентльменов своей расы.

Эти джентльмены - офицеры, а эти мальчики - ученики Китайской образовательной миссии, хотя это одно из самых замечательных и значимых учреждений эпохи на всей земле. Целью миссии, существующей уже почти шесть лет, является обучение в этой стране в течение пятнадцати лет корпуса молодых людей для службы в китайском правительстве; правительство оплачивает все расходы - ежегодные расходы составляют около 100 000 долларов. Численность корпуса составляет пять человек, а именно: два императорских комиссара, переводчик и и два учителя. Задача учителей - руководить китайским образованием учеников, которое проходит *параллельно* с западным. Первоначально число учеников составляло 120 человек, но сейчас их 112, один умер, а семеро по разным причинам вернулись в Китай. Прекрасный большой дом, недавно возведенный китайским правительством в западной части города, стоимостью в пятьдесят тысяч долларов, является штаб-квартирой Миссии. Там находятся офисы служащих, а также проживает класс, который присутствует для проведения экзаменов и обучения китайскому языку. Для этого ученики делятся на классы примерно по двадцать человек, один из которых приезжает, а другой уезжает, и каждый остается в доме Миссии по две недели за раз. Лишь небольшая часть из общего числа постоянно проживает в Хартфорде. Большинство из них находятся в других местах, хотя и недалеко, обычно по двое посещают школу или получают частные уроки в семьях.

Они приезжают ежегодными компаниями по тридцать человек, начиная с 1872 года, и последний отряд до сих пор занимается в основном изучением нашего языка.

План состоит в том, чтобы предоставить этим мальчикам преимущества наших лучших учебных заведений - академий, колледжей и, в некоторой степени, профессиональных школ - чтобы постепенно, по мере развития их способностей, направлять их на различные специальные курсы обучения и подготовки в области физических, механических и военных наук, политической истории и экономики, международного права, принципов и практики гражданского управления и во всех отделах и отраслях знаний, навыки в которых полезны для государственной службы в наши дни. И на протяжении всего процесса обучения им должно внушаться, что они принадлежат и должны принадлежать своей нации, ради которой они избраны, чтобы пользоваться этими великими и особыми возможностями. В результате, если все пойдет хорошо и план будет осуществлен, - а сейчас, очевидно, ничто не может этому помешать, - в 1887 году или около того из этой страны в Китай отправится около сотни мужчин, выросших в чрезвычайно благоприятных условиях от ранней юности до зрелости здесь, среди нас, которым суждено занять важные места в правительстве и обществе их родной страны, лучше подготовленных всем накопленным опытом, чтобы сделать для этой страны то, что больше всего нужно сделать, и вдохновленных для своей работы более просвещенным чувством патриотического долга и ответственности, чем любая другая сотня ее сыновей их поколения. И кто может предсказать или оценить последствия, которые готовит Божественное Провидение?

КОМИССАР ЮНГ ВИНГ

Такова в общих чертах Китайская образовательная миссия в Соединенных Штатах. Главой и фронтом всего этого чудесного предприятия, говоря человеческим языком, является комиссар Юнг Винг. Хотя другие, чье сотрудничество было незаменимым, внесли, как будет показано далее, свой вклад в него и до сих пор стоят за его спиной, и справедливо разделяют с ним его заслуги, ему больше, чем любому другому человеку, возможно, больше,

чем всем другим людям, причитается его существование. Его история, до сих пор, не может быть рассказана лучше, чем в этой связи, так тесно связаны эти две истории. Но тот, кто говорит о Юнг Винге, должен соблюдать принцип, согласно которому мы должны быть скромными по отношению к скромному человеку, ведь такого скромного человека, как он, редко встретишь. Он родился в 1828 году в скромной семье, недалеко от города Макао в Южном Китае. В 1839 году он стал учеником детской школы, которую открыла миссис Гутцлафф, жена английского миссионера; его родители согласились на это, полагая, что ему будет полезно изучать английский язык. Оказавшись способным учеником, он со временем был переведен в школу Моррисона, основанную английскими купцами в Макао и названную в честь Роберта Моррисона, первого английского протестанта, но в это время находившуюся под руководством преподобного С. Р. Брауна, учителя, нанятого Образовательным обществом Моррисона. Когда позже эта школа была переведена в Гонконг, он перешел в нее и оставался в ней до приезда в эту страну. Однако в это время он пережил серьезный перерыв, связанный со смертью отца, что потребовало от него вернуться домой и, будучи еще мальчиком, помогать в содержании семьи. Так он и поступил, работая в типографии португальской римско-католической миссии в Макао.

В 1847 году мистер Браун, давно отметивший его терпеливое усердие в учебе, проявленные им способности и некую изначальную силу воли и твердость характера, привез его в возрасте шестнадцати лет вместе с двумя другими местными ребятами, тоже его учениками, примерно того же возраста, в Соединенные Штаты; Эндрю Шортрейд, великодушный шотландец, основатель, владелец и редактор "*Чайна мейл*", издаваемой в Гонконге, обязался в течение двух лет предоставлять средства для их содержания. Трое мальчиков вместе поступили в академию в Монсоне, штат Массачусетс, и были приняты в семью матери мистера Брауна, жившей в Монсоне, царственной женщины, чье имя запомнилось в церкви Христа как имя автора гимна "Я люблю ненадолго отлучиться". Именно будучи членом ее благочестивой семьи, Юнг Винг стал верующим христианином.

Не будет лишним сообщить здесь как факт, значение которого будет легко оценено, что по его инициативе сын, родившийся у него в 1876 году, - его первенец - был назван в крещении Моррисоном Брауном, что является красноречивым актом признания и исповедания. Из двух компаньонов Винга один, Вонг Шинг, был вынужден по состоянию здоровья вернуться в Китай в следующем году. Там, в редакции газеты "*Чайна мейл*", он научился печатному искусству. С 1852 или 1853 года он несколько лет работал в типографии *Лондонской миссии* под руководством доктора Легге, ныне выдающегося профессора китайского языка и литературы в Оксфордском университете. В 1873 году он сопровождал второй отряд китайских студентов в эту страну, а в настоящее время назначен переводчиком в китайское представительство, которое вскоре будет создано в Вашингтоне.

Второй, Вонг Фун, отправился в Шотландию в 1850 году и после двух лет общего обучения поступил на медицинский факультет Эдинбургского университета, который окончил с очень высокими почестями. Вернувшись в Китай в 1856 году, он начал медицинскую практику в городе Кантон и пользуется огромным уважением на всем побережье, как за свой личный характер, так и за профессиональные таланты, считаясь многими иностранными жителями самым искусным врачом во всем регионе Востока за пределами Калькутты. Вонг Фун умер 15 октября 1878 года.

В ЙЕЛЬСКОМ КОЛЛЕДЖЕ

После двух с половиной лет, проведенных в Монсоне, штат Массачусетс, в 1850 году Юнг Винг был принят в первый класс Йельского колледжа, хотя и с трудом, но из-за нехватки

времени. Его карьера в колледже была, в некоторых отношениях, примечательной. Из-за недостаточной подготовки он, хотя и упорно трудился, не занял высоких позиций в общей эрудиции, но преуспел на факультетах письма и метафизики и произвел фурор за стенами колледжа, неоднократно получая призы за сочинение на английском языке. На протяжении всего обучения он боролся с бедностью - обстоятельство, объяснение которого заслуживает внимания. Став христианином в Монсоне, он услышал и сразу же принял Божественный призыв посвятить свою жизнь христианскому служению своему народу. Но какова должна быть форма этого служения? На этот вопрос ему предстояло ответить, по крайней мере частично. Предполагалось, да и предполагалось его друзьями и общественностью, насколько это было известно, что он будет служителем Евангелия. Но именно тогда, после долгих размышлений и молитв, этот семнадцатилетний юноша, ни в коем случае не сомневаясь в ценности христианских миссий, полностью признавая тот факт, что он сам был непосредственным плодом христианских миссий, - а это, да будет вам известно, так и было, - пришел к выводу, с характерной для него даже в этом возрасте независимостью, что миссионером ему быть не стоит. Тогда у него было подозрение, хотя и неясное, что он нужен для чего-то другого. Это был дорогостоящий вывод, и он вполне отдавал себе в этом отчет. Оно противоречило взглядам и надеждам большинства окружавших его людей, и, не имея денежных средств, он отрезал себя от ресурсов тех благотворительных фондов, которые помогли бы ему как студенту, готовящемуся к служению. Так что в колледже он был беден; сейчас он улыбается, вспоминая, насколько беден. Однако он получал помощь от заинтересованных в нем лиц в Нью-Хейвене и других местах, в основном через профессора Тэтчера, чья забота о нем в этом вопросе вызывает его живейшую благодарность и по сей день. И он справился. Он пришел в колледж в кии и китайской тунике, но в течение первого года учебы снял и то, и другое.

Его национальность делала его в значительной степени чужаком, и это, наряду с его крайней природной замкнутостью и бедностью, не позволяло ему принимать активное участие в общественной жизни колледжа. У него было не так много близких людей, но он вел себя так, чтобы заслужить и завоевать полное уважение всего своего класса. Именно во время долгих прогулок и бесед со своим одноклассником, Кэрролом Катлером, ныне президентом Западного резервного колледжа, он открыл и обсудил проект китайской образовательной миссии, который тогда формировался в его голове. Идея родилась, мечта обретала форму, но путь к ее осуществлению был долог.

Его выпускной в 1854 году стал событием торжественного собрания того года. По крайней мере, так считали многие, и некоторые из них пришли на выпускной главным образом ради того, чтобы увидеть китайского выпускника. Среди последних был доктор Бушнелл из Хартфорда. Он был наслышан о нем и, будучи сильно заинтересованным, в соответствии с размерами своего большого ума и сердца, в китайской расе, захотел встретиться с Юнг Вингом. Один случай их встречи, о котором писатель слышал рассказ доктора Бушнелла, стоит повторить: Когда их представили друг другу, доктор в качестве одной из причин своего знакомства назвал то, что он хотел выяснить, кто написал некоторые газетные статьи по китайскому вопросу в его нынешнем виде, которые привлекли его внимание как свидетельствующие о государственной мудрости. Он подумал, что Винг может знать. После этого, как сказал доктор, Винг повесил голову и, краснея как девушка, с большим смущением признался, что он их автор. Справедливости ради следует добавить, что мистер Винг утверждает, что не помнит этого инцидента. Но не менее справедливо будет добавить, что в подобном случае памяти доктора Бушнелла или кого-либо еще стоит доверять больше, чем памяти Юнг Винга.

К моменту окончания учебы Винг был настолько искушен, насколько это было возможно, чтобы изменить план своей жизни. Он прожил в этой стране достаточно долго, чтобы стать здесь натурализованным. По сути, он был гражданином. Все его вкусы, чувства и привязанности, интеллектуальные и моральные, делали его здесь своим домом. Более того, благодаря тому, что он получил диплом, перед ним открылась весьма привлекательная возможность остаться и сделать здесь карьеру, если он того пожелает. С другой стороны, Китай был для него как чужая земля. Он даже почти полностью забыл свой родной язык. И в Китае не было ничего, куда бы он мог поехать. Кроме как среди своих скромных сородичей, у него не было друзей; не было ничего, что могло бы обеспечить ему хоть какое-то положение или внимание, не было, так сказать, места, на которое он мог бы ступить. Мало того, если учесть, где он был, кем стал и какую цель преследовал, он не мог не столкнуться с предрассудками, подозрениями, враждебностью среди своих людей. В этом направлении перед ним открывалась невеселая, запретная перспектива. Мысль о возвращении была равносильна мысли об изгнании. Он очень хотел остаться. Но был один текст Священного Писания, который, по его словам, все это время преследовал его и шел за ним, как глас Божий. Это было следующее: "Если кто не заботится о своих, и особенно о домашних своих, тот отрекся от веры и хуже неверного". А слова "свои" и "дом свой" означали для него нацию, в которой он родился. Текст выдержал испытание. Блага, которые он был как бы выделен из целого народа, чтобы получить их, чувство справедливости и благодарности не позволили ему присвоить в своих интересах. И вот, хотя он не знал, что его ждет, он решил вернуться; и он пошел делать то, что сделал.

Вскоре после окончания университета он отплыл в Гонконг, которого после 151 дня плавания достиг в апреле 1855 года. Когда на борт поднялся китайский лоцман, он обнаружил, что с некоторым трудом может понять его слова, хотя не мог заставить лоцмана понять его, что показывает состояние его знания китайского языка по прибытии в страну. Ему потребовалось все время, пока он не был занят другой работой, в течение двух лет, чтобы приобрести навыки его использования.

ДЕЛАЯ ПЕРВЫЕ ШАГИ В ЖИЗНИ

Что касается его грандиозного плана, то он решил, что первый шаг к его осуществлению - это придумать способ донести его до какого-нибудь влиятельного государственного человека или людей, что само по себе было бесконечно сложно. С этой целью, хотя, конечно, и для того, чтобы заработать на жизнь, он стал искать и получил должность частного секретаря при почтенном Питере Паркере, тогдашнем комиссаре Соединенных Штатов в Китае, надеясь, что это станет для него средством доступа, которого он желал. Убедившись после достаточного испытания, что эта должность не оправдывает его ожиданий, он через несколько месяцев покинул ее. Теперь он попытался решить вопрос другим способом. В Гонконге существовала английская коллегия адвокатов, состоявшая из дюжины или около того юристов, которые вели дела иностранных торговых домов этого города. Винг подумал, что положение и знакомства, полученные в результате его членства в этой коллегии, не исключено, принесут ему возможность, которую он искал. Поэтому он поступил в одну из контор в качестве студента. Но вскоре среди адвокатов стало известно, кто этот молодой человек, каково его образование, и они поняли, что его конкуренция с ними за право заниматься юридической практикой в китайском городе - вещь недопустимая, если ее можно предотвратить. И вот его директор, ссылаясь на команды своих братьев-юристов, сообщил ему, со многими учтивыми выражениями сожаления, что он должен найти другое место для изучения права. А поскольку другого места не нашлось, ему пришлось отказаться от этого.

После этого последовал почти двухлетний перерыв, в течение которого он занимался изучением китайского и других языков, зарабатывал на хлеб коммерческими переводами, которые ему удавалось найти, и ждал, когда подвернется подходящий случай. Затем он, руководствуясь той же надеждой, которая привела его к предыдущим экспериментам, устроился на работу в таможенную службу в Шанхае. Но и это, по его мнению, не сулило ничего *хорошего* для его деятельности, и он вскоре оставил это занятие.

На дворе стоял 1860 год. Пять лет и ничего не достигнуто! Со стороны могло показаться, что Юнг Винг до сих пор вел неопределенный и довольно беспечный образ жизни; но только не в том случае, если бы он проникся его настоящей политикой и целью, которая всегда лежала ближе всего к его сердцу; конечно, не в том случае, если бы он знал, что все это время, пока он перебивался с одного дела на другое и оставался бедным, он отказывался от предложений работы по таким ставкам вознаграждения, которые ему, так долго привыкшему к выпрямленной партии, казались не более чем княжескими. В 1860 году, однако, один из ведущих шелковых и чайных домов Шанхая предложил ему поступить на службу в качестве агента, путешествующего внутри страны, и по той причине, что это позволило бы ему совершить турне по широкой территории страны и получить знания, которые, как он считал, будут ему полезны, он решил согласиться. Этим делом он занимался в течение года, а затем, видя, что ему представился хороший шанс, занялся бизнесом для себя, который оказался настолько выгодным предприятием, что, если бы он продолжал им заниматься, то, судя по всему, быстро бы разбогател. Так и случилось, он заработал весьма значительную сумму денег.

Но в 1862 году перед ним неожиданно открылась дверь возможности, к которой он постоянно стремился с того самого дня, как высадился в Китае.

Это произошло следующим образом: Находясь в Шанхае, он познакомился с китайским астрономом - человеком высокого ранга и выдающейся учености. Вернее, астроном, каким-то образом узнавший о происхождении Винга, искал с ним знакомства, чтобы поговорить с ним об астрономии. В ходе неоднократных бесед, в ходе которых их знакомство дошло до степени взаимного дружеского уважения, Винг, который унес из колледжа лучшие знания по астрономии, чем большинство выпускников, рассказал ему все, что знал, что было большим прогрессом по сравнению с его собственными предыдущими приобретениями в этой науки. Этот астроном был офицером великого Цанг Квох Фана, вице-короля провинций Кианг Су и Кианг Нан, генералиссимуса императорских войск и одного из самых выдающихся и ведущих людей во всей империи. По совету астронома он вскоре отправил послание Юнг Вингу, желая увидеться с ним и намекая на желание взять его к себе на службу. Хотя на послание был дан положительный ответ, при всех обстоятельствах и по причинам, которые невозможно объяснить, Винг долгое время медлил с личным ответом. Ситуация была щекотливой и требовала от него крайней осторожности и осмотрительности.

Но в конце концов он нанес Цан Ко Фан обещанный визит. Он чувствовал, что случай критический, и, когда его ввели в присутствие великого человека, с трудом сохранил самообладание. Цанг Кох Фан сначала окинул его долгим, напряженным, пронзительным взглядом. Как говорит Винг, никогда в жизни на него не смотрели так, как сейчас. Затем, заставив его сесть, он потребовал от него рассказать о своей истории, что тот и сделал. Затем он расспросил его о его взглядах на Китай - о его потребностях, перспективах, государственной политике и так далее. Последовал долгий разговор, в ходе которого вице-король изложил свои взгляды, а Винг с изумлением слушал. Ведь перед ним был человек, о существовании которого в этой стране он и не подозревал, - человек, выросший в Китае, и к тому же не молодой, - у которого был свет в голове; который понимал причины многих

недостатков, с которыми сталкивается Китай, занимая свое место в семье наций; человек удивительно либеральных и прогрессивных настроений.

СДЕЛАЛ МАНДАРИН

В результате беседы Винг поступил к нему на службу и получил звание мандарина пятого ранга - в китайской чиновничьей системе существует девять степеней этого достоинства. В это время великое восстание тайпинов достигло своего апогея, и Цан Ко Фан находился в полевых условиях. Собственно, беседа состоялась в его лагере в Нганкине, на реке Янцзы. Сначала вице-король предложил Вингу военное командование, от которого тот, сославшись на недостаточную квалификацию, попросил разрешения отказаться. Вскоре после этого, в 1864 году, он по собственному предложению был отправлен за границу для закупки оборудования для производства оружия, для чего ему было поручено израсходовать крупную сумму денег. С этим поручением он посетил Францию и Англию, а также Соединенные Штаты, но в конце концов отдал свои распоряжения здесь. Вернувшись со своими покупками в Китай в 1865 году, он настолько удовлетворил своего начальника, что был переведен в следующий, более высокий ранг чиновников, а именно в четвертый. Купленное им оборудование легло в основу арсенала Кианг-Нан. Любопытно отметить, что первым делом человека, чьей высшей целью было, исходя из христианских побуждений, продвинуть свою страну вперед в цивилизации, должно было стать создание арсенала. Но это вполне соответствовало идеям Юнг Винга, которые были глубоко патриотичны.

С 1865 по 1870 год он работал в разных местах, находясь в подчинении то у одного начальника, то у другого. Среди работ, которые он выполнял в этот период, важное место занимали переводы. Он перевел на китайский язык "Договорное право" Парсона и книгу английского права. Он также перевел значительную часть "Географии" Колтона, считая, что географические знания могут оказаться полезными для его соотечественников, как никакие другие.

Но самым близким его сердцу и постоянно стоящим перед ним был вопрос о том, как осуществить план, на который он так много лет возлагал надежды. Теперь у него было достаточно возможностей для его разъяснения и отстаивания, и он делал это с неиссякаемым упорством. Главный аргумент, который он использовал, был следующим: Китай в своих международных отношениях, в торговых и других сношениях с иностранными народами терпит неудобства и большой вред от отсутствия людей, способных по образованию выступать в качестве его представителей. Она вынуждена нанимать на многие важнейшие должности, которые должны занимать ее собственные граждане, иностранцев, которые могут пренебречь ее интересами или предать их. Ее крепости, ее военные корабли, ее вооруженные силы, ее таможня в значительной степени находятся в ведении иностранцев". Как, спрашивал он, может быть правильным, чтобы американец Энсон Берлингейм был ее главным агентом при заключении договора с его собственной страной и другими западными правительствами? Такова была общая линия его рассуждений.

Большинство, к кому он обращался с этим вопросом, выслушали его с безразличием, но было три человека, на которых он произвел впечатление - все они были людьми высокого ранга и обладали огромным влиянием. Это были уже упомянутый вице-король Цан Ко Фан, Ли Хунг Чанг, ныне вице-король столичной провинции Чихли и крупнейший китайский государственный деятель, и Тинг И Тчеанг, тогдашний губернатор провинции Кианг Су. Однако эти люди, убежденные доводами Винга и явно благосклонные к его проекту, при всем своем высоком положении и влиянии, не были готовы решиться на попытку провести его в

жизнь с помощью императорского правительства. Против него выступили бы все силы консерватизма; время для этого еще не пришло.

Однако в 1867 году губернатор Тинг, который был самым волевым из троих, обратился к императорскому министру по имени Ван Чэанг, на основании чего ему было рекомендовано направить мемориал по этому вопросу в императорский совет в Пекине, а Ван Чэанг обязался довести его до сведения совета. Ситуация в этот момент была довольно обнадеживающей, но прежде чем мемориал попал в Совет, умерла мать Ван Чэана, после чего он, по закону китайского чиновничьего этикета, был отстранен от государственной жизни на целых три года, и все дела вернулись на круги своя. Это были годы больших испытаний для Юнг Винга. С одной стороны, он процветал, но надежда, которой он был предан, так долго откладывалась, что его сердце часто болело. Поймите, что в Китае он вел по сути одинокую жизнь. Вскоре после своего возвращения в 1855 году он, в соответствии со своими представлениями о том, что должно было соответствовать его цели, вернулся к своей родной одежде и идентифицировал себя не только внешне, но и в значительной степени во всех других отношениях со своим народом. Особенно с тех пор, как он стал чиновником китайского правительства, он жил в китайском обществе и почти полностью исчез из других обществ. У него были книги, он старательно следил за тем, что происходило в мире науки и литературы за его пределами, - это был его единственный ресурс, - но, несмотря на это, он был очень одинок и одинок. Препятствия, стоявшие на пути его начинаний, были столь многочисленны и столь основательны, что порой он был готов бросить все, но только наполовину.

Одна из вещей, которые удерживали его на этом пути, не носила характер ободрения, но отлично помогала ему в качестве противоядия от воздействия на его дух уныния. До него то и дело доходили слухи, что его американские и английские друзья в Китае шепчутся между собой, что он неудачник, что ему выпал благородный шанс, а он не знал, как его использовать; что он непрактичен; и что эта его затея совершенно провидческая и никогда не может быть успешной. Всякий раз, когда Винг слышал об этом, он сжимал зубы и принимался за новое дело. Но в итоге его вера и мужественность подверглись жесточайшему испытанию.

Однако конец наступил, как всегда бывает в таких случаях, и наступил почти драматически. В июне 1870 года в Тенцине произошла ужасная трагедия, получившая название "Тенцинская резня", в ходе которой китайская толпа убила значительное число французских римско-католических миссионеров, мужчин и женщин. После этого в том же году в Тяньцине собралась комиссия, назначенная иностранными державами, дипломатически представленными в Китае, чтобы расследовать это возмущение и определить размер компенсации за него, а также аналогичная комиссия, назначенная китайским правительством и уполномоченная урегулировать это дело. Китайская комиссия состояла из пяти человек, и трое из них были теми тремя людьми, о которых уже упоминалось, - наместники Цан Ко Фан и Ли Хунг Чанг, а также губернатор Тинг И Чэанг.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

В это время Юнг Винг находился под официальным контролем последнего, который, будучи вызван в Тяньсин, послал ему весточку, поскольку тот находился на расстоянии от него, чтобы он как можно скорее присоединился к комиссии в Тяньсине, поскольку его услуги будут там необходимы. Винг, хотя и поспешил, прибыл на место с опозданием и нашел дело завершенным. Но, получив отчет о трудностях, сопутствовавших его проведению, и заметив, что члены комиссии осознают свою невыгодность в этом деле, он увидел благоприятный

случай для нанесения удара в пользу своей схемы, и он воспользовался им. Он повторил свои аргументы, подкрепив их иллюстрацией из конкретного случая, и с максимальной серьезностью настаивал на том, что медлить нельзя. И на этот раз он одержал верх. Трое друзей его идеи, находясь вместе и поддерживая друг друга, тогда же договорились, что немедленно примут меры, чтобы предложенное им дело было сделано, и будут оказывать свое объединенное влияние на правительство в его пользу. Они сдержали свое соглашение. Они поставили свои имена под меморандумом, в котором рекомендовали воспитать за границей корпус молодых людей для государственной службы и за государственный счет. Этот мемориал они переслали в Пекин, где поддержали его всеми доступными им средствами, и в результате в августе 1871 года рекомендованная мера была принята Императорским правительством, а на ее осуществление была выделена сумма в 1 500 000 долларов.

Мандарин Юнг Винг был едва в состоянии поддерживать радость от своего триумфа. В течение двух дней, как он рассказывал писателю, он не мог ни есть, ни спать. Он ходил по воздуху и поклонялся Богу. Только через шестнадцать лет после его возвращения в Китай и через двадцать лет после того, как он отправился к этой цели, небеса наконец-то исполнили его молитву. Организация предприятия была в основном возложена на него. Долгосрочный пятнадцатилетний срок, на который был рассчитан курс обучения и подготовки, является его особой заслугой и отражает масштабность человека, тип его ума и характера.

В Шанхае сразу же была открыта школа кандидатов, из которой ученики должны были отбираться на конкурсной основе, и, как уже говорилось, первый отряд из тридцати человек прибыл в Соединенные Штаты в 1872 году. Место расположения Миссии также было определено им самим. Он мог бы организовать ее в Англии, или Франции, или Германии; но, как он сам выразился, свет, который просветил его, сиял из Америки и Новой Англии, и он с самого начала решил, что эта Миссия должна быть направлена в Америку и Новую Англию.

Он был назначен главным комиссаром Миссии, получив вместе с этим назначением свое второе повышение в чине, а именно: до третьего класса или класса "синей кнопки". Вместе с ним в качестве сокомиссара был назначен маститый ученый и сановник Чин Лан Пин, который, однако, пробыл в этой стране менее двух лет, уступив свое место более молодому человеку, Нгау Нго Лянгу, хорошо воспитанному, отличающемуся образованностью и весьма приятному джентльмену.

Студенты Миссии до сих пор, за редким исключением, проявляли отличные способности как ученые, а во многих случаях и необыкновенные способности, и, за редким исключением, отличались примерным поведением. Везде их принимали очень радушно. Они, безусловно, достойны того, чтобы стать объектом самого высокого и дружеского интереса для каждого христианского гражданина Соединенных Штатов.

11 декабря 1876 года Юнг Винг был назначен помощником министра вместе со своим бывшим коллегой по Образовательной миссии Чин Лан Пином в Соединенные Штаты, Перу и Испанию. По этому случаю он был вновь повышен в чине, то есть до второго класса или класса Красной пуговицы, и получил титул Тао-тай (или интенданта) провинции Кианг Су.

Он рассчитывает, что с приближением приезда Чин Лан Пина в страну он займет резиденцию в Вашингтоне, но не откажется от общего руководства учреждением, которое так дорого ему и которое так дорого ему обошлось, и с которым связаны его лучшие патриотические надежды на родину, - ведь он патриот с головы до ног, всеми фибрами своего тела. Он любит китайскую нацию и верит в нее, не сомневаясь, что впереди ее ждет великая карьера, достойная ее благородной земли и ее великой древности.

Если бы целью писателя было возвеличить Юнг Винга, а это не так, а только рассказать о китайской образовательной миссии в США, то о нем можно было бы рассказать еще много, и все это покажет, что он был из того материала, из которого делают героев, и одним из самых значительных персонажей современной цивилизации. Но поскольку рассказывать о них было бы отклонением от поставленной цели, а также потому, что публикация этих сведений нанесла бы серьезную обиду Юнг Вингу, они обойдены вниманием. Напоследок следует сказать, что даже приписывая ему столь большую заслугу в работе Образовательной миссии, доля, которую он позволяет себе, сильно преувеличена. Главную честь он привык возлагать на тех трех китайцев, которые так мощно помогли ей своим влиянием. Цан Ко Фан умер в 1871 году. Его портрет висит на стене Дома Миссии в Хартфорде; там же находятся портреты двух других. Мальчиков учат почитать этих людей как своих благодетелей. И они достойны почитания. Их имена заслуживают того, чтобы их помнили, и будут помнить, и не только в Китае. И все же, несомненно, если бы не было Юнг Винга, это их прославленное доброе дело никогда не было бы совершено.

Серия "Общественные проблемы Америки

Под редакцией Ральфа Кертиса Рингволта

Китайская иммиграция

Мэри Робертс Кулидж, бывший адъюнкт-профессор социологии в Стэнфордском университете. 531 стр., \$1,75 нетто; по почте - \$1,90. (*Только что издана.*)

Представляет собой наиболее полный отчет о китайцах в Соединенных Штатах, который еще не был предпринят.

"Научная работа. Охватывает каждый важный этап - экономический, социальный и политический - китайского вопроса в Америке вплоть до пожара в Сан-Франциско в 1906 г." - *New York Sun*.

"Государственный деятель. Очень интересная." - *Hartford Courant*.

"Удивительно тщательное историческое исследование. Своевременное и полезное. Дополнено большим количеством документальных фактов и свидетельств." - *Chicago Record-Herald*.

Иммиграция: И ее влияние на Соединенные Штаты

Прескотт Ф. Холл, A.B., LL.B., секретарь Лиги по ограничению иммиграции. 393 стр. 1,50 долл. нетто; по почте 1,65 долл.

"Должна быть интересна всем. Очень легко читается, убедительно и убедительно. Мистер Холл рассматривает все возможные фазы этого великого вопроса и делает это мастерски, что показывает не только его глубокое понимание, но и то, что он глубоко заинтересован в нем и изучил все, что имеет к нему отношение" - "Бостон *транскрипт*".

"Читабельная работа, содержащая огромное количество ценной информации. Особого одобрения заслуживает обсуждение расовых эффектов. Как надежное руководство общего характера она должна оказаться просто находкой" - *New York Evening Post*.

Выборы сенаторов

Профессор Джордж Х. Хейнс, автор книги "Представительство в законодательных органах штатов". 300 стр. 1,50 долл. нетто; по почте 1,65 долл.

Показывает исторические причины нынешнего метода, его влияние на Сенат и сенаторов, а также на органы власти штатов и местного самоуправления, с подробным обзором аргументов за и против прямых выборов.

"Своевременная книга..... Профессор Хейнс обладает достаточной квалификацией для написания исторического и аналитического трактата по теме Сената."-*New York Evening Sun*.

ГЕНРИ ХОЛТ И КОМПАНИЯ
34 ВЕСТ 33Д СТРИТ НЬЮ-ЙОРК

Исследования в области американского профсоюзного движения

Дж. Х. ХОЛЛАНДЕР и Г. Е. БАРНЕТТ (редакторы)

380 стр., 8vo, \$2,75 нетто. По почте, \$2,98.

Двенадцать работ аспирантов и сотрудников Университета Джона Хопкинса, представляющих собой результаты оригинальных исследований представительных профсоюзов. Также есть главы, посвященные ассоциациям работодателей, рыцарям труда и Американской федерации труда.

"Несмотря на то, что данные ограничиваются особенностями конкретных профсоюзов, они всеобъемлющи и типичны, так что результат является существенным вкладом в наши знания о профсоюзной структуре и функциях..... Превосходные исследования."- *New York Evening Post*.

Рабочее движение в Австралии

Д-р ВИКТОР С. КЛАРК из Института Карнеги, Вашингтон. 327 стр. 1,50 долл. нетто. По почте, 1,63 долл.

Книга написана просто, нетехнично и очень беспристрастно, и в ней много ценных предложений, касающихся наших собственных трудовых проблем.

"... Полезно и своевременно.... Мистер Кларк, возможно, разочарует как крайних радикалов, которые считают Австралазию раем для рабочих и восторгаются прогрессом, достигнутым там социализмом, так и других экстремистов, которым нравится, когда им говорят, что Австралазия обречена на банкротство, голод и деморализацию как результат социализма и нарушения "естественного закона". Он пишет рассудительно и справедливо и не делает никаких экстравагантных пророчеств ни того, ни другого рода..... Книга очень ценна своими фактами и беспристрастностью, с которой они, а также условия, которыми они обусловлены, представлены."-*Chicago Evening Post*.

"Не будучи доктринером, он может сказать много ценного" -*Chicago Record-Herald*.

Негр и нация

Джордж С. МЕРРИАМ

Возможно, это первая полная история негра в его отношении к нашей политике. 436 стр. 1,75 долл. нетто. По почте - 1,92 доллара.

Преподобный Эдвард Эверетт Хейл в книге "Протяни руку помощи": "Разумные люди, которые хотят знать, которые хотят составить хорошее обоснованное мнение, и особенно те, кто хочет честно участвовать в великих обязанностях времени, прочтут эту книгу, изучат ее и не найдут ничего более достойного прочтения и изучения".

"Глубоко интересная история..... Чрезвычайно удобный для чтения том.-*Boston Transcript*.

Генри Холт и компания

34 W. 33D Street New York

Р. М. ДЖОНСТОН "ВЕДУЩИЕ АМЕРИКАНСКИЕ СОЛДАТЫ

Биографии Вашингтона, Грина, Тейлора, Скотта, Эндрю Джексона, Гранта, Шермана, Шеридана, Макклеллана, Мида, Ли, "Стоунволла" Джексона, Джозефа Э. Джонсона. С портретами, 1 том. \$1,75 нетто; по почте \$1,88.

Первая из новой серии биографий ведущих американцев.

"Оказывает настоящую услугу, сохраняя самое необходимое" - *Рецензия на обзоры*.

"Очень интересно.... Много здравого оригинального подхода, и стиль ясен."-*Springfield Republican*.

КАК ПРЕДПИСЫВАЕТ ГААГА

Дневник жены русского заключенного в Японии. Иллюстрировано фотографиями. 1,50 долл. нетто, по почте 1,62 долл.

"В ней заключен огромный человеческий интерес..... Автор пишет с остроумием и восхитительно женственной непринужденностью."-Outlook.

"Эту удивительно откровенную книгу... могла написать только необычайно способная женщина, знающая изнанку российской политики, а также имеющая реальный опыт работы в японских военных госпиталях" - Чикаго *Рекорд Геральд*.

W. Ф. ДЖОНСОН "ЧЕТЫРЕ ВЕКА ПАНАМСКОГО
КАНАЛ

С 16 иллюстрациями и 6 цветными картами. 3,00 долл. нетто; по почте 3,27 долл.

"Самая подробная и всеобъемлющая книга о Панамском канале" - Nation.

ДЖОН Л. ДЖОН Л. ГИВЕНС "СОЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

В последнее время автор сотрудничал с газетой *New York Evening Sun*. 1,50 долл. нетто; по почте 1,62 долл.

Около семидесяти пяти ведущих газет хвалят эту книгу как лучшее подробное описание деловой, редакционной, репортерской и производственной организации столичного журнала. Она должна стать бесценной для тех, кто начинает работать в газете, и откровением для широкого читателя.

ОТКРЫТАЯ ДОРОГА ДРУЖЕЛЮБНЫЙ ГОРОД

Составитель Э. В. Лукас. Полностью позолоченные, иллюстрированные обложки, каждая (ткань) \$1,50; (кожа) \$2,50.

Симпатичные антологии прозы и стихов британских и американских авторов, соответственно для путешественников и горожан.

* Если читатель пришлет свое имя и адрес, издательство будет время от времени присылать информацию о своих новых книгах.

ГЕНРИ ХОЛТ И КОМПАНИЯ
ИЗДАТЕЛЬСТВО НЬЮ-ЙОРК

Железнодорожные тарифы Макферсона

В их отношении к промышленности и торговле Соединенных Штатов.

Логан Г. Макферсон, автор книги "Работа железных дорог". 8vo. С картами, таблицами и полным указателем. \$2,25 нетто, по почте. \$2.42.

Это исследование структуры грузовых тарифов настолько полно и основательно, что не только представляет огромную ценность для всех, кто имеет отношение к железнодорожным грузоперевозкам, будь то железнодорожный чиновник или грузоотправитель, но и является наиболее увлекательным изложением для широкого читателя темы, которая до сих пор не получала популярного и понятного изложения. Для молодых людей это единственное средство узнать, как развивалась нынешняя система грузовых тарифов.

"Чрезвычайно важная книга..... Это не только лучший существующий отчет, но и лучшая книга по американскому железнодорожному движению..... Мы не сомневаемся, что эта книга будет служить стандартным справочником в течение многих лет, и с точки зрения государственной политики мы очень рады, что она была написана. Страна будет лучше управляться, если законодатели, как штата, так и страны, будут сдавать экзамен по ней перед принятием присяги." - *Railroad Age Gazette*.

"Книга, в которой так нуждалась нация" - *New York Sun*.

Макферсон "Работа железных дорог"

Логан Г. Макферсон, преподаватель транспорта в Университете Джона Хопкинса. 12мо. \$1.50 нетто; по почте \$1.63.

"Просто и доходчиво рассказывает о том, что такое железнодорожная компания, что она делает и как она это делает. Не может не быть полезной для избирателя. Чрезвычайно ценна для молодых и амбициозных железнодорожников" - *The Travelers' Official Railway Guide*.

"Самый важный вклад в эту область, который был сделан до сих пор" - *The Dial*.

"Связь автора с практической службой придает этой книге ценность, равной которой нет ни у одной другой. Актуальная, информативная, ... превосходная работа" - *Уолл-стрит Джорнал*.

Картерс "Когда железные дороги были новыми"

Чарльз Фредерик Картер, со вступительной заметкой Логана Г. Макферсона. 16 полностраничных иллюстраций, 8vo, 312 стр. \$2,00 нетто, по почте \$2,16.

История повседневных трудностей, разочарований и триумфов пионеров, которые строили и управляли ранними железными дорогами. С множеством анекдотов, которые придают книге огромный человеческий интерес.

"Полна интереса. Помимо общей главы о зарождении, в ней рассказывается о ранней истории железных дорог Эри, Пенсильвании и Балтимора и Огайо, о линиях Вандербуилта, первой Тихоокеанской железной дороге и Канадской Тихоокеанской железной дороге. Очень читабельно." - *N. Y. Sun*.

"Бесценно. Она собирает плавающие фрагменты истории железной дороги, вплетая человеческий интерес в связную запись ежедневных испытаний и триумфов. Это человеческий и личный документ, а не сухой исторический трактат или набор анекдотов" - *Baltimore Sun*.

"Ни одна книга о приключениях не содержит более захватывающих эпизодов и не вызывает более разнообразного интереса. Каждая страница вызывает живой интерес. Она изобилует любопытной информацией, тщательно развлекает и поучает" - *Бруклин Игл*.

БИОЛОГИЯ И ЕЕ СОЗДАТЕЛИ Автор: У. А. Локи.

Профессор биологии Северо-Западного университета. 123 иллюстрации. 8vo. \$2,75 нетто, по почте \$2,88.

"Занимательно написано и лучше, чем любая другая существующая на любом языке работа, дает неспециалисту ясное представление о масштабах и развитии обширной науки биологии" - *The Dial*.

КАНАДСКИЕ ТИПЫ СТАРОГО РЕЖИМА К. У. Колби.

Профессор истории в Университете Макгилла. 18 иллюстраций. 8vo. \$2,75 нетто, по почте \$2,90.

"Легкий и изящный стиль. Не только интересное чтение, но и столь ясное представление о том, каким был старый режим в его лучшие времена, какое только можно найти в одном томе" - "Литературный дайджест".

СТРОИТЕЛИ ОБЪЕДИНЕННОЙ ИТАЛИИ Автор: Р. С. Холланд.

С 8 портретами. Большой 12мо. \$2.00 нетто, по почте \$2.13. Исторические биографии Альфьери, Манцони, Джоберти, Манина, Мадзини, Кавура, Гарибальди и Виктора Эммануила.

"Популярный, но не хлипкий" - *The Nation*.

ИТАЛЬЯНЦЫ НАШИХ ДНЕЙ Рене Базен.

Автор "Монахини" и др. Перевод В. Марчанта. 1,25 доллара нетто, по почте 1,35 доллара.

"Самая читаемая книга. Он затрагивает все вопросы" - Бостон *Транскрипт*.

ДАРВИНИЗМ СЕГОДНЯ В. Л. Келлог.

Автор книги "Американские насекомые" и др. 8vo. \$2,00 нетто, по почте \$2,12.

"Может писать по-английски так же ярко и ясно, как старые французы..... В своем тексте он объясняет спор так, что простой человек может его понять, а в примечаниях он приводит доказательства, которые необходимы специалисту..... Блестящая книга, заслуживающая всеобщего внимания" - *New York Sun*.

Если читатель пришлет свое имя и адрес, издательства будут время от времени присылать информацию о своих новых книгах.